This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

NYPL RESEARCH LIBRARIES
3 3433 06725408 0

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

АЛЕКСАНДРЪ ЯРОШКО.

151754

РАЗСКАЗЫ.

С.-Петербургъ. 1908.

Digitized by Google

Digitized by Google

АЛЕКСАНДРЪ ЯРОШКО.

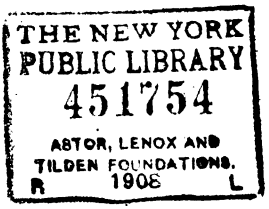
РАЗСКАЗЫ.

Собаки
У моря
Въ туманѣ
Старуха

С.-Петербургъ. 1908.

Digitized by Google

BDG. No. 6 9 3 '09



„Русская Скорепечатня", Спб., Екатерин. кан., 94

Digitized by Google

РАЗСКАЗЫ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Собаки.

Это были два пса, два старыхъ пса, за долголѣтнюю и вѣрную охрану хозяйскихъ овецъ и прочаго добра, помѣщенные какъ бы на пенсію при глухомъ степномъ хуторѣ, на пустынномъ берегу моря. Одного изъ нихъ звали Алабашъ, другого Кутеря. Алабашъ велъ свой родъ отъ старой семьи бараковъ, настоящихъ чабанскихъ сторожевыхъ псовъ, бравшихъ въ одиночку самаго свирѣпаго волка и съ гордостью могъ насчитать по-крайней мѣрѣ десять поколѣній своихъ предковъ, чистоту породы которыхъ не могъ бы заподозрить самый завзятый скептикъ. Достаточно было посмотрѣть на его внѣшность, чтобы сразу же убѣдиться въ этомъ. Крѣпкій, плотный, съ сильною толстою шеею, на прочныхъ ногахъ, съ широкимъ лбомъ, переходившимъ въ могучія челюсти, которыя дробили въ молодые годы, какъ орѣхъ, самыя толстыя кости, весь покрытый высокою, густою шерстью, онъ былъ созданъ самою природою нарочно для степи и степной жизни. Когда съ востока, съ неистовою силою, прикатывалъ жестокій бурунъ, сразу сковывавшій своимъ ледянымъ дыханіемъ всю

Digitized by Google

степь и заметавшій всѣ слѣды въ ней бѣшено вертящимися столбами снѣга, Алабашъ, презирая тепло и нѣгу, забирался куда нибудь на самую верхушку стога сѣна, или на гребень мягкой, полусгнившей соломеной загаты и, свернувшись въ клубокъ, не спалъ до утра, чутко прислушиваясь и ловя своими, коротко обрѣзанными по краямъ ушами всякій подозрительный звукъ, среди шума и рева бури. Алабашъ отлично зналъ по опыту своей молодости, что волки одѣты въ хорошія шубы и, что чѣмъ сильнѣе трещитъ морозъ и завываетъ буря, тѣмъ смѣлѣе подбираются они къ кошарамъ и базамъ, гдѣ, тѣсно прижавшись одна къ другой, дремлютъ трусливыя, глупыя овцы. И когда ему казалось, что гдѣ то слышится подозрительный шорохъ, или его широко раскрытыя ноздри вдругъ улавливали на мгновеніе струю остраго волчьяго запаха, онъ сразу вскакивалъ со своего нагрѣтаго мѣста и смѣлый, безкорыстный слуга своего долга, какъ рыцарь безъ страха и упрека, до утра ходилъ сторожевымъ дозоромъ вокругъ хутора, и вѣтеръ далеко разносилъ по степи эхо его протяжнаго, густого лая. А въ это самое время тонкій, поджарый, пронырливый, весь сотканный изъ хитрости, лѣни и низкопоклонства Кутеря, вытянувшись въ теплой норѣ, выкопанной имъ въ самой серединѣ большой навозной кучи, сладко спалъ и, разбуженный иногда хриплымъ басомъ Алабаша, открывъ глаза, недовольно ворчалъ:

— И чего старается тамъ этотъ старый дуракъ? Вѣдь не выслужитъ все равно своимъ усердіемъ ни лишней кости, ни лишней чашки похлеб-

Digitized by Google

ки... Глухой старикъ спитъ на печи въ своей хатѣ и навѣрное ничего не слышитъ. На печь къ нему волки конечно не влѣзутъ, а овецъ тутъ у нашего хозяина нѣтъ. У старика одинъ теленокъ, да и тотъ въ сѣняхъ, поди-ка, вытащи его оттуда... Тоже подумаешь, не во время показываетъ свою прыть, одно можно только сказать, стараніе не по разуму... Я всегда доказывалъ, что бараки смѣлы, но черезъ чуръ ужъ глупы... Конечно доказывалъ не громко, чтобы они не очень прислушивались, ибо связываться съ этими грубыми дикарями нѣтъ смысла, да и слишкомъ рисковано... Довольно и безъ того у меня было съ ними недоразумѣній и, если бы не мои быстрыя ноги, съ которыми не тягаться этимъ неповоротливымъ мохначамъ, то пѣсенька моя давно бы уже была спѣта...

И, прислушавшись еще нѣсколько минутъ къ сиплому лаю своего товарища, Кутеря устраивался поудобнѣе, закрывалъ свой носъ своимъ пушистымъ хвостомъ и безмятежно уходилъ въ міръ собачьихъ грезъ и сновидѣній, не переставая недовольно ворчать по адресу Алабаша:

Ишь какъ заливается, словно на части кто его разрываетъ... А у самого, небось, всѣ косточки отъ ревматизмовъ, полученныхъ на хозяйской службѣ ноютъ... Ну да ладно, старайся глупый, если есть охота... Не всѣмъ же работать мозгами, нужно-же и дуракамъ для чьего нибудь удовольствія жить на свѣтѣ...

Впрочемъ утромъ, при встрѣчѣ съ Алабашемъ, Кутеря не показывалъ и вида относительно той оцѣнки, которую производилъ ему ночью. Напро-

Digitized by Google

тивъ, скосивши свои маленькіе, хитрые глаза и радостно оскаливъ зубы, дѣлалъ вокругъ своего мохнатаго, угрюмаго друга нѣсколько игривыхъ прыжковъ и потомъ, припавши на переднія лапы, умильно вилялъ своимъ длиннымъ хвостомъ, какъ-бы желая выразить свое особенное уваженіе и восторгъ ко всѣмъ доблестямъ своего пріятеля.

— Ты товарищъ извини меня, свѣтилось въ маленькихъ, лукавыхъ, совершенно какъ у лисицы, глазахъ Кутери, что я не поддержалъ тебя прошедшею ночью, когда ты совершалъ свой обычный дозоръ... Но я слышалъ, даю тебѣ слово, слышалъ все время твой тревожный, честный лай. И, право ни на одну секунду не смыкалъ глазъ... Я ужасно безпокоился... И, въ случаѣ чего нибудь такого серьезнаго, повѣрь мнѣ, въ два прыжка былъ бы возлѣ тебя.

На что Алабашъ, немного простодушный, но всегда прямой и искренній, если бывалъ въ хорошемъ настроеніи, обыкновенно отвѣчалъ легкимъ движеніемъ своего коротко обрубленнаго еще въ дѣтствѣ хвоста. Ладно, молъ, разговаривай, все это ты врешь, давно знаю я всѣ твои увертки... Ну да чертъ съ тобою, стоитъ ли тебѣ, безнадежному, мораль читать? Нужно помнить тоже, что и жили и состарились вмѣстѣ у одного хозяина на службѣ, при одной чабанской гарбѣ...

Если же ночь проходила очень тревожно и чуткія ноздри Алабаша до самаго разсвѣта вдыхали знакомый, острый волчій запахъ, то приближавшійся, то удалявшійся, утренняя встрѣча съ Кутерею у завтрака носила суровый характеръ. На

Digitized by Google

всѣ заигрыванія и завиливанія Кутери, Алабашъ молча подходилъ къ нему вплотную и оскаливалъ съ глухимъ рычаньемъ свои громадные, желтые, притупившіеся, но все еще страшные зубы барака. Ахъ негодяй, презрѣнный негодяй, слышалось въ хриплыхъ звукахъ, вылетавшихъ изъ его старой, могучей собачьей груди... Опять всю ночь дрыхъ безъ просыпа въ теплѣ своей навозной кучи и только съ солнцемъ продралъ свои глазища?.. Вижу, вижу, уже приготовился врать по обыкновенію... Ну-ка поври, попробуй-ка поврать, а я послушаю... Пожалуста, начинайте... Ну... я жду...

Но Кутеря сразу же понималъ, въ чемъ дѣло и какой политики теперь нужно придерживаться въ интересахъ цѣлости своей шкуры. Онъ медленно весь преисполненный почтенія и мнимыхъ угрызеній совѣсти, садился передъ Алабашемъ на заднія лапы и, дрожа всѣмъ тѣломъ, точно его только что окатили холодной водой, тихонько переворачивался животомъ вверхъ и неподвижно замиралъ въ этой позѣ. При чемъ хитрые глаза его сейчасъ же принимали выраженіе глубокой скорби и полной покорности грозящей расправѣ. И въ нихъ свѣтилась мысль:

— Виноватъ...Дѣйствительно виноватъ...Даже не пробую оправдываться...Уповаю единственно на дружеское великодушіе..., И при томъ не забывай пожалуста, что ты потомокъ благородныхъ, старыхъ бараковъ...Ахъ какъ не хорошо, какъ не благородно давить лежачаго...

Хитрецъ, отлично изучивши всѣ черточки характера своего друга, въ трудныхъ случаяхъ всегда

Digitized by Google

билъ на его рыцарскія чувства. И эта уловка никогда не обманывала его.

Обошедши нѣсколько разъ съ рычаньемъ вокругъ распростершагося въ прахъ и замершаго безъ движенія Кутери, Алабашъ ограничивался тѣмъ, что оказавши возлѣ ближайшаго куста или камня знаки величайшаго собачьяго презрѣнія, бросалъ въ сторону молчаливо терпящаго все это Кутери, задними ногами цѣлые комья сухой земли.

И уходилъ дальше.

А Кутеря, выждавши и проводивши его глазами, пока онъ удалялся на приличную дистанцію, вдругъ вскакивалъ и, въ порывѣ бурнаго восторга, устраивалъ такую неистовую скачку кругомъ Алабаша, не забывая сохранять на всякій случай отъ него почтительное разстояніе, точно ему сбросили десять лѣтъ прожитой жизни съ плечъ, или подарили въ полную собственность половину только что околѣвшаго жирнаго барана.

Иногда, впрочемъ, Кутерѣ приходилось показывать быстроту своихъ ногъ и легкость своихъ прыжковъ не ради одного только желанія выказать свои восторги и игривое настроеніе. Это случалось въ тѣ моменты, когда Кутеря, всегда жадный, забывавшій и страхъ и совѣсть передъ голосомъ чревоугодія, проглотивши свою порцію, утаскивалъ какой нибудь лакомый кусокъ изъ подъ самаго носа у Алабаша. И тогда онъ мчался въ степь во всю силу своихъ легкихъ до самой высокой, старой могилы, вскочивши на вершину которой, впервые осмѣливался робко оглянуться назадъ, далеко ли погоня.

Но Алабашъ, настоящій стоикъ въ душѣ, отно-

Digitized by Google

сившійся съ большимъ равнодушіемъ ко всѣмъ благамъ земнымъ, ограничивался сдѣланными подъ вліяніемъ первой минуты раздраженія двумя, тремя короткими прыжками и затѣмъ спокойно возвращался на свое мѣсто. Стоитъ ли кость сама по себѣ волненій? Богъ съ нею, съ костью—Но обида? О, обидъ онъ не забывалъ и наматывалъ ихъ на свой сѣдой усъ. И когда постепенно являлась та послѣдняя капля, которая переполняла чашу, Кутеря задавалъ такіе концерты на всю степь подъ раздѣлкою Алабаша, что даже старый дѣдъ, жившій съ ними тоже на пенсіи, сторожемъ на этомъ глухомъ, далекомъ хуторѣ, выскакивалъ изъ хаты съ длинною чабанскою гирлыгою въ рукѣ и уговаривалъ Алабаша прекратить расправу.

Брось его, Алабашенко, ко всѣмъ нечистымъ, шамкалъ онъ своимъ беззубымъ ртомъ, развѣ ты его передѣлаешь? Всегда подлецомъ былъ Кутеря, подлецомъ и подохнетъ, собачье мясо. Давно это намъ всѣмъ, и тебѣ, и мнѣ извѣстно. Я его, байстрюка самъ на свѣтѣ жить оставилъ, безъ меня такъ бы онъ и пропалъ въ ямѣ, не продравши глазъ. Покойный атагасъ Фома Ивановичъ прямо приказалъ: заброс весь выводокъ Кузнечихи, какъ ощенится, она съ хортомъ шлялась цѣлый тыждень въ плавняхъ, не будетъ толку на этотъ разъ отъ ея щенятъ. Тонконогіе выйдутъ, да вихлястые, да зябкіе, намъ такіе не годятся. А Кузнечиха сука добрая была, у, какая добрая Какъ кляцнетъ, бывало зубами, словно изъ пистоля кто выпалитъ. Три года при моей гарбѣ ходила не отставая. Пожалѣлъ я ее, оставилъ ей въ утѣшеніе этого подлеца Ку-

Digitized by Google

терю... И трусъ и воръ и лукавъ...Настоящій байстрюкъ, ни туда, ни сюда однимъ словомъ... Вотъ только на ноги быстеръ былъ, зайцевъ мы изъ подъ него не мало попоѣли. Брось, его Алабашенко, къ черту... Да ну ...Вотъ чудакъ-то...

Дѣдъ очень уважалъ Алабаша, который и родился и состарился на его глазахъ и никогда не позволялъ себѣ ударить его палкою. Въ крайнемъ случаѣ, если Алабашъ иногда долго не поддавался на увѣщанія, онъ ловилъ его крючкомъ гирлыги за заднюю ногу и оттаскивалъ прочь отъ потрясавшаго воздухъ своими пронзительными воплями Кутери Тогда Кутеря, съ помятыми боками, бросая грустные взгляды на разлетавшіеся во всѣ стороны клочья своей сѣрой шерсти, жалобно визжа уползалъ въ свою нору, съ видомъ умирающаго, собравшаго всѣ силы передъ своимъ послѣднимъ вздохомъ.

Но дѣдъ зналъ отлично всѣ его фокусы и притворства, пускавшіеся имъ въ ходъ съ цѣлью вызвать къ себѣ сочувствіе. Лукавишь, собачій сынъ, кричалъ онъ ему вслѣдъ. И иногда перетягивалъ его же на закуску еще дрючкомъ. Послѣ этого Кутеря въ одно мгновеніе скрывался въ своей пещерѣ, выкопанной имъ такъ расчетливо въ кучѣ навоза, гдѣ онъ проводилъ въ безмятежномъ самоуглубленіи всѣ свои обширные досуги.

А Алабашъ, какъ будто ничего и не случилось, шелъ за дѣдомъ къ хатѣ и вытягивался во всю длину у порога ея. Если дѣдъ выносилъ ему ломоть хлѣба, или кусокъ кокача, вывялянной на солнцѣ солонины изъ старыхъ, зарѣзанныхъ барановъ—бабановъ, онъ благодарилъ его двумя тремя

Digitized by Google

кивками своего коротко обрубленнаго хвоста, не унижаясь и никогда не теряя чувства собственнаго достоинства. И помятый Кутеря, глядя съ завистью на эту картину изъ своей норы, думалъ:

— Скажите пожалуйста сколько гордости! Даже не встанетъ и не раскланяется какъ слѣдуетъ... Удивительно невоспитанная скотина... И это за кокачъ, за великолѣпный кусокъ кокача! Давненько таки я его не пробовалъ... Ишь какъ уплетаетъ, глядѣть даже тошно... И вѣдь не подавится даже, одноглазый песъ...

Въ то время, какъ Алабашъ спалъ вообще, гдѣ попало, а главное, гдѣ считалъ это необходимымъ въ данный моментъ по своимъ сторожевымъ соображеніямъ, хитрый Кутеря устроилъ свою пещеру съ такимъ расчетомъ, чтобы отверстіе ея приходилось прямо противъ двери хаты. Лежа у себя, онъ днемъ ни на минуту не спускалъ глазъ съ этихъ дверей. Едва дѣдъ показывался на порогѣ съ деревяннымъ корытомъ, въ которомъ была замѣшана ячменная мука, и не успѣвалъ еще открыть ротъ, чтобы прокричать обычное, столь милое собачьему сердцу „го-го-го-гоу“,—призывъ къ ѣдѣ, какъ Кутеря въ нѣсколько прыжковъ уже былъ тутъ, какъ тутъ и разсыпался мелкимъ бѣсомъ. На глухой, заброшенный, хуторъ рѣдко кто пріѣзжалъ въ гости или по дѣлу, и съ этой стороны собакамъ поживы было мало. Но выпадали счастливыя времена.

Обыкновенно случалось это осенью, когда зеленый, буйный камышъ, густо обрамлявшій берега искусственныхъ ставковъ, которые наполнялись чистою, какъ хрусталь, водою, бьющею изъ артезіан-

Digitized by Google

скихъ колодцевъ вверхъ, постепенно покрывался сѣтью серебристыхъ султановъ. Когда далекая роща начинала все ярче и ярче сверкать переливами желтыхъ кленовъ, краснаго дуба и бурой рябины, на свѣтломъ фонѣ сѣраго, точно подернутаго дымкой легкой изморози томарикса. Когда на „сбояхъ", возлѣ разбросанныхъ по широкой степи приземистыхъ овечьихъ кошаръ, показывалась осенняя ярко-зеленая травка, такая свѣжая, такая смѣющаяся, такъ весело и довѣрчиво тянущаяся къ ласкающимъ ее теплымъ, уже не обжигающимъ лучамъ солнца. И стайки запоздавшихъ отлетомъ дальше на югъ мелодичныхъ сивокъ, сверкнувъ въ поднебесьѣ, точно брошенныя кѣмъ то сверху пригоршни блестящихъ серебряныхъ монетъ, распластавъ крылья, стремглавъ падали на эти зеленые, громадные степные ковры.

Проходили обычныя равноденственныя бури...

Сѣверо-восточный вѣтеръ, съ ревомъ и воемъ прилеталъ черезъ всю степь до плоскаго берега мелководнаго моря и угонялъ совершенно воду на нѣсколько верстъ куда то вдаль, гдѣ бѣгали и играли надъ темными, высокими волнами пушистые бѣлоснѣжные гребешки. Далеко обнажалось желтое песчанное морское дно. Дѣдъ не зѣвалъ въ эти дни и, забравши съ Анюткою всѣ свои корзины и ведра, спѣшилъ къ ушедшему на короткое время морю. Здѣсь онъ ловко отыскивалъ и вытаскивалъ изъ мокраго песка бычковъ, неуклюжихъ. мягкотѣлыхъ, съ громадными головами, которые безпомощно раскрывали свои огромные рты... То-то благодать!..

Digitized by Google

Но море уже возвращалось обратно, грозное, могучее, свирѣпое, и передовыя волны его быстро гнали передъ собою цѣлыя фаланги чертовыхъ пальцевъ, длинныхъ, сухихъ, острыхъ ракушекъ, трещавшихъ по ночамъ такъ, словно гдѣ то по близости собрались и плясали какой-то бѣшеный танецъ скелеты всѣхъ утопленниковъ, собравшихся сюда съ морского дна. Дѣдъ веселый, довольный, поспѣшно вытаскивалъ свою добычу на берегъ, солилъ ее, сушилъ на солнцѣ, нанизавши рыбку на длинныя нитки... Побурѣвшій камышъ шумѣлъ и, жалобно скрипя, такъ низко пригинался къ землѣ, точно никогда уже не собирался подняться...

Но равноденственныя бури проносились мимо и тогда наступала славная, ласковая, южная осень. Въ степи воцарялась такая тишина, что звонкіе голоса желтыхъ синицъ, перекликавшихся въ далекой рощѣ, доносились до самаго берега моря. И выпрямившійся снова стройный, веселый камышъ, чуть-чуть вздрагивалъ своими серебристыми султанами.

Безконечныя, тонкія нити бѣлой шелковистой паутины трепетали и дрожали въ воздухѣ, носясь по всѣмъ направленіямъ степи и перепутываясь самыми прихотливыми узорами на острыхъ верхушкахъ пожелтѣвшаго ковыля и на широкихъ, вѣтвистыхъ кустахъ сѣрой, душистой полыни. Море дремало и нѣжилось въ какой то лѣнивой истомѣ цѣлыми недѣлями, и на его гладкой, свѣтлой, какъ ярко отполированная сталь, поверхности, отражалась точно въ какомъ то безбрежномъ зеркалѣ, неподвижная синева небесъ. И какъ ни осторожно

Digitized by Google

совершала свои ночные обходы по берегу его лисица, въ надеждѣ поживиться задремавшимъ мартыномъ, или уснувшею чайкою, далеко былъ слышенъ сухой трескъ нагроможденныхъ свирѣпымъ прибоемъ цѣлыми холмами тонкихъ, сухихъ ракушекъ подъ мягкими лисьими шажками.

И начинался обратный перелетъ...

Сначала появлялись стайки веселыхъ, быстрыхъ чирятъ и, шлепнувшись сверху прямо, безо всякой предосторожности въ первый попавшійся прудъ, бороздили сразу десятками длинныхъ дорожекъ его застывшую поверхность. За ними тянули тяжелые, жирные крыжни, шилохвости, черники и другія утки всевозможныхъ породъ, безконечными отрядами, не смѣшиваясь между собой, собиравшіяся на зимнія квартиры. Зачмокивалъ ночью длинноногій бекасъ и къ утру уже цѣлая дюжина ихъ энергично работала въ мокромочинахъ камыша своими прямыми, острыми носами. На песчаной косѣ, далеко выдвинувшейся въ море, важно шагали гордые кроншнепы и цѣлыми стаями собирались красавцы галгазы, щеголеватые, бѣлоснѣжные, съ красными и черными вставками на груди, слетавшіеся сюда на послѣдній сборъ отъ пустыннаго, мертваго Сиваша, въ высокихъ глинистыхъ обрывахъ котораго устраиваютъ они свои гнѣзда. Неслись въ поднебесьѣ возвращающіеся съ далекихъ аральскихъ степей табуны вымирающихъ стрепетовъ.

Кутеря прислушивался по ночамъ къ шуму и свисту, доносившимся сверху отъ стремившихся къ ставкамъ утиныхъ стай и сладко потягивался

Digitized by Google

въ своей норѣ. Онъ зналъ, что скоро наѣдутъ господа и наступятъ для него красные дни. Цѣлыя ведра разныхъ костей и всякихъ объѣдковъ—да такихъ объѣдковъ, при одномъ воспоминаніи о которыхъ Кутеря заранѣе уже облизывался, будутъ поступать ежедневно въ ихъ полное собачье распоряженіе. Ему и Алабашу—больше никого! Это не то что являющаяся иногда по снѣгу зимняя охота, съ массою скрючившихся, вѣчно дрожащихъ отъ холода борзыхъ. Тогда на душѣ по неволѣ становится грустно, такъ какъ часто и три дня рискуешь просидѣть голоднымъ, никто о тебѣ и не вспомнитъ. Хорошо еще, что такіе зимніе наѣзды бываютъ очень рѣдко.

Но осеннія охоты, когда на утокъ господа пріѣзжали совсѣмъ безъ собакъ, или всего съ парою лягашей, Кутеря чрезвычайно любилъ и всегда поджидалъ ихъ съ большимъ нетерпѣніемъ.

Ну и раздабривалъ же онъ за это время!..

Раньше всего появлялась на хуторѣ подвода, нагруженная прислугою и запасами разной провизіи. Отворялся небольшой, стоявшій немного въ сторонѣ охотничій домикъ, для охраны котораго главнымъ образомъ и жилъ тутъ дѣдъ съ Анюткою и съ обоими старыми псами. Двѣ, три красивыя дѣвушки хохлушки изъ дворовой челяди — господа любили и на охоту ѣздить со всѣми удобствами, звеня намистами и молодымъ, задорнымъ смѣхомъ, приводили въ домикѣ все въ порядокъ и разгружали подводу.

Алабашъ равнодушно смотрѣлъ издали на это зрѣлище. Какъ истый старый степнякъ, проведшій всю свою жизнь въ молчаливомъ самососредоточеніи,

Digitized by Google

онъ не любилъ, когда нарушался обычный порядокъ ихъ несложной жизни, даже если это было связано съ какими либо житейскими благами.

Но Кутеря не терялъ даромъ ни минуты времени и старался во всю. Онъ вьюномъ вертѣлся вокругъ дивчатъ и особенно любезничалъ съ поваромъ, котораго сразу же угадывалъ какимъ-то внутреннимъ чутьемъ. Вилялъ хвостомъ съ величайшимъ усердіемъ, прыгалъ кругомъ, катался на спинѣ, заглядывалъ умильно всѣмъ въ глаза и даже на получаемые вначалѣ пинки, не рычалъ и не визжалъ, а такъ мило оскаливалъ зубы, словно улыбался пріятной шуткѣ. Сдѣлайте ваше одолженіе, не стѣсняйтесь пожалуста, казалось говорила вся его длинная морда. Повѣрьте, все, что доставляетъ вамъ удовольствіе, доставляетъ истинное наслажденіе и мнѣ.

Стоило только повару, скучавшему и бродившему вездѣ безъ дѣла до пріѣзда господъ, свистнуть, какъ Кутеря, всею своею фигурою изображавшій трепетное подобострастіе, немедленно являлся на зовъ и провожалъ его къ морю, къ ставкамъ, въ далекую рощу и всюду, куда бы тому не заблагоразсудилось отправиться. Если поваръ бросалъ палку, Кутеря почтительно приносилъ ему ее въ зубахъ. И, весь воплощенное желаніе угодить, бросался по первому приказанію со всѣхъ ногъ на поиски въ самую чащу камыша. Не дуракъ былъ Кутеря, умѣлъ ладить съ сильными міра сего!.. Но чтобы рѣзать себѣ, для ихъ прихоти, пальцы объ острые стебли стараго камыша? Ну нѣтъ, этого онъ не любилъ!..

И, быстро скрывшись въ самыя густыя заросли

Digitized by Google

гдѣ его ни откуда нельзя было видѣть, онъ преспокойно вытягивался тамъ и блаженствовалъ до тѣхъ поръ, пока поваръ, расхваливая въ душѣ его охотничій инстинктъ и пламенное усердіе, не начиналъ усиленно свистать. Но, и тогда Кутеря долго еще не выходилъ оттуда. И наконецъ, неохотно, медленно вылазилъ изъ камыша, принявши видъ необычайнаго утомленія, тяжело дыша и высунувши во всю длину свой длинный, красный языкъ. Готовъ искать и стараться для васъ до безконечности, даже рискуя увѣчьями и собственною жизнью, свѣтилось въ его глазахъ. Но, разъ вы зовете, не смѣю противиться и слушаюсь безпрекословно...

Какъ онъ жирѣлъ за короткій пріѣздъ господъ на осеннюю охоту, этотъ подлецъ Кутеря!..

А Алабашъ, наблюдавшій съ глубокимъ презрѣніемъ всѣ фортели Кутери съ высоты золяного кургана, своего любимаго наблюдательнаго пункта, откуда была видна какъ на ладони вся степь кругомъ и синяя полоса моря, а не однѣ только двери дѣдовой хаты, со стоящею возлѣ нихъ деревянною чашкою, думалъ съ видомъ стараго философа:

— Какой негодяй этотъ Кутеря, даже къ старости у него не прибавилось ни капли совѣсти и самолюбія... Кто только его не поманитъ кускомъ, готовъ сейчасъ бѣжать за всякимъ, куда угодно... Ахъ скотина, гнусная, льстивая скотина... Только и умѣетъ вилять передъ всѣми хвостомъ...

И получалъ большое удовольствіе, искренно смѣясь своимъ однимъ глазомъ, когда видѣлъ, что кто нибудь изъ тѣхъ, возлѣ кого безконечно лебезилъ

Digitized by Google

Кутеря, давалъ ему хорошаго пинка, въ отвѣтъ на который Кутеря только умильно облизывался.

— Еще бы, еще бы негодному подлизѣ, желалъ въ душѣ Алабашъ. И кизиловою палкою бы по спинѣ...

Самъ онъ старался уйти на это время куда нибудь подальше отъ всего этого шума и веселья, которое привозили съ собою наѣхавшіе охотники. Низкопоклонничать онъ не умѣлъ, а завязывать всякія новыя знакомства у него не было ни желанія, ни сноровки. Всѣмъ опытомъ своей трудовой жизни и всею прямотою своей честной собачьей души настоящаго барака, Алабашъ держался того стараго правила, которое учитъ:

Будь ласковъ, но не будь пріятель общій.
Друзей, которыхъ испыталъ желѣзомъ
Къ груди прикуй, но не марай руки
Со всякимъ встрѣчнымъ заключая братство...

И въ то время, какъ Кутеря быстро становился баловнемъ наѣхавшей дворни и катался какъ сыръ въ маслѣ, жирѣя не по днямъ, а по часамъ, Алабаша всѣ считали угрюмымъ и злымъ.

Все какъ будто норовитъ съ боку, чертъ одноглазый, какъ бы хватить тебя изподтишка, говорилъ всегда про него поваръ.

Такова то на свѣтѣ справедливость... Алабашъ отлично понималъ это и еще глубже уходилъ въ себя.

Digitized by Google

II.

Такъ жили они уже третій годъ вчетверомъ на этомъ глухомъ степномъ хуторѣ: дѣдъ Артемъ, одинокій старикъ, безъ роду безъ племени, подобранная имъ въ степи внучка Анютка, и оба старые пса, Алабашъ и Кутеря.

Исторія Анютки была коротка и несложна. Когда дѣдъ ходилъ еще передъ переселеніемъ на хуторъ при кирдѣ заводскихъ испанскихъ барановъ, однажды холоднымъ, росистымъ утромъ вниманіе его привлекло, что Алабашъ и Кутеря упорно стоятъ у заросли терновника, колючаго, густого, цѣпкаго, покрытаго желтыми лишаями и свѣтлымъ мхомъ. Должно быть звѣрюка запряталась, подумалъ дѣдъ. Но сейчасъ же отбросилъ эту мысль. Если бы дѣйствительно въ заросляхъ прятался какой нибудь звѣрь, то собаки не сидѣли бы такъ спокойно. Просто задумались вѣрно, рѣшилъ онъ и занялся обычнымъ дѣломъ, отыскивая опытнымъ глазомъ, нѣтъ ли среди барановъ получившихъ чесотку, чтобы, тотчасъ же поймавши заболѣвшаго, подлечить его скипидарною примочкою.

Прошелъ часъ два, три... Покончивши съ осмотромъ барановъ, дѣдъ снова взглянулъ въ сторону терновника—обѣ собаки продолжали стоять возлѣ заросли въ тѣхъ же самыхъ застывшихъ, полныхъ вниманія позахъ.

Это начинало сильно интересовать старика. Что бы тамъ могло быть? Ежакъ? Но Алабашъ надъ такими пустяками никогда долго не останавливался и равнодушно проходилъ дальше. Дѣдъ заложилъ

Digitized by Google

два пальца въ ротъ и присвистнулъ. Обѣ собаки повернули головы въ его сторону, но продолжали сидѣть не трогаясь съ мѣста.

—Э-гэ-гэ, тутъ что то не ладно, подумалъ дѣдъ. Не заховалъ-ли кто-нибудь въ тернищѣ убитаго, чтобы вѣрнѣе скрыть концы?

И, захвативши на всякій случай свою неразлучную, тяжелую гирлыгу, онъ направился къ зарослямъ. Кутеря тотчасъ же бросился къ дѣду на встрѣчу, чтобы по своему обыкновенію лишній разъ подчеркнуть передъ нимъ свое почтеніе и усердіе всегда служить, но Алабашъ продолжалъ сидѣть на мѣстѣ, оставаясь все въ той же неподвижной, замершей позѣ. Любопытство дѣда достигло высшаго напряженія и онъ, неслышно скользя своими кожаными пасталами по тонкой, жесткой какъ проволока тырсѣ, черезъ двѣ минуты очутился уже возлѣ Алабаша. И даже раскрылъ ротъ отъ удивленія.

У самаго края терновника, на смятой, сухой травѣ, спала дѣвочка лѣтъ восьми. Худенькая, истощенная, съ желтою кожею не только на лицѣ, но и на всемъ тѣлѣ, которая свѣтилась сквозь многочисленныя дыры ея жалкой ситцевой юбченки и грязной кофты, съ крѣпко поджатыми ногами, она походила скорѣе на мертвую, нежели на спящую. Пока дѣдъ, совсѣмъ растерявшійся отъ неожиданности представившейся его глазамъ картины соображалъ, откуда могла попасть сюда, такъ далеко отъ большой дороги и всякаго жилья дѣвченка, Алабашъ раза два лизнулъ ее въ лицо своимъ теплымъ, длиннымъ языкомъ и дѣвочка открыла свои сѣрые, ясные глаза.

Digitized by Google

Ну, живая, теперь дѣло веселѣе, обрадовался дѣдъ и, видя, что дѣвченка готова расплакаться отъ страха передъ этимъ обросшимъ волосами, чернымъ отъ загара человѣкомъ, на головѣ котораго сидѣла такая страшная, такая громадная баранья шапка, и двумя стоявшими возлѣ него большими мохнатыми псами, поспѣшилъ успокоить ее.

— Ну, ну, серденятко, не плачь, не плачь небога, вотъ я тебѣ куплю цацку... Хорошую цацку на ярмаркѣ. Вылазь сюда скорѣе... Что, испугалась собакъ? Ахъ, чудная какая. Не бойся, Алабашенко не такой, чтобы дѣтей трогать. Лѣзь сюда, бѣдолаха...

Дѣвочка сразу успокоилась и, улыбнувшись сквозь слезы, ухватилась обѣими руками за могучую шею Алабаша. И старый, умный песъ добродушно засмѣялся своимъ однимъ глазомъ на довѣрчивую дѣтскую ласку, тихо помахивая своимъ короткимъ обрубленнымъ хвостомъ.

— Какъ тебя зовутъ? началъ дѣдъ допросъ, когда маленькое, худенькое существо, дрожа и ежась въ своихъ жидкихъ лохмотьяхъ, вышло изъ своего убѣжища и вложило свою крошечную рученку въ громадную, всю покрытую шрамами, рубцами и мозолями, руку стараго чабана.

— Анюткой!

— А откуда ты?

— Изъ слободы.

— А слободу какъ зовутъ?

— А я не знаю.

Такой отвѣтъ привелъ дѣда въ полное недоумѣніе. Вотъ такъ штука, пробормоталъ онъ, не знаешь

Digitized by Google

своей слободы... Какъ же мы опредѣлимъ тебя домой? А гдѣ слобода, далеко отсюда?

— Ой-ой, какъ далеко, далеко, по надъ самымъ Днѣпромъ... И Анютка помахала рученкою надъ головой.

Это еще больше осложняло дѣло. До Днѣпра, по самому короткому направленію, было по крайней мѣрѣ полсотни верстъ... Тутъ дѣдъ почувствовалъ, что сообразительность совсѣмъ покидаетъ его.

— А батька у тебя есть? Мамка есть?

— Батька нема... А мамка есть... Марья... Мамку дядьки зовутъ—гулящая Марья и еще зовутъ ее...

Тутъ Анютка произнесла такое слово, что дѣда даже передернуло отъ срама. А сѣрые глаза дѣвочки продолжали глядѣть на него свѣтло и ясно.

— Вотъ оно что, протянулъ дѣдъ... Бѣдная ты пташечка, бѣдная, безсчастная. Какъ же ты попала сюда, безъ пути, безъ дороги?

— Меня мамка привезла. Мамку въ слободѣ дядьки крѣпко, крѣпко побили. А одинъ дядька забралъ насъ обоихъ на подводу и сказалъ мамкѣ: поѣдемъ въ Крымъ, тамъ бабъ мало, тамъ хорошо будешь жить. Когда поѣхали, мамка говоритъ ему на подводѣ: куда я дѣнусь съ этою проклятущею, кто меня съ нею возьметъ? Потомъ они пили водку и ругались. Дядька вечеромъ снялъ меня съ подводы и посадилъ сюда въ кусты. Далъ кусокъ хлѣба и приказалъ: сиди тутъ до утра. Я стала плакать а онъ ударилъ меня кнутомъ и крикнулъ: сиди мнѣ смирно, не скигли, а то волкъ услышитъ, прибѣжитъ и съѣстъ тебя. Дѣдушка

Digitized by Google

это не волкъ возлѣ тебя? Я боюсь волка... И я хочу кушать...

Къ вечеру дѣдъ запрегъ двух-колесную гарбу, гдѣ хранилось у него все, что было необходимо въ суровомъ обиходѣ чабанской жизни, пару сѣрыхъ, какъ дымъ, круторогихъ воловъ и направилъ свой кирдъ барановъ къ полупанскому кошу, гдѣ жилъ его старый пріятель и сверстникъ, атагасъ Чубобрѣй, человѣкъ семейный и очень обстоятельный.

— Вотъ Богъ находку послалъ, произнесъ дѣдъ вводя въ хату, гдѣ за столомъ уже сидѣла съ ложками въ ожиданіи молочной каши вся семья Чубобрѣя, робко глядѣвшую на всѣхъ Анютку. Нѣтъ у меня никого, и у нее никого въ свѣтѣ. Какъ былинка... Это не спроста все вышло. Изъ конторы уже приписано, чтобы къ новому мѣсяцу барановъ отъ меня принять, а мнѣ сторожемъ заступить на охотницкій хуторъ. Самъ напросился у пана, старъ сталъ, боюсь возлѣ кирда не усмотрю. Тамъ вѣрно ужъ и помру... Пусть теперь хозяйкой на хуторѣ будетъ у меня...

И, разсказавши подробно исторію утренней находки, дѣдъ, вытащивъ откуда-та изъ тайниковъ шароваръ кожаный кисетъ, далъ бабамъ денегъ, чтобы онѣ обмыли, обшили Анютку и пріучали ее къ хозяйству, пока онъ еще проходитъ до новаго мѣсяца въ степи со своими баранами.

Надъ дѣдомъ трунили. Должно быть своя дочка, гдѣ нибудь до этихъ поръ припрятывалъ, а теперь вонъ какія сказки выдумываетъ старый хрѣнъ... Но Анютку быстро привели въ полный порядокъ, ей купили все, что нужно и даже пріобрѣли деревя-

Digitized by Google

ную скрыню для того добра, которое нашили и накупили. Чего тутъ только не было! И двѣ пары сапогъ, и кожушанка, подбитая сѣрыми мерлушками, и два теплыхъ платка. По всѣмъ чобарнямъ только и разговоровъ было о томъ, какъ раскошелился дѣдъ Артемъ для своей богоданной сироты-пріймачки. А когда полосу темнаго неба прорѣзалъ острый серпъ молодого мѣсяца и старикъ сдалъ своихъ барановъ, съ подробною характеристикою каждаго изъ нихъ своему замѣстителю, въ хатѣ у Чубобрѣя цѣлыя сутки шелъ кутежъ во всю ширину: передъ отправленіемъ на охотницкій хуторъ, дѣдъ устроилъ отвальную гулянку.

Изъ конторы самъ панъ велѣлъ выдать ему въ награду за долгую и вѣрную службу сто рублей. И, обнимаясь и цѣлуясь съ перепившимися бабами, хриплыми голосами выкрикивавшими какія то жалостныя пѣсни, старикъ, самъ пьяный, размякшій, рыча и всхлипывая, бормоталъ:

— Пятьдесятъ годовъ пропасъ барановъ... И при дѣдѣ, и при батькѣ хозяина день и ночь ходилъ за кирдомъ. Доглядалъ, годувалъ, обмывалъ... Эхъ житье чабанское, собачье,... Ни дня, ни ночи, ни будня, ни свѣтлаго праздника, ни дождя, ни снѣга, ни вѣтра. Но теперь-годи!.. Гайда старымъ костямъ на отдыхъ въ охотницкій. Тамъ заживемъ сами панами...

А утромъ, едва на востокѣ начали ярко вспыхивать и загораться по всему небосклону громадные розовые столбы, дѣдъ запрегъ послѣдній разъ въ свою тяжелую гарбу, гдѣ на этотъ разъ сложенъ былъ весь его собственный скарбъ, пару сѣрыхъ,

Digitized by Google

какъ дымъ, круторогихъ воловъ, посадилъ туда Анютку и тронулся холодкомъ въ путь. Степь чуть начинала еще только пробуждаться отъ короткаго лѣтняго сна и даже пыль, густымъ слоемъ лежавшая въ избитыхъ колеяхъ дороги, не бѣжала густымъ облакомъ за деревянною будкою гарбы, стараясь перегнать ее, а, обернувшись вокругъ высокихъ колесъ ея, тяжело и неподвижно стлалась сзади надъ землею двумя длинными атласными сѣрыми лентами. И снова падала на свое ложе, въ глубокія колеи. Анютка спала внутри гарбы, свернувшись калачикомъ на кучѣ выдѣланныхъ пушистыхъ, теплыхъ шпанскихъ овчинъ. Дѣдъ сидѣлъ впереди, покуривая свою короткую трубку и временами посвистывая на собакъ, которыя часто съ недоумѣніемъ останавливались, или забѣгали далеко по сторонамъ, не видя нигдѣ овецъ и, очевидно, удивляясь этому странному путешествію.

Когда солнце поднялось на столько, что начинало уже припекать и цѣлыя тучи мелкихъ, какъ булавочная головка, съ острыми, какъ лезвіе иголки жалами, мухъ, съ непостижимою яростью накинулись на бока и рога воловъ, забиваясь имъ въ уши, ноздри, облѣпливая глаза и приводя этимъ большихъ, кроткихъ животныхъ въ бѣшенство и неистовство, путники были уже у цѣли. Зеленый камышъ привѣтливо кивалъ имъ на встрѣчу своими серебристыми головками и изъ за его высокой стѣны море ласково сверкало своею ярко-синею полосою Дѣдъ первымъ дѣломъ внимательно осмотрѣлъ и принялъ отъ уходившаго сторожа сначала охотничій домикъ для господъ, потомъ свою хату съ незатѣйли-

Digitized by Google

вою обстановкою и вмѣстѣ съ Анюткою энергично принялся за устройство на новомъ хозяйствѣ. А Алабашъ и Кутеря тѣмъ временемъ подробно изслѣдовали камышъ и всю ближайшую окрестность. Иногда они. прибѣгали къ дѣду и пристально смотрѣли ему въ глаза, точно спрашивая:—Гдѣ же бараны? Чудно какъ-то... Всю свою жизнь прожили возлѣ барановъ и вдругъ нигдѣ ихъ не видно!.. Въ чемъ же теперь будутъ заключаться наши обязанности? Растолкуй пожалуста, хорошенько старикъ, чтобы не было потомъ между нами какихъ нибудь недоразумѣній...

Дѣдъ понималъ смыслъ этихъ нѣмыхъ собачьихъ вопросовъ и, погладивъ головы обоихъ псовъ, воскликнулъ:

— Шабашъ, собачьи дѣти, за долгую службу теперь попали всѣ вмѣстѣ на спокой... Будемъ пановать на всю губу... Тутъ ужъ намъ всѣмъ вмѣстѣ наша послѣдняя каюта...

Собаки точно поняли его слова и повиляли въ отвѣтъ хвостами.

— Пановать такъ пановать, я давно мечталъ объ этомъ и ничего противъ этого не имѣю. Будетъ мерзнуть, мокнуть и жариться возлѣ глупыхъ овецъ, пусть онѣ теперь хоть передохнутъ всѣ,—подумалъ Кутеря и, не теряя времени, съ большимъ расчетомъ выкопалъ себѣ пещеру въ навозной кучѣ, прямо противъ двери хаты.

А Алабашъ, взгрустнувъ немного, облюбовалъ себѣ мѣсто на самой верхушкѣ золяного кургана, откуда далеко во всѣ стороны видны были широкіе горизонты ровной степи. И цѣлыми часами неподвижно сидѣлъ тамъ на заднихъ лапахъ, днемъ

Digitized by Google

грѣя на солнцѣ свои старыя кости, а ночью ловя своими коротко обрѣзанными ушами тѣ безконечные, неопредѣленные, таинственные звуки, которыми становится такъ полна нѣмая степь, когда ее окутаетъ со всѣхъ сторонъ угрюмый, сплошной мракъ.

III.

Такъ тихо и однообразно жили они, уже третій годъ вчетверомъ на этомъ глухомъ степномъ хуторѣ. Два раза въ мѣсяцъ приходила сюда изъ главной экономіи гарба, привозившая имъ двухъ-недѣльный запасъ провизіи и разныя новости. Иногда заѣзжалъ передохнуть на часъ, другой, объѣзчикъ съ дальняго участка. Все остальное время кругомъ царило безлюдье и невозмутимая тишина и на хуторѣ можно было прожить цѣлые мѣсяцы, не увидѣвши ни одного свѣжаго человѣка. Дѣдъ постарѣлъ, весь обросъ сѣдыми волосами и началъ уже горбиться. Теперь на свободѣ ему все хотѣлось возстановить точный счетъ своихъ лѣтъ, но обыкновенно начинавшіяся выкладки кончались такою путаницею, что приходилось только разводить руками отъ недоумѣнія. Приступая къ подсчету, дѣдъ каждый разъ пользовался стариннымъ чабанскимъ способомъ, дѣлая зарубки ножемъ на своей гирлыгѣ. Такъ какъ на свои способности въ этомъ отношеніи онъ не очень надѣялся, то подсчеты подгонялись обыкновенно къ пріѣзду харчевоза, древняго старика, считавшагося между чабанами очень ученымъ человѣкомъ, такъ какъ онъ умѣлъ

Digitized by Google

какими то каракулями дѣлать отмѣтки кому, куда и сколько нужно доставить провизіи. Харчевозъ привозилъ обыкновенно дѣду за его счетъ бутылку водки, настоянной для крѣпости на махоркѣ и, запустивши воловъ отдохнуть и полакомиться зеленымъ камышемъ, оставался на хуторѣ полдня.

— Такъ вотъ слухай же, говорилъ ему дѣдъ послѣ перваго стакана. Отъ того времени, какъ я заступилъ до заводскихъ барановъ и до смерти Михея Недотыки, прошло двѣнадцать годъ.

— Вѣрно, подтверждалъ харчевозъ, я помню, когда померъ Недотыка. Выпито было здорово и кумъ Опанасъ сломалъ себѣ ногу, возвращаясь съ похоронъ. Ой-ой, и голосила-жъ тогда Недотычиха...

Дѣдъ акуратно наносилъ ножемъ на длинную палку гирлыги двѣнадцать крестиковъ.

— А Недотыка при ягнятахъ на красномъ сараѣ прожилъ тринадцать лѣтъ, два мѣсяца и восемь денъ.

— Правильно, подтверждалъ харчевозъ, это я добре помню. Два мѣсяца и восемь денъ, повторялъ онъ, тихонько и незамѣтно подвигая ближе къ себѣ бутылку.

Дѣдъ, весь поглощенный своими вычисленіями, ничего не замѣчая, снова рѣзалъ надлежащее число крестиковъ на гирлыгѣ. Радостная улыбка весело шевелила его длинные, повисшіе усы, онъ былъ увѣренъ, что теперь-то наконецъ онъ близокъ къ цѣли и во что бы то ни стало выяснитъ свой настоящій возрастъ. Новые крестики продолжали длинными рядами ложиться на гирлыгѣ, каждый разъ подкрѣпляемые подтвержденіемъ харчевоза —

Digitized by Google

„вѣрно“. Когда вся лѣтопись событій, ведущихъ къ цѣли, казалась уже исчерпанною, крестики заключались длинною чертою и дѣдъ торжественно передавалъ гирлыгу харчевозу, который приступалъ къ окончательному подсчету.

И каждый разъ выходили самые разнообразные итоги: то сто шестьдесятъ семь, то сто восемьдесятъ три. А однажды получилось въ результатѣ что то совершенно невѣроятное: что дѣду двѣсти двадцать восемь лѣтъ!.. Это такъ ошеломило обоихъ стариковъ, что они долго сидѣли молча, другъ противъ друга, а потомъ харчевозъ пошелъ къ своей гарбѣ и досталъ тамъ изъ какого то завѣтнаго тайника новую бутылку водки.

— Выпьемъ, сказалъ онъ, со слезою въ голосѣ. Вѣрно тебѣ скоро помирать придется, я ужъ добре знаю. Если не придется больше свидѣться, то кланяйся тамъ Недотыкѣ и всѣмъ прочимъ, которые...

— Онъ не договорилъ, выпилъ и горько заплакалъ... Новая бутылка была настоена не на одной только махоркѣ, но и на сѣмянахъ горькаго перца...

Анютка на степномъ привольѣ быстро поднялась, возмужала, превратилась въ тоненькую, румяную, быстроглазую дѣвочку и росла совершеннымъ дичкомъ. На ней лежало теперь цѣликомъ все несложное ихъ хозяйство, она варила обѣдъ, стирала бѣлье, кормила куръ и домовито, серьезно вела свое дѣло. Дѣдъ прежде иногда тревожился, что будетъ съ нею, куда она дѣнется, если онъ вдругъ умретъ. У старика было двѣсти рублей сбереженій въ экономической конторѣ. Онъ еще раньше отписалъ весь свой капиталъ на дѣвочку и просилъ

Digitized by Google

пріѣхавшаго на обычную осеннюю охоту съ гостями молодого пана не забыть Анютку, въ случаѣ чего либо такого. И панъ, не только сочувственно отнесся къ его просьбѣ, но самъ своими руками записалъ ее въ свою книжку. Послѣ этого старикъ совершенно успокоился и не думалъ уже больше объ этомъ.

Зима тянулась долго и скучно. Но когда съ юга начинало дышать тепломъ, отмерзшая земля запаривала такъ, что по всей степной шири, безъ всякаго вѣтра, быстро бѣжали во всѣ концы безконечныя, буйныя волны густого воздуха, и первыя стаи черныхъ скворцовъ, крикливыя и голодныя, опускались на крышу хаты, дѣдъ цѣлыми часами сидѣлъ на завалинкѣ, держа внучку на колѣняхъ и вдыхая полною грудью ароматы быстро идущей южной весны. Алабашъ и Кутеря, вытянувшись во всю длину и поворачивая къ солнцу то одинъ то другой бокъ, лежали тутъ же. А вдали, на поверхности синяго залива, гдѣ еще недавно громадныя, плоскія ледяныя крыги, съ трескомъ и шипѣньемъ лѣзли на берегъ и одна на другую, дробясь на тысячи прозрачныхъ блестящихъ осколковъ и перетираясь въ холодную ледяную пыль, теперь, гордо приподнявши круглыя крылья, плавали стада бѣлоснѣжныхъ лебедей, и оттуда по цѣлымъ днямъ доносились ихъ мелодичные, меланхолическіе клики „ду-ду-ду.“

Наступалъ веселый въ степи душистый апрѣль. Не по днямъ, а по часамъ лѣзли вверхъ изъ теплой, влажной на берегахъ ставковъ земли острые штыки молодого камыша. Анютка убирала съ утра

Digitized by Google

внутри всю хату гирляндами синяго барвинка, ярко красными и желтыми кудрявыми піонами. На зарѣ отчетливо, въ тишинѣ еще спящаго воздуха, было слышно доносившееся со стороны ближайшихъ кошаръ блеянье только что увидавшихъ свѣтъ ягнятъ. И со сторожевой вышки Алабаша, высокой золяной кучи, оставшейся въ степи, какъ единственная память о бродившихъ здѣсь когда то, давнымъ давно, джамбулукскихъ ногайскихъ ордахъ, были видны на зеленомъ коврѣ равнины, среди расплывшихся сѣрыхъ пятенъ старыхъ овецъ, то собиравшіяся, то разбѣгавшіяся свѣтлыя пятна ягнятъ.

Тогда на Алабаша находила безотчетная тоска. Его, стараго степного бродягу, съ неудержимою силою снова тянуло туда, въ даль, въ сизую дымку степного простора. Два или три дня онъ безпокойно бродилъ вокругъ хутора, понуривши голову, не находилъ нигдѣ себѣ мѣста, лизалъ руки Анюткѣ и, сѣвши противъ хаты, долго, долго, вопросительно печально смотрѣлъ своимъ единственнымъ глазомъ въ глаза дѣду. Дѣдъ понималъ сразу, по чему томится душа стараго пса.

— Что, собрался уже мандровать Алабашенко? спрашивалъ онъ, ласково теребя длинную, густую шерсть своего испытаннаго друга. Знаю я твою природу, ты какъ въ старовину добрый запорожскій казакъ не можешь все время возлѣ хаты жить, хочется тебѣ вольной степи понюхать. Вотъ Кутеря, ну давно извѣстно, подлецъ собака, совсѣмъ другого склада, того теперь и палкой отсюда не выгонишь. Ты хоть прогавкай покрайней мѣрѣ напередъ, когда уходить совсѣмъ соберешься, шутилъ онъ.

Digitized by Google

Алабашъ въ отвѣтъ вертѣлъ своимъ коротко обрубленнымъ хвостомъ и, слегка приподнявши свою сѣдую морду, тихо ворчалъ.

Что хотѣла выразить въ эти минуты его благородная собачья душа? Звалъ ли онъ дѣда съ собой въ степь, вспоминая свои молодые годы, вольную жизнь всегда подъ опрокинутымъ куполомъ неба, безсонныя ночи на пролетъ, все время на сторожѣ вокругъ слабаго бараньяго стада? И отдыхъ въ жаркій до одури лѣтній день, когда раскаленный зной тяжелою полосою виситъ надъ землею, когда всѣ овцы, разбившись на кучки, недвижно стоятъ на мѣстѣ, уткнувшись головами другъ въ друга и выставивши наружу свои жирные хвосты. А гордые, бѣлые козлы, не желающіе мѣшаться съ глупымъ, трусливымъ бараньемъ, важно пережевываютъ жвачку въ сторонѣ, изрѣдка потряхивая бородами и побрякивая привязанными къ острымъ рогамъ бубенцами. Отдыхъ въ короткой тѣни чабанской гарбы, вблизи которой мальчишка чабанчукъ, распѣвая какую то заунывную односложную мелодію, варитъ на треногѣ такъ хорошо пахнущую кашу. Или, можетъ быть, онъ просилъ прощенія за слабость характера, которая не позволяла ему, всегда такому серьезному, вѣрному и честному не за страхъ, а за совѣсть, побороть, въ себѣ эту неодолимую, охватывавшую его обыкновенно весной наклонность побродяжничать, отдаться всецѣло обаянью безграничной, величественной степи?

И наступало утро, когда Анютка напрасно кричала и звала Алабаша завтракать. На этотъ разъ къ чашкѣ приходилъ одинъ Кутеря. Приходилъ,

Digitized by Google

теперь уже не мчась во весь духъ, спѣша поскорѣе занять первое мѣсто, а очень степенно, медленно, небрежно потягиваясь и выпрямляя спину. И не хваталъ по своему обыкновенію, давясь и обжигаясь, съ непомѣрною жадностью полнымъ ртомъ ячменную болтушку, а точно нехотя пробовалъ слегка слизнуть ее сверху языкомъ и, зѣвнувши во всю пасть, лѣниво ложился возлѣ чашки.—Спѣшить теперь все равно некуда, и не для чего, думалъ онъ, подождемъ, пусть остынетъ какъ слѣдуетъ.

Кутеря отлично видѣлъ, какъ на разсвѣтѣ Алабашъ, взобравшись на самую вершину своего сторожевого поста, долго пробовалъ носомъ воздухъ во всѣ четыре стороны, а потомъ, какъ бы въ нерѣшительномъ раздумьи, мелкою рысцою потянулъ въ степь. И потонулъ въ ея безграничномъ просторѣ. Въ душѣ Кутеря сугубо ликовалъ и даже закрылъ отъ восторга глаза, притворившись крѣпко спящимъ, когда Алабашъ проходя мимо его излюбленной норы, мелькомъ заглянулъ туда.—Проваливай, пожалуста, поскорѣе, давно я ждалъ этого счастливаго момента, думалъ съ радостью Кутеря, неподвижно лежа и слѣдя за всѣми движеніями Алабаша полузакрытыми глазами. Еще пожалуй комедію прощанья вздумаетъ устраивать... Нечего сказать, самая подходящая внѣшность для проявленія тонкихъ чувствъ, мысленно иронизировалъ онъ... Мужичина неотесанный...

Весь первый день Кутеря бывалъ въ такихъ случаяхъ веселъ до безконечности и подличалъ передъ дѣдомъ и Анюткой на пропалую. Но уже къ вечеру его начинали разбирать трусость и какія-то,

Digitized by Google

пока неясныя, сомнѣнія. Привычка постоянно быть вмѣстѣ, обратившаяся въ привязанность, понемногу давала себя знать. Къ тому же такъ сладко и безмятежно можно было спать у себя въ пещерѣ, въ увѣренности, что чуткій Алабашъ держитъ постоянный, безсмѣнный караулъ на своей вышкѣ. Къ ночи разгоряченная фантазія объѣвшагося за день до одури Кутери начинала рисовать передъ нимъ самыя мрачныя перспективы. А что, если вдругъ лисица, или хорекъ заберется въ курятникъ и свернетъ шеи дѣдовымъ насѣдкамъ? Вѣдь теперь онъ остался одинъ въ качествѣ сторожа и всѣ возможныя несчастья, несомнѣнно, немедленно отразятся на его Кутериной спинѣ... Вотъ старый дуракъ, вздумалъ таскаться куда то въ степи, вмѣсто того чтобъ заниматься тутъ своимъ дѣломъ... Кутерю начинала бить лихорадка отъ страха и онъ въ концѣ концовъ, послѣ долгаго, тяжелаго раздумья, нехотя и кряхтя вылазилъ изъ своей норы и начиналъ ходить злой, сонный, съ непомѣрно раздувшимся животомъ, вокругъ хутора, жалобно завывая высокимъ фальцетомъ и съ дрожью вслушиваясь въ могильную тишину уснувшей степи.

— Скучаетъ, подлецъ, за товарищемъ, ишь какъ старается, думалъ проснувшійся отъ Кутеринаго воя чутко спавшій дѣдъ.

И утромъ утѣшалъ его по своему.

А Алабашъ въ это время, приставши иногда, послѣ жестокой свалки съ цѣлою оравой незнакомыхъ собакъ, къ какому нибудь шматку шпанки, бродилъ вокругъ широко разсыпавшихся, пасущихся въ ночной прохладѣ овецъ. Или, положивши свою

Digitized by Google

большую голову на обѣ переднія лапы, задумчиво, цѣлыми часами лежалъ возлѣ приставшаго, или заблудившагося въ сторону отъ шматка, безпомощно блеющаго барана. Чабаны далеко кругомъ всѣ знали Алабаша и при каждой гарбѣ его принимали, какъ желаннаго гостя.

— А, Алабашенко, старый бурлака, ходи сюда здоровъ...

И такимъ образомъ гулялъ онъ въ степи иногда полмѣсяца, иногда и цѣлый мѣсяцъ, пока его цыганская кочевая натура стараго степняка не начинала чувствовать себя вполнѣ удовлетворенною. Тогда онъ возвращался на хуторъ домой, худой, съ исцарапанными лапами, съ кучами репяховъ на животѣ и на шеѣ, иногда съ цѣлыми клочьями выдранной въ жестокихъ свалкахъ съ чужими собаками шерсти. Всѣ были рады его возвращенью, Дѣдъ гладилъ стараго пса обѣими руками, Анютка цѣловала его сѣдую морду, дергала тихонько за жесткіе усы и осторожно выбирала колючки изъ его сбившейся, порепутавшейся шубы. А Кутеря устраивалъ вокругъ него такую необычайную скачку, и визжалъ съ такимъ восторженнымъ видомъ, что угрюмый Алабашъ, вообще всегда подозрительно относившійся къ искренности проявляемыхъ Кутерею чувствъ, иногда готовъ былъ даже искренно повѣрить въ его горячую любовь и глубокую дружбу.

IV.

Первый снѣгъ выпалъ въ эту зиму для южной степи чрезвычайно рано и совершенно неожиданно. Деревья еще не успѣли сбросить послѣднія поли-

Digitized by Google

нявшія ленты своихъ разноцвѣтныхъ одеждъ, скворцы огромными стаями еще продолжали днемъ внимательный осмотръ овецъ, изъ густого руна которыхъ они вытаскивали личинки всевозможныхъ мухъ и клещей, а къ вечеру черными тучами сплелись на хуторъ и, забравшись въ пожелтѣвшій камышъ, тысячеголосыми хорами трещали и насвистывали свои послѣднія предъ отлетомъ пѣсни. Острыя, прямыя тычинки свѣжей, яркой осенней травки ни разу еще не обжегъ своимъ холоднымъ дыханьемъ набѣжавшій утренникъ и даже взошедшій по колеямъ хлѣбовозныхъ полевыхъ дорогъ безконечными длинными и узкими полосами добрякъ Джонъ — ячменное зерно, широколистый, жирный, зябкій до мнительности, весело переливалъ пока на солнышкѣ своею блѣдною зеленью. И когда вѣтерокъ, шутя пригибалъ къ землѣ его лопушистые, широкіе побѣги, Джонъ шумѣлъ и сердито топорщился. Вотъ погоди-ка, шепталъ онъ на ухо сырой землѣ, возьму да и перезимую тутъ на дорогѣ тебѣ на зло... Не всегда Джонъ-ячменное зерно, взошедши самосѣвомъ, зимою погибаетъ. Рѣдко, но удается иногда ему пережить благополучно всѣ зимнія невзгоды. Подуй-ка тогда весною на меня, подуй-ка, очень я тебя боялся.,. Самъ по себѣ здѣсь выросъ и самъ себѣ хозяинъ...

Вечеромъ дѣдъ долго не могъ рѣшить вопросъ: ложиться-ли ему спать въ хатѣ, или въ сѣняхъ, поближе къ вольному воздуху. По старой чабанской привычкѣ, онъ и въ холодныя ночи часто спалъ подъ открытымъ небомъ, плотно завернувшись въ длинный кожухъ изъ бараньихъ шкуръ и низко нахло-

Digitized by Google

бучивъ свою высокую, бѣлую смушковую шапку до самыхъ глазъ. Было тихо и какъ то особенно мягко тепло, и ничто казалось не предвѣщало какой нибудь рѣзкой перемѣны погоды. Но дѣдъ не даромъ всю свою долгую жизнь прожилъ въ степи и отъ его остраго глаза не ускользала ни одна изъ примѣтъ, выработанныхъ долгимъ опытомъ цѣлаго ряда поколѣній.

Онъ считался на всѣхъ хуторахъ однимъ изъ самыхъ вѣрныхъ предсказателей погоды по тому темному узору, который такими прихотливыми и разнообразными линіями вырисовывается на тонкой, прозрачной лопаткѣ молодого ягненка. Когда съ весны сразу насѣдала упорная засуха, пересохшая земля разрывалась во всѣхъ направленіяхъ узкими, глубокими трещинами, и темно-зеленыя нивы хлѣба сначала все болѣе и болѣе рѣдѣли и блѣднѣли, а потомъ начинали быстро желтѣть и сгорать, за дѣдомъ не разъ нарочно присылали изъ главной экономіи рессорную бричку. Самъ панъ выходилъ къ нему тогда на крыльцо и приказывалъ принести и подать дѣду лопатку только что зарѣзаннаго барашка. Дѣдъ долго поворачивалъ ее широкимъ концомъ противъ солнца, внимательно изучая расположеніе просвѣчивающихся на тонкой, бѣлой кости свѣжихъ лиловыхъ пятенъ и извилинъ. И, въ зависимости отъ ихъ цвѣта и формы, предсказывалъ или скорый дождь, или продолжительную сушь и сушь.

Эге, думалъ часто дѣдъ, не даромъ споконъ вѣка, съ тѣхъ поръ, какъ ходятъ на землѣ овцы, а возлѣ нихъ съ длинными гирлыгами чабаны, пе-

Digitized by Google

редается у нихъ изъ рода въ родъ умѣнье гадать по бараньей кости. Вотъ теперь молодые панычи подтруниваютъ надо всѣмъ... А вѣдь и отецъ ихъ, и дѣдъ ихъ, и самъ прадѣдъ, тотъ самый, который собралъ въ своихъ рукахъ эти сотни тысячъ десятинъ цѣлинной степи, скупленной имъ въ то время за гроши у разныхъ скрутившихся пановъ, которыхъ и нога тутъ никогда не бывала, сильно придерживался старовины и свято вѣрилъ ея завѣтамъ. Про этого легендарнаго хозяйскаго прадѣда, дѣдъ много слышалъ разсказовъ еще въ то время, когда маленькимъ чабанчукомъ варилъ кашу возлѣ гарбы. Прадѣдъ самъ былъ великій чародѣй и кудесникъ, и хохлы не даромъ божились, что ему по ночамъ чертъ носитъ деньги.

Эхъ, какія степи были тогда... Вольныя, просторныя, на сотни верстъ покрытыя сплошь высокимъ ковылемъ, по которому, какъ по серебряному морю, вѣтеръ гналъ во всѣ концы за хвылей хвылю. Плугъ еще робко, неувѣренно, кое гдѣ только узкими полосками, осмѣливался прорѣзывать ихъ дѣвственную грудь своимъ острымъ лемешемъ. И самыя деревушки, рѣдкія, маленькія, приземистыя, какъ-то безпомощно тонули среди океана этой могучей, густо заросшей, безбрежной степи. Все дремало кругомъ безпечнымъ сномъ, думая что и конца не будетъ этой благодати, не спалъ только кудесникъ хозяйскій прадѣдъ. Днемъ и ночью, въ своей окованной толстымъ желѣзомъ бричкѣ, съ высокимъ чернымъ кожанымъ верхомъ, бороздилъ онъ во всѣ концы пустыни отъ Чернаго моря до Азовскаго объѣзжая и провѣряя свои шматки тонкоруной шпанки,

Digitized by Google

стада рогатыхъ быковъ и табуны полудикихъ лошадей. И шматки, и стада, и табуны, все это росло и множилось на степномъ привольѣ съ необычайной быстротой. Земля—все, говорилъ этотъ еще недавно бѣдный выходецъ изъ Браденбурга и постепенно округлялъ свои владѣнія новыми и новыми десятками тысячъ десятинъ прикупаемой степи. Дѣдъ, тогда еще мальчикъ чабанчукъ и самъ сподобился видѣть человѣка, для котораго, какъ онъ и всѣ другіе твердо вѣрили, самъ чертъ отбивалъ по ночамъ червонцы.

Однажды, поздно вечеромъ, когда чабаны только что разсѣлись у гарбы ужинать и уже прицѣливались запустить свои ложки въ обильно политую бараньимъ саломъ кашу, послышался мягкій, глухой въ высокой травѣ стукъ колесъ и изъ ночного мрака, точно выплылъ къ свѣту костра запряженный четверикомъ могучихъ, рослыхъ пѣгихъ лошадей высокій черный фургонъ.—Вотъ кони! Такихъ теперь ужъ нигдѣ не увидишь... Чабановъ, точно искра пронизала, такъ быстро вскочили они всѣ разомъ на ноги и поснимали шапки. Дверца фургона отворилась и оттуда, гибкій, какъ юноша, проворно выскочилъ высокій, худой старикъ, съ начисто выбритымъ лицомъ, на которомъ сверкали молодымъ огнемъ и живостью проницательные, сѣрые глаза. Это былъ самъ хозяинъ, собиратель и владѣлецъ всѣхъ этихъ сотенъ тысячъ десятинъ земли, на которой паслись принадлежавшіе ему безчисленные шматки овецъ, стада скота и табуны лошадей. Одѣтъ онъ былъ чрезвычайно просто и, если бы не четверка пѣгихъ, о которыхъ не мало

Digitized by Google

было раньше разговоровъ. и не повскакивавшіе безъ шапокъ чабаны, маленькій чабанчукъ, вѣроятно, и не догадался бы, кого онъ видитъ передъ собою и принялъ бы пріѣхавшаго за одного изъ многихъ прикащиковъ, которые часто навѣдывались къ шматку.

Хозяинъ поздоровался съ чабанами, прежде всего спросилъ себѣ ложку, сѣлъ съ ними къ вечерѣ и, къ искреннему изумленію чабанчука, немало таки выковырялъ на свой пай каши изъ казана. Потомъ, не спѣша, короткими фразами, началъ бесѣдовать съ атагасомъ объ овцахъ, о травѣ, о томъ, кому куда и когда нужно будетъ переходить со шматками на зимовлю послѣ Покрова и еще о множествѣ разныхъ хозяйственныхъ мелочей, ускользнувшихъ уже теперь изъ памяти дѣда. Но одной подробности онъ не забылъ до сихъ поръ: когда хозяинъ, снявши сапогъ, началъ перевязывать возлѣ колѣна ногу длинною полотняною полосою. Сапогъ его былъ натянуть прямо на босую ногу и, указывая на нее, хозяинъ смѣясь сказалъ атагасу:

— Ось бачишь, Мокій, оттакъ я и зимою обуваюсь, прямо чоботы безъ портянки на ногу. Не то, что теперешніе мерзляки...

Потомъ щелкнулъ бичъ, присвистнулъ кучеръ и пѣгій четверикъ сразу нырнулъ въ ночную тьму. И только глухой стукъ колесъ еще нѣкоторое время доносился изъ окружавшаго гарбу мрака, постепенно замирая вдали. Но чабаны долго не расходились. Подъ впечатлѣніемъ этого неожиданнаго налета, они до разсвѣта передавали другъ другу уже созданныя раньше другими и сами, тутъ же,

Digitized by Google

незамѣтно для себя. созидали новыя легенды о неисчислимыхъ богатствахъ и колдовствѣ своего хозяина, который никогда не спитъ, ни днемъ, ни ночью и все ѣздитъ, все ѣздитъ, безъ дорогъ и путей по безграничной степи. Потому что такой договоръ заключенъ у него съ нечистою силою, ѣздить безъ сна до самой смерти, а та за это носитъ по ночамъ ему цѣлыми мѣшками золото.

Что и говорить, жили таки люди въ степяхъ въ старое время...

Покойный прадѣдъ теперешняго хозяина, тотъ самый, который ѣздилъ на пѣгомъ четверикѣ тоже умѣлъ читать по бараньей лопаткѣ все, что и кому будетъ. И не только про погоду, но и жизнь могъ всякому впередъ угадать. Конечно, заниматься этимъ часто ему не было ни времени, ни охоты Но чабаны хорошо знаютъ, что свою собственную смерть онъ предсказалъ самъ безъ ошибки. И чудно все это какъ то вышло... Велѣлъ онъ какъ то подать себѣ лопатку только что зарѣзаннаго ягненка, долго смотрѣлъ черезъ нее на свѣтъ, а потомъ засмѣялся и говоритъ окружавшимъ—дѣти тутъ сидѣли, внуки, семья огромная.

Я, говоритъ, на счетъ погоды ищу тутъ отвѣта, а лопатка мнѣ на счетъ меня самаго пророчитъ.

Всѣ молчали. Старикъ былъ крутъ и терпѣть не могъ всякихъ разспросовъ, да и боялись его въ семьѣ порядкомъ. Сердитъ былъ на расправу... Долго молчали, только наконецъ старшій правнукъ Федя, теперешній панъ, умница и баловникъ, любимецъ прадѣда, по дѣтскому характеру не выдержалъ и спрашиваетъ:

Digitized by Google

Что же ты на лопаткѣ прочиталъ, дѣдушка?

А то, милый внучекъ, отвѣчаетъ ему, что жить съ вами мнѣ осталось всего два мѣсяца. И что умру я за три дня до Ивана Купала. Значитъ, выходитъ шабашъ... Много попоѣздилъ я за свою жизнь, теперь нужно собираться въ самую далекую дорогу.., И засмѣялся...

Пошелъ тутъ по всему дому плачъ, бабьи причитанья... Стукнулъ старикъ по стулу кулакомъ и выгналъ всѣхъ вонъ въ садъ. Такъ и умеръ какъ предсказалъ, за три дня передъ самымъ Купаломъ.

Это тоже не спроста вышло, потому что извѣстно, кто передъ Купаломъ на землѣ работаетъ. Да, сильные и характерные люди живали раньше въ степяхъ...

Дѣду и теперь еще иногда снится высокій, черный фургонъ и четверка рослыхъ пѣгихъ, неслышно несущаяся безъ дорогъ и безъ путей по высокой, желтой тырсѣ. И вспоминаются ему разсказы, что тамъ, гдѣ прорѣзывали слѣдъ хотя одинъ разъ эти колеса, никогда уже не поднимется примятый ими старый, жесткій калданъ и не выбьются изъ подъ его мертвыхъ желтыхъ косъ зеленыя иглы молодой травы. Точно землю насквозь прожигали они своими широкими желѣзными шинами...

V.

Вечеромъ въ этотъ день дѣдъ долго не могъ рѣшить вопроса, ложиться ему спать въ хатѣ, или въ сѣняхъ. Двѣ подробности однако привлекли къ себѣ его особенное вниманіе. Большая стая галокъ,

Digitized by Google

неистово кружившаяся, игравшая и опрокидывавшаяся въ воздухѣ, и узкая, темно-лиловая полоса, припавшая къ самой землѣ, точно притаившаяся на небосклонѣ съ той стороны, откуда всходило солнце. Галки устроили какую-то бѣшеную воздушную пляску надъ скирдами ближайшаго гармана, гдѣ онѣ, то поднимались тяжелыми, неувѣренными взмахами крыльевъ вверхъ, то вдругъ, всѣ разомъ опрокидываясь съ боку на бокъ, словно сраженныя внезапно однимъ выстрѣломъ изъ какого то невидимаго гигантскаго ружья, съ рѣзкими криками падали на солому и покрывали черными точками верхушки золотистыхъ скирдъ, И, порывшись тутъ своими тупыми, твердыми носами, онѣ снова поднимались вверхъ и снова начинали свою воздушную пляску.

А лиловая полоса, раздѣлявшая собою землю и небо на востокѣ, лежала неподвижно, застывши, какъ вылитая форма темнаго свинца и, казалось, давила своею тяжестью далекій гаризонтъ. Ни одно облачко, легкое, жизнерадостное, поминутно мѣняющее свою окраску и формы, не выпархивало оттуда, чтобы весело поплыть по блѣдно-синему небу. И чудилось, что тамъ, вдали, точно все замерло и погибло подъ этою придавившею землю какимъ то кошмаромъ безконечною тяжестью.

Не къ добру это, рѣшилъ дѣдъ, переводя свои взоры то на рѣзвившихся галокъ, то на восточную часть небосклона.

Утро показало, что онъ былъ правъ. Вся степь сіяла покрывшимъ ее за ночь на четверть аршина ровнымъ снѣжнымъ пологомъ и точно гигантская

Digitized by Google

безъ начала и конца бѣлая скатерть, съ вытканною на краю у самаго берега моря, ярко-синею каймою, ослѣпительно сверкала во всѣ стороны на сколько глазъ хваталъ. Всемозможная мелкая пичужка, не успѣвшая еще выбраться въ теплыя края и неожиданно попавшая въ эту скверную передѣлку, спѣшила поближе къ жилью, къ человѣку. Сюда же поспѣшно бѣжали, тревожно перекликаясь и нервно вздрагивая своими короткими, коричневыми хвостами, цѣлыя семьи сѣрыхъ куропатокъ, совершенно безпомощныхъ, и беззащитныхъ отъ острыхъ когтей ястребовъ среди этой бѣлоснѣжной равнины, на фонѣ которой каждая темная точка рѣзко выдѣлялась издалека. И къ ней сейчасъ же устремлялись со всѣхъ сторонъ голодные, пернатые хищники.

Утро перваго дня внезапно подкравшейся зимы ознаменовалось крупнымъ въ жизни хутора событіемъ: возлѣ навозной кучи, гдѣ устроилъ свою пещеру Кутеря, оказалась задушенная лисица. Ярко рыжая, вполнѣ уже вырядившаяся въ свою теплую зимнюю шубу, съ ровнымъ пушистымъ хвостомъ, она неподвижно лежала, уткнувшись въ снѣгъ своею темною мордочкою, и оскаливши въ предсмертной агоніи свои острые, блестящіе зубы. И струйка алой крови, капавшей изъ ея рта, яркимъ пятномъ темнѣла на бѣломъ снѣгу.

Первымъ открылъ эту новость Алабашъ. Едва поднялся онъ на зарѣ со своего ложа, какъ его чуткія ноздри тотчасъ же уловили въ воздухѣ какой-то посторонній запахъ и онъ, повернувши носомъ по сторонамъ, сразу разобрался, куда нужно идти.

Digitized by Google

Лисица, несомнѣнно пахнетъ лисицой, соображалъ Алабашъ, глубоко вдохнувъ носомъ раза два три холодный воздухъ. Но гдѣ, какъ, откуда? И при томъ въ такое время.. Когда уже начинается день?! Съума она сошла, что ли, чтобы шляться тутъ? Или какая нибудь шалая?

Но фактъ былъ на лицо. Передъ самою норою Кутери вытянулась она во всю свою длину, точно сраженная внезапнымъ ударомъ на полномъ бѣгу. А изъ пещеры, съ плохо скрываемымъ чувствомъ гордаго торжества, свѣтившагося въ маленькихъ, плутовскихъ глазкахъ, выглядывалъ рано проснувшійся сегодня Кутеря. Алабашъ обошелъ со всѣхъ сторонъ лисицу, внимательно обнюхалъ ее, прошелся взадъ и впередъ по ея слѣдамъ, отпечатавшимся на первомъ снѣгу такъ отчетливо и ясно, словно желая провѣрить, откуда она пришла и куда держала путь. Потомъ вернулся обратно и, крутнувши нѣсколько разъ въ знакъ одобренія своимъ коротко обрубленнымъ хвостомъ, удостоилъ даже поцѣловать Кутерю холоднымъ, влажнымъ носомъ. На что въ отвѣтъ Кутеря, важный и гордый, притворно равнодушно зѣвнулъ, не обнаруживая на этотъ разъ вовсе обычныхъ знаковъ подобострастія и почтенія. И между смотрѣвшими другъ другу въ глаза собаками, произошелъ такой короткій діалогъ безъ словъ.

Какъ же это ты братъ такъ отличился? читалъ Кутеря на добродушно удивленной мордѣ Алабаша. Молодецъ, право молодецъ, не проспалъ... Вотъ ужъ никогда не ожидалъ отъ тебя ничего подобнаго... И дѣдъ тебя расхвалитъ.

Digitized by Google

На что Кутеря, съ дѣланнымъ безразличіемъ, за которымъ пряталось съ трудомъ скрываемое хвастовство, отвѣчалъ.

Эка невидаль... Подумаешь... Есть о чемъ говорить? Мнѣ вѣдь стоитъ только захотѣть... То ли еще бывало...

Вышелъ дѣдъ, обрадовался неожиданной находкѣ и расхвалилъ обѣихъ собакъ, такъ какъ сколько ни топырщился передъ нимъ Кутеря, дѣдъ не хотѣлъ вѣрить, что вся честь подвига принадлежитъ нераздѣльно ему.—Это должно быть Алабашенко обработалъ, а ты только дурака валяешь, пристегнуться съ боку къ нему хочешь, громко говорилъ онъ, бережно снимая съ лисы пушистую шкуру. Кутеря обидѣлся и демонстративно отошелъ прочь.

Первый снѣгъ, ясное, тихое утро, и эта яркорыжая, нарядная лиса, неподвижно вытянувшаяся на бѣломъ фонѣ въ такой позѣ, словно она собиралась сдѣлать послѣдній прыжокъ на намѣченную жертву, раззадорила въ Алабашѣ охотничьи инстинкты. Старикъ любилъ иногда при такой обстановкѣ погонять немного въ степи робкаго зайца. Но въ этихъ случаяхъ онъ непремѣнно приглашалъ въ компанію и Кутерю. Обмѣнявшись короткимъ взглядомъ, собаки обыкновенно отправлялись прямо на охоту. Оба пса двигались отъ дома мелкой рысцою, шагахъ въ двадцати одинъ отъ другого, держась на ровной линіи и внимательно изслѣдуя каждое бурое колесо застрявшаго въ степи перекати-поля, всякій кустъ калдана. У Алабаша было лучше чутье, но за то Кутеря бралъ остротою зрѣнія.

Digitized by Google

Искать приходилось не долго, зайцы въ этой мало посѣщаемой людьми степи бѣгали иногда цѣлыми гирляндами. И когда изъ своего кубла выскакивалъ, точно ошпаренный, косой пріятель, начиналась скачка. Кутеря, вспоминая былыя времена и свою былую славу на этомъ поприщѣ, сразу такъ усиленно насѣдалъ на косого, что заяцъ, чувствуя уже на своей спинѣ горячее дыханіе собаки, мысленно прощался съ жизнью и, прижавши плотнѣе къ спинѣ уши, напрягалъ всѣ свои силы, удлинняя прыжки. Далеко сзади тяжело несся съ глухимъ лаемъ Алабашъ. Его прыти хватало ненадолго и старикъ, получая скоро одышку, начиналъ быстро сдавать. Бѣльмо на лѣвомъ глазу мѣшало ему держать вѣрное направленіе, иногда бѣгущій заяцъ вдругъ раздваивался передъ нимъ и Алабашъ съ недоумѣніемъ видѣлъ, что впереди бѣжитъ уже не одинъ заяцъ, а цѣлыхъ два. Онъ бросался со всѣхъ ногъ за тѣмъ, который мчался правѣе и, сдѣлавши нѣсколько десятковъ прыжковъ, вдругъ круто останавливался и со сконфуженнымъ видомъ оглядывался по сторонамъ. Заяцъ внезапно, точно проваливался сквозь землю передъ самымъ его носомъ. Тогда Алабашъ садился на заднія лапы и начиналъ разыскивать на горизонтѣ своимъ однимъ глазомъ Кутерю, котораго не сразу и находилъ скачущимъ въ совершенно противоположномъ направленіи. Послѣ такой неудачи, весь день старый песъ дулся и былъ въ плохомъ расположеніи духа. По снѣгу съ нимъ такія непріятныя случайности происходили рѣже, такъ какъ, не очень довѣряя своему зрѣнію, онъ руководствовался тогда гла-

Digitized by Google

внымъ образомъ рѣзко отпечатывавшимися на снѣжной пеленѣ слѣдами поднятаго звѣрька. Впрочемъ эти устраиваемыя время отъ времени обоими пріятелями охоты, носили болѣе спортивный характеръ и особенною добычливостью похвалиться не могли. Быстроногій когда то Кутеря, теперь тоже начиналъ скоро уставать и разстояніе между нимъ и зайцемъ, сперва такое короткое, постепенно увеличивалось на столько, что заяцъ, не слыша болѣе за своею спиною этого страшнаго, сковывавшаго все его сердце холоднымъ ужасомъ тяжелаго дыханія собаки, понемногу укорачивалъ свой бѣгъ и рисковалъ даже на мгновеніе остановиться, чтобы, высоко поднявшись на заднія лапки, посмотрѣть, далеко ли враги, и съ какой стороны грозитъ главная опасность. И дальше шелъ уже не торопливыми, ровными прыжками, на всякій случай обнюхивая и осматривая своими добродушными, близорукими глазами тѣ мѣста, которыя казались ему наиболѣе удобными для устройства новой лежки.

А Кутеря, утомленный, тяжело дышащій, выкачивался нѣсколько разъ съ наслажденіемъ всѣмъ туловищемъ на снѣгу или на травѣ, что производило невыразимый переполохъ и тревогу среди жившихъ у него на спинѣ большихъ черныхъ блохъ, сладко встряхивался съ такою силою, что клочья вылинявшей шерсти и перепуганныя блохи летѣли отъ него цѣлыми брызгами во всѣ стороны и затѣмъ раза два—три звонко и коротко лаялъ. Это былъ сигналъ Алабашу, дававшій знать ему о печальномъ исходѣ охоты. И оба пса, усталые, довольные, что имъ пришлось тряхнуть стариною, медленно рядомъ возвращались домой.

Digitized by Google

Когда же Кутерѣ удавалось захватить въ расплохъ какого нибудь спящаго, неосторожнаго зайца, или сцапать молодого, глупаго, растерянно мечущагося изъ стороны въ сторону зайченка, о, онъ тогда вовсе не спѣшилъ звать Алабаша условнымъ сигналомъ. Напротивъ, становился нѣмъ какъ рыба и, выбравши поудобнѣе мѣсто, гдѣ тырса была погуще и повыше, не спѣша, съ видомъ стараго любителя обжоры, съѣдалъ самъ всю свою добычу до послѣдней косточки. Единственнымъ свидѣтелемъ его трапезы оставался въ такихъ случаяхъ въ степи обыкновенно одинъ заячій хвостъ. Алабашъ зналъ насквозь всѣ продѣлки Кутери, но развѣ была какая нибудь возможность розыскать обманщика въ этомъ морѣ высокой травы, гдѣ онъ такъ ловко умѣлъ прятаться и, поймавши на мѣстѣ преступленія, наказать его по заслугамъ? Иногда Алабашу приходилось натыкаться въ травѣ на эти заячьи хвосты и онъ съ горечью думалъ тогда: это навѣрно Кутерина работа. И лисица и орелъ съѣдаютъ всегда все безъ остатка. Ахъ подлецъ, подлецъ!.. Но за то по снѣгу Кутерѣ не такъ-то легко было спрятаться.

И вотъ Алабашъ, у котораго снѣгъ, легкій морозъ и утренняя находка, все вмѣстѣ вызвало большой приливъ бодрости и силъ, не тѣхъ старческихъ силъ привычки, которыя позволяли ему и въ дождь и въ бурю по цѣлымъ ночамъ ходить безъ устали сторожевымъ дозоромъ вокругъ хутора, а юныхъ, молодыхъ, вызывающихъ непреодолимое желаніе попрыгать, помчаться, сломя голову, куда-то вдаль, подурачиться, подошелъ къ Кутерѣ, при-

Digitized by Google

коснулся своимъ носомъ къ его носу и ласково заглянулъ ему въ глаза своимъ однимъ глазомъ,

— Пойдемъ старикъ? молча говорилъ онъ.

Кутеря всталъ, потянулся, зѣвнулъ...

И оба пса потрусили потихоньку въ степь, давя своими лапами мягкій, пушистый снѣгъ и внимательно поглядывая по сторонамъ, не видно ли гдѣ свѣжихъ перепутанныхъ заячьихъ слѣдовъ.

VI.

Вотъ обрадуется то Анютка, думалъ дѣдъ, тщательно расправляя на тугой деревяной рогаткѣ мѣхомъ внутрь снятую съ лисицы шкуру. Жалко, что ее тутъ какъ разъ при этомъ не было... И нужно же было безпремѣнно вчера такой оказіи случиться. И зима, и снѣгъ, и все сразу вдругъ подвалило. Ну, да я думаю ее на санкахъ съ Подового коша привезетъ домой самъ атагасъ. У него есть тамъ добрые полозья и коняка. Не пуститъ же дѣвченку по снѣгу пѣшкомъ.

Наканунѣ дѣдъ случайно обнаружилъ, что у нихъ не осталось ни одной капли оліи. Между тѣмъ, какъ разъ заходилъ филипповскій постъ. Изъ экономіи ожидать харчевоза раньше чѣмъ черезъ недѣлю нечего было и думать и дѣдъ, для котораго, какъ и для громадной массы русскаго народа,, весь смыслъ религіи заключался въ выполненіи нѣсколькихъ примитивныхъ внѣшнихъ обрядовъ, да въ строгомъ выполненіи постовъ, не на шутку опечалился. Тогда Анютка, съ которою онъ подѣлился своимъ горемъ, вызвалась отправиться на Подовой Кошъ, гдѣ жилъ старый, много-

Digitized by Google

семейный и чрезвычайно набожный атагасъ Тетерка Этотъ ужъ навѣрное не далъ такого маху и запасся всѣмъ, что нужно каждому доброму христіанину для поста заблаговременно. Дѣдъ сначала долго не соглашался, собирался отправиться самъ, но въ концѣ концовъ сдался на доводы Анютки и отпустилъ дѣвочку. Анютка обула на ноги большіе, неуклюжіе, тяжелые сапоги изъ толстой кожи, одѣла свою новую праздничную бѣлую свитку, обвязала голову теплымъ платкомъ и, взявши въ одну руку палку, а въ другую подвязанную на веревочкѣ бутылку, бодро зашагала прямо черезъ степь къ чернѣвшему верстахъ въ пяти Подовому кошу. Тамъ она должна была переночевать и утромъ, послѣ снѣданка, тронуться въ обратный путь. Дѣвочка вышла изъ дому рано, до появленія безпокойно кувыркавшихся въ воздухѣ галокъ и зловѣщей тучи на востокѣ. Впрочемъ дѣдъ не особенно безпокоился за нее съ этой стороны. Разъ она добралась до мѣста при хорошей погодѣ, то если съ утра и поднимется хуртовына. то все равно ее одну не отпустятъ.

А утро проснулось такимъ бѣлымъ, такимъ тихимъ, яснымъ. Покончивши съ обычными хозяйственными хлопотами, которыя сегодня еще усугубились требовавшею большого вниманія отдѣлкою лисьей шкуры, дѣдъ все чаще ворчалъ и вглядывался въ сторону Подового коша. Наконецъ онъ увидѣлъ тамъ, на фонѣ бѣлой дали, маленькую черную точку, казалось неподвижно стоящую на мѣстѣ. Но точка медленно, медленно увеличивалась и росла, ясно приближаясь по направленію къ ху-

Digitized by Google

тору. Черезъ часъ дѣдъ уже могъ узнать фигуру Анютки, тихо бредшую по снѣгу, изъ котораго она съ трудомъ вытаскивала свои обутыя въ тяжелые сапоги маленькія ноги.

— Ишь старый, лысый чортъ, выругался онъ по адресу Тетерки, жалко ему было запречь коняку... Пустилъ дѣвченку пѣшкомъ, чуть не по колѣно снѣгъ мѣсить.

Но выругался только такъ себѣ, больше изъ приличія, безъ всякаго сердца, такъ какъ Анютка была уже у крайняго ставка, въ какой нибудь сотнѣ саженей отъ хаты. Дѣдъ сразу повеселѣлъ и улыбка широко расплылась подъ его нависшими сѣдыми усами. Вотъ поподчую ее шурбою съ рисомъ, да замощу шурбу хорошенько оліею. Надо бы и водки полстакана дать, чтобы отогрѣлась. Поди, промерзла вся бѣдняга, притомилась... Ахъ старый чортъ!..

И онъ уже взялся за щеколду наружной двери, чтобы войти въ хату, но тутъ взоръ его случайно упалъ на средній ставокъ, къ которому уже безпечно приближалась дѣвочка. Дѣдъ почувствовалъ, что морозъ вдругъ сковалъ въ одно мгновеніе холодомъ всѣ его члены и что ноги его подкашиваются. Онъ едва не упалъ, сознавая, что послѣднія силы совсѣмъ покидаютъ его и, ухватившись обѣими руками за коробку двери, съ безмолвнымъ ужасомъ, не отрывая глазъ, смотрѣлъ туда, на широкую обочину, подъ которой, съ трудомъ вытаскивая изъ снѣга свои громадные сапоги, весело брела Анютка.

Тамъ, за купою нескошеннаго камыша, сидѣлъ

Digitized by Google

большой сѣрый волкъ. Кто и что загнало его въ эту ночь изъ далекихъ крымскихъ горъ въ камыши, сюда, къ самому человѣческому жилью? Худой, жалкій, на половину еще не вылинявшій, со сбившимся въ войлокъ хвостомъ, съ выступившими ребрами, онъ вылѣзъ теперь изъ своего убѣжища и, очевидно мучимый давнимъ голодомъ, забывши всякую осторожность, сидѣлъ весь на виду. Неподвижно, безнадежно тоскливо, весь угрюмое вниманіе и выжиданіе, всѣмъ своимъ тощимъ тѣломъ насторожившись въ сторону приближавшейся къ нему дѣвочки, отъ которой его скрывалъ рѣдкій, на половину вытоптанный камышъ.

Анютка не могла ничего замѣтить, но дѣдъ передъ которымъ волкъ сидѣлъ какъ на ладони, видѣлъ и чувствовалъ все. Съ нечеловѣческимъ усиліемъ стряхнулъ онъ съ себя то состояніе столбняка, въ которое такъ сразу впалъ и бросился къ камышу. Съ голыми руками, позабывъ схватить даже гирлыгу, безъ шапки, тяжело дыша бѣжалъ дѣдъ навстрѣчу Анюткѣ. Ему казалось, что подъ его ногами горитъ земля, еще два три усилія и онъ у цѣли... А на самомъ дѣлѣ цѣль еще была далеко-далеко... Дѣдъ чувствовалъ, что дыханье его становится все короче. изъ груди вырывается хриплый свистъ и какіе-то красные круги прыгаютъ передъ глазами. Собаки, гдѣ собаки? пронеслась мучительная мысль у него въ головѣ. Куда они ушли, неужели еще не вернулись? И, вдохнувши всею силою своихъ легкихъ холодный воздухъ, старикъ закричалъ во все горло:

Алабашъ, Кутеря! О-го-го-го! Улю-лю-лю!...

Digitized by Google

Это было послѣднее... Дѣдъ тяжело опустился сразу, точно брошенный кѣмъ то на снѣгъ мѣшокъ. И въ эту минуту ему показалось, что кто то какъ будто перескочилъ черезъ его голову и что то мохнатое, горячее прошлось по всему его лицу.

Алабашенко! вдругъ словно сквозь сонъ мелькнуло у дѣда въ головѣ и онъ безъ чувствъ свалился на бокъ.

Да, это былъ онъ, Алабашъ, старый вѣрный рыцарь безъ страха и упрека. Покончивши свою любимую забаву по первому снѣгу, оба пса потихоньку возвращались домой и были уже у задней стѣны хаты какъ разъ въ тотъ моментъ, когда дѣдъ бросился бѣжать впередъ. Первымъ увидѣлъ его Алабашъ и съ удивленіемъ высоко поднялъ голову. Но кругомъ все казалось спокойно. Тутъ что то не спроста подумалъ онъ, разберемъ подробности потомъ. А пока главное нужно и намъ скорѣе за нимъ.

И, не понимая еще въ чемъ дѣло, бросился со всѣхъ ногъ впередъ.

За первымъ же поворотомъ стѣны, струя остраго волчьяго запаха вдругъ влилась въ широко раскрытыя ноздри Алабаша и точно сразу наполнила чѣмъ то старымъ, давно забытымъ весь его организмъ. Его единственный глазъ загорѣлся огнемъ юности и отваги. Здѣсь, здѣсь онъ, гдѣ то совсѣмъ близко, радостно стучало сердце стараго барака. На мгновеніе онъ остановился и оглянулся по привычкѣ на Кутерю. Кутеря застылъ въ неподвижной позѣ и вся фигура его выражала явную нерѣшительность и сомнѣніе. Бросившись сразу безотчетно

Digitized by Google

вслѣдъ за Алабашемъ, онъ одновременно съ нимъ тоже почуялъ волка и замеръ на мѣстѣ.

Въ этотъ самый моментъ обѣ собаки услышали призывный, полный отчаянья, крикъ дѣда. И въ отвѣтъ раздался тонкій, протяжный вопль Анютки: волкъ высунулся совсѣмъ изъ за камыша и, расправляя свои окоченѣвшіе члены, стоялъ всего въ нѣсколькихъ шагахъ передъ дѣвочкою, не сводя съ нея своего тусклаго, холоднаго взгляда, въ которомъ свѣтилось только одно чувство, чувство голода, убившаго и страхъ, и осторожность и весь инстинктъ самосохраненія, подсказывавшій ему всю дерзость и нелѣпость этого нападенія среди бѣлаго дня, у самаго жилья.

Теперь уже Алабашъ не оглядывался больше на Кутерю. Вся обстановка дѣла стала ему сразу ясна въ тотъ мигъ, когда онъ услышалъ крикъ Анютки и понялъ, что вопросъ идетъ не объ одной только веселой потѣхѣ. Онъ задрожалъ весь отъ злости, всю его собачью душу объялъ одинъ только страхъ—страхъ опоздать и придалъ ему давно утраченныя молодыя силы. И онъ мчался, мчался безъ оглядки впередъ, превозмогая и свою одышку, и всѣ другія свои старческія немощи. Увлеченный его примѣромъ, позабывъ свою обычную осторожность и трусость, рядомъ съ нимъ, не опережая и не отставая, легко несся Кутеря.

Беззвучно припадая своими вытянувшимися туловищами къ самому снѣгу, быстро приближались обѣ собаки къ той рѣдкой поросли отступившаго отъ воды камыша, изъ за которой выглядывалъ волкъ. А волкъ, пригнувши слегка свою

Digitized by Google

короткую, неповоротливую шею, и не сводя голоднаго взгляда съ намѣченной жертвы, точно гипнотизируя ее, щелкалъ зубами и весь сосредоточился на послѣднемъ прыжкѣ, не видя и не слыша ничего сзади себя. И въ тотъ самый моментъ, когда онъ, оскаливъ свою пасть, тупо ринулся впередъ, какая-то мохнатая масса, тяжело дыша вдругъ сбила его съ ногъ и придавила его сверху всею своею тяжестью. Да, не даромъ Алабашъ съ гордостью могъ насчитать цѣлый рядъ своихъ предковъ настоящихъ бараковъ, рождавшихся и умиравшихъ въ степяхъ, въ которыхъ волки жили въ тѣ времена на полной свободѣ. Онъ зналъ. какъ нужно брать серьезнаго противника въ бою на жизнь и на смерть, и сразу вонзилъ свои клыки въ горло сваленнаго имъ съ налета быстрымъ ударомъ звѣря.

Притупили годы зубы Алабаша... Взвылъ волкъ подъ нимъ не своимъ голосомъ и, круто свернувъ свою голову, острымъ клыкомъ, снизу провелъ по брюху надавившаго пса. И забился Алабашъ въ предсмертной судорогѣ, крѣпко крѣпко сжавъ своими челюстями волчью глотку. И напрасно волкъ напрягалъ всѣ свои силы, пробуя освободиться отъ ужасныхъ объятій душившаго его своими предсмертными конвульсіями пса. Умирающій Алабашъ крѣпко держалъ его своими сильными челюстями, изъ перерванной глотки звѣря струилась кровь и онъ чувствовалъ, какъ холодѣютъ и дергаются его слабѣющія ноги.

А кругомъ ходилъ Кутеря и, высоко поднявъ голову, точно жалуясь равнодушному небу, громко завывалъ. Иногда онъ умолкалъ и толкалъ своимъ

Digitized by Google

влажнымъ носомъ недвижно лежавшаго Алабаша, какъ бы не вѣря своимъ глазамъ и пробуя разбудить своего стараго друга. Но Алабашъ не слышалъ его призывовъ. Онъ уснулъ послѣднимъ сномъ, крѣпко держа мертваго волка въ своихъ окоченѣвшихъ объятіяхъ...

VII.

Когда дѣдъ, которому перепуганная, блѣдная какъ смерть Анютка долго терла снѣгомъ голову, очнулся, онъ не скоро понялъ, что случилось. Разбитый, осунувшійся, тяжело ступая, пошелъ онъ, опираясь на плечо Анютки, къ камышу. Снялъ шапку старикъ и склонился головою надъ застывшимъ трупомъ своего вѣрнаго товарища—Алабашенка. И покатились рѣдкія слезы изъ его старыхъ глазъ, крупными каплями падая на бѣлый снѣгъ и точно тяжелыми гвоздями пробивая его до самой земли.

Честью похоронилъ дѣдъ своего честнаго слугу. Сбилъ изъ досокъ деревянный ящикъ, положилъ туда Алабаша и глубоко закопалъ его на верхушкѣ того самаго золяного кургана, откуда такъ любилъ покойникъ цѣлыми часами безмолвно глядѣть въ широкія дали родной степи. А когда пріѣхалъ харчевозъ, заказалъ ему сразу полведра водки и три дня не выходилъ изъ хаты.

Нѣтъ больше степей... Пропадаетъ послѣдняя тырса, безропотно и навѣки ложась въ могилу подъ блестящимъ лемешомъ плуга. Суживаются и дробятся самые заповѣдные участки дѣвственной цѣлины.

Digitized by Google

Перекочевалъ совсѣмъ отсюда далеко на востокъ стрепетъ, исчезаетъ понемногу осторожная дрофа. Вымираютъ и послѣдніе могиканы степи...

А все же счастливы тѣ, кто помнитъ безграничное море высокаго ковыля, по которому свободный вѣтеръ легко и свободно гналъ серебряныя волны.

Digitized by Google

У моря.

Я пріѣхалъ въ этомъ году немного поздно на осенній сезонъ въ мой любимый городокъ, лѣниво и кокетливо раскинувшійся по склонамъ тѣсною толпою окружившихъ голубой заливъ зеленыхъ горъ, точно сторожившихъ его покой и ласковое тепло отъ холоднаго дуновенія гиперборейскихъ странъ. Былъ уже конецъ сентября. Солнце рано пряталось за высокими, рѣзными верхушками фіолетовыхъ скалъ, на обнаженныхъ ребрахъ которыхъ оно въ теченіе дня играло и переливало самыми тонкими, неуловимыми даже для наблюдательнаго глаза художника красками. Мертвящій зной августовскихъ дней уступилъ мѣсто чуть замѣтной прохладѣ, которая пріятно щекотала и бодрила усталые нервы.

Съѣздъ курортной публики выдался на рѣдкость удачный, и узкая, короткая набережная, на которой бился весь пульсъ мѣстной жизни, съ утра до вечера кипѣла нарядною толпою сытаго, празднаго народа, весело и щедро убивавшаго свое время. Новая публика продолжала прибывать, старая не спѣшила еще разъѣзжаться. И здѣсь, въ этой

Digitized by Google

феерической обстановкѣ такъ щедро собранныхъ въ одномъ мѣстѣ по чьей то прихоти красотъ природы, гдѣ и солнце, и море, и горы глядѣли такъ привѣтливо и такъ ласково, въ обильно насыщенномъ озономъ воздухѣ, глаза блестѣли живѣе, сердце стучало быстрѣе, всѣмъ такъ хотѣлось жить, веселиться и любить...

Лѣтомъ эту гармонію общей жизнерадостности нарушали многочисленные педагоги обоего пола, излюбившіе аристократическій курортъ и вносившіе въ жизнь его на два мѣсяца своихъ вакацій своеобразный колоритъ. Сухіе, съ желтыми, безкровными лицами, одѣтые въ болтающіеся, какъ на вѣшалкахъ желтые чечунчовые пиджаки, или въ залоснившіяся черныя юбки, мѣрно шагали они на скверѣ, въ городскомъ саду, на набережной, или сидѣли цѣлыми часами надъ моремъ, устремивъ свои близорукіе глаза въ его голубую даль. Иногда, обернувшись спиною къ морю, они, казалось, часами любовались игрою красокъ на причудливыхъ извилинахъ фіолетовыхъ скалъ. Но ни одна черточка восторга не отражалась на ихъ желтыхъ лицахъ и, куда бы не смотрѣли черезъ стекла очковъ ихъ близорукіе глаза, вездѣ они точно видѣли досадныя тетрадки съ экстемпорале и плохо рѣшенныя задачи. Какъ манекены, совершали они со всею точностью предписанныя имъ прогулки, окунались въ морскія волны, осторожно держась за веревку, пили мутный, выжатый тутъ же виноградный сокъ и раздраженно отгоняли отъ себя кружившихся въ воздухѣ осъ, продававшихъ въ разносъ фрукты турокъ, и уличныхъ чистильщи-

Digitized by Google

ковъ сапогъ, грековъ, характернымъ шепотомъ настойчиво предлагавшихъ всѣмъ свои услуги.

Въ половинѣ августа, всѣхъ педагоговъ какъ будто вѣтромъ сносило куда то прочь, ситцевый сезонъ кончался и начинался шелковый. Торговцы, содержатели отелей и пансіоновъ, извощики и много всякаго другого народа, жившаго и кормившагося исключительно возлѣ пріѣзжей публики, радостно потирали руки. Подъѣзжала публика иного сорта, не привыкшая и не любившая торговаться въ каждой копѣйкѣ съ прачкой или съ квартирнымъ хозяиномъ. Правда, это было уже въ общемъ не то, что прежде, когда деньги бросались здѣсь прямо на вѣтеръ. Но все же жить еще было можно, и даже накоплять нѣкоторые запасы на зиму, въ періодъ которой жизнь въ городкѣ почти замирала вплоть до будущей весны.

Въ громадномъ отелѣ, гдѣ я всегда останавливался, всѣ номера оказались занятыми. Изъ особой любезности, какъ своему постоянному кліенту, хозяинъ предложилъ мнѣ пока небольшую комнату въ нижнемъ этажѣ. Въ ней помѣщалась какая-то его престарѣлая родственница, которую убрали въ пять минутъ со всѣми ея иконами, писанками и всевозможными амулетами куда-то безо всякаго слѣда.

Комната оказалась не обширной, но очень уютной. Темные обои пропитались прянымъ запахомъ какихъ то душистыхъ травъ и засушенныхъ розъ, которыми пересыпаны были всѣ ящики комода и шкапа. Единственное окно въ комнатѣ было полузакрыто рамкою увивавшаго его снаружи темно-зе-

Digitized by Google

ленаго безсмертника, съ его толстыми, словно вытисненными изъ кожи листьями, и изъ него прямо открывалась морская даль, блещущая, играющая, съ чуть видными, проходящими на горизонтѣ парусными судами и рѣзвящимися у залива дельфинами, надъ выгнутыми спинами которыхъ, точно тяжелыя колеса выкатывавшимися надъ водою, шныряли и полоскались крыльями крикливыя чайки. Вскорѣ я узналъ еще одно особенное достоинство отвоеванной мною обители старой дѣвы. Окно ея, слегка прикрытое каменнымъ переплетомъ и замаскированное густою зеленью плюща, выходило вплотную къ обширной террасѣ отеля, на которой обыкновенно любили проводить свои досуги обитатели его. Разбитая на отдѣльные уголки терраса, являлась хранительницею многихъ тайнъ. Каждое слово, въ силу какого то страннаго акустическаго фокуса, сказанное даже полушепотомъ на лѣвомъ крылѣ ея, представлявшемъ собою излюбленный уголокъ для всякихъ свиданій и объясненій, отчетливо и ясно было слышно въ моей комнатѣ. Для этого даже не требовалось подходить къ самому окну, можно было, лежа съ полнымъ комфортомъ на диванѣ, слышать всѣ разговоры до послѣдней нотки, до звуковъ поцѣлуя включительно. И это въ то время, когда забравшіеся сюда считали себя въ полной безопасности отъ какихъ либо наблюденій со стороны любопытныхъ. Старая дѣва, прожившая восемь лѣтъ въ этой комнатѣ, не даромъ выбрала ее. Воображаю, чего она только не наслушалась и не наглядѣлась, сидя передъ зажженными лампадами своихъ иконъ!...

Digitized by Google

Я не изъ тѣхъ фарисеевъ, которые считаютъ долгомъ оправдываться при всякомъ подозрѣньи въ попыткѣ хотя бы невольно подслушать и подсмотрѣть то, что говорится и творится „sub-rosa“.

Люди такъ устроены, что вся ихъ глупость, подлость и пошлость выказывается во всей своей откровенной красѣ только въ тѣ моменты, когда они увѣрены, что ихъ никто не видитъ и не слышитъ. Почему же и не полюбоваться ими въ этакомъ натуральномъ видѣ? Тѣмъ болѣе, если сама судьба послала возможность этого безо всякихъ попытокъ и усилій съ моей стороны. Подслушивать у двери, что дѣлается въ сосѣдней комнатѣ, это гадко. Но не могу же я сидѣть у себя все время съ закрытомъ окномъ, или заявлять всѣмъ и каждому на террасѣ, будьте осторожнѣе, у меня въ комнатѣ все слышно?

Я не отличаюсь нескромностью. И не пойду разглашать съ прикрасами всѣмъ и каждому тѣ тайны, которыя можетъ быть войдутъ въ мое окно вмѣстѣ съ ароматами желтыхъ чайныхъ розъ и пылающей гвоздики. Но лишняя коллекція человѣческихъ документовъ въ портфелѣ моихъ наблюденій и воспоминаній, не явится помѣхой.

И, когда сегодня хозяинъ отеля любезно заявилъ мнѣ, что освободилось помѣщеніе во второмъ этажѣ съ видомъ на горы, на море и на далекій базальтовый мысъ съ мигающимъ на верхушкѣ его маякомъ,—это ваша любимая сторона,—добавилъ онъ улыбаясь, я удивилъ его заявленьемъ, что комната старой дѣвы очень понравилась мнѣ своею тишиною и прохладой, и что я остаюсь здѣсь.

Digitized by Google

II.

Такъ какъ во время сезона въ отелѣ дешевле пяти рублей номеровъ не было, то публика подбиралась тутъ только такая, которую принято называть отборною. Двѣ большія черныя доски, висѣвшія по обѣ стороны красиваго просторнаго антрэ, были каліграфически исписаны громкими титулованными фамиліями, переплетавшимися съ именами крупныхъ фабрикантовъ, милліонщиковъ-купцовъ и первоклассныхъ кокотокъ. Шелестѣлъ шелкъ, сверкали бриллiянты и запахъ самыхъ тонкихъ, дорогихъ духовъ разносился по всѣмъ коридорамъ, смѣшиваясь съ врывавшимся въ окна и двери ароматомъ осеннихъ цвѣтовъ, которые пестрыми коврами самыхъ замысловатыхъ рисунковъ разстилались передъ террасой. Грубая, шумная, дерзкая улица была отдалена садомъ, чтобы не нарушать покоя и не оскорблять слуха и обонянья наслаждающихся здѣсь жизнью баловней судьбы. Для ихъ развлеченья игралъ въ саду свой оркестръ музыки и, разсыпавшись на широкой, усыпанной мелкимъ пескомъ площадкѣ, въ расцвѣченныхъ электрическими лампіонами кіоскахъ и бесѣдкахъ, сытые, праздные, пресыщенные жизнью люди дѣлали видъ, что они веселятся, лгали другъ другу, клеветали на проходящихъ женщинъ и низкопоклонничали, или пренебрежительно, еле кивали головою проходящимъ мужчинамъ.

Это былъ особенный, своеобразный міръ, уголокъ высшей петербургской бюрократіи и богатой, торговой Москвы, перекочевавшій сюда со всѣми

Digitized by Google

интересами и даже съ собственными, самыми модными кокотками. И море, и горы и всѣ прочія, щедро разсыпанныя на каждомъ шагу красоты природы, занимали всю эту публику ровно по стольку, по скольку это считалось необходимымъ для хорошаго тона. Съ утра каждый день у воротъ стояло нѣсколько группъ верховыхъ лошадей подъ мужскими и дамскими сѣдлами, заказанныхъ наканунѣ вечеромъ для экскурсій по окрестностямъ. Не спѣша, лѣниво ступая и слегка согнувши свой станъ, выходили гвардейскіе офицеры съ дамами, затянутыми до послѣдней возможности въ суконныя амазонки. Потомъ появлялись молодые купцы въ желтыхъ гетрахъ, съ большими блестящими шпорами на сапогахъ, съ толстыми штэками въ рукахъ, что удивительно гармонировало съ ихъ мясистыми лицами, картофельными носами, черными шляпами и объемистыми животами, все время дѣлавшими тщетныя попытки выскочить изъ туго застегнутыхъ жилетовъ.

Неуклюже болтаясь въ сѣдлѣ и хватая при каждомъ неожиданномъ движеньи лошадей за гривы, они непремѣнно старались поскакать съ мѣста въ галопъ, чтобы показать свою лихость и прихвастнуть передъ своими дамами, дебелыми, расплывчатыми, мягкотѣлыми, которыя благоразумно предпочитали экскурсировать въ покойныхъ экипажахъ.

Горы сіяли и манили къ себѣ мягкимъ ласковымъ свѣтомъ, ближе къ ущельямъ переходившимъ въ темныя полутѣни. Казалось, цѣлыми часами можно было безъ утомленія и скуки ходить по покрывавшимъ ихъ во всѣхъ направленіяхъ доро-

Digitized by Google

гамъ и тропинкамъ, гдѣ на каждомъ шагу открывались все новые и новые чарующіе виды, но большинство экскурсантовъ, добравшись до мѣста назначенія, распаковывали привезенныя съ собою корзины съ припасами и, просидѣвши за накрытыми столами ровно столько времени, сколько нужно было чтобы все съѣсть и выпить, утомленные и разочарованные возвращались домой.

III.

Каждое утро на террасѣ показывался обыкновенно князь. Высокій, плотный мужчина, съ маленькою сѣдѣющею бородкой на гладко выбритомъ лицѣ, всегда въ черномъ смокингѣ, князь въ силу занимаемаго имъ положенія, былъ однимъ изъ центровъ общаго вниманья. Когда онъ, не спѣша, прищуривъ свои свѣтлые, слегка насмѣшливые глаза, проходилъ въ свой любимый уголокъ, примыкавшій прямо къ окну моей комнаты, всѣ почтительно сторонились и уступали ему дорогу. А онъ обмѣнивался рукопожатіями со знакомыми, смѣющимся взглядомъ благодаря незнакомыхъ и его немного утомленный, ласковый взглядъ переходилъ отъ лица къ лицу, точно желая каждому сказать что нибудь пріятное.

Былъ однако одинъ человѣкъ, на котораго князь ни разу даже не взглянулъ за все время, хотя онъ по утрамъ, почти одновременно, также аккуратно являлся на террасу и, помѣстившись на противоположной сторонѣ ея, сидѣлъ тамъ цѣлыми часами, протянувъ на стулъ свои сухія, длинныя ноги. Высокій, худой, носитель очень древней фамиліи,

Digitized by Google

недавно еще вліятельный и близкій человѣкъ къ самымъ высокимъ сферамъ, съ генералъ-адъютантскими вензелями, баронъ держался всегда особнякомъ, ни съ кѣмъ не сходясь и скользя по мелькавшимъ передъ нимъ людямъ такимъ взглядомъ, точно это были не люди, а просто какія то тѣни. Цѣлые часы проводилъ онъ тутъ неподвижно, полу-сидя, полу-лежа, устремивъ свои взоры на морскую синеву, съ прикрытыми легкимъ пледомъ ноющими отъ старыхъ ранъ ногами.

О его прошломъ ходили цѣлыя легенды, которыя заставляли почтительно осторожно обходить то мѣсто, которое онъ занималъ, даже когда тамъ его не было. Сухое, породистое лицо барона, украшенное большими пушистыми усами, выражало нескрываемое презрѣніе ко всему окружающему, презрѣніе человѣка, бывшаго всю свою жизнь на самомъ верху и хорошо познавшаго всю низость и подлость человѣческой души. Исключенье онъ дѣлалъ только для тѣхъ немногихъ женщинъ, которыя выдѣлялись выдающейся красотой. Но и тутъ обычное презрѣніе не покидало его и чувствовалось даже въ самомъ способѣ перваго знакомства. Онъ просто, безо всякихъ церемоній, заговаривалъ съ тѣми, которыя ему нравились и, послѣ нѣсколькихъ фразъ приглашалъ ихъ „посидѣть возлѣ больного старика". Тонъ его рѣчей былъ всегда отрывочный, лаконическій, сдержанно-насмѣшливый и, странное дѣло, удостоенныя его вниманія женщины, робѣли, краснѣли и сидѣли возлѣ него, повинуясь его капризамъ, цѣлыми часами.

— Только пожалуста, моя дорогая,—предупре-

Digitized by Google

ждалъ баронъ въ первый же день знакомства,—не вздумайте представлять мнѣ вашего мужа и всякую тамъ родню.

Это звучало жестоко и обидно! А между тѣмъ, осчастливленныя его знакомствомъ женщины, наперерывъ одна передъ другой старались попасть ему на глаза, чтобы удостоиться чести получить приглашеніе посидѣть возлѣ этой старой именитой развалины, громко кашлявшей и, по привычкѣ стараго кавалериста, часто плевавшей прямо черезъ перила террасы. Онѣ сидѣли счастливыя, радостно возбужденныя, бросая изподтишка взгляды на проходящихъ, въ глазахъ которыхъ выискивали чувство зависти къ нимъ. Иногда къ какой нибудь красавицѣ, съ сосредоточеннымъ вниманьемъ выслушивающей, какъ нѣчто чрезвычайно интересное, короткія, односложныя фразы барона изъ воспоминаній его прошлаго, въ которыхъ такъ и сверкали имена сильныхъ міра сего, на цыпочкахъ, осторожно, тихо подкрадывался мужъ, или кто нибудь изъ близкихъ людей. Издали всевозможными знаками давалъ онъ понять, что пора куда нибудь ѣхать, что всѣ ждутъ, что нужно наконецъ переговорить. Но женщины, какъ зачарованныя, оставались сидѣть возлѣ барона, досадливо отмахиваясь, или не обращая вовсе никакого вниманія на самые настойчивые призывы. И мужчины, исчерпавъ всѣ возможные способы устроить переговоры, уходили прочь, не рискуя подойти и объясниться въ непосредственной близости.

Такова то сила и обаянье власти, хотя бы и прошлой, въ связи съ породою и богатствомъ. На женщинъ это дѣйствуетъ всегда неотразимо. Кто

Digitized by Google

знаетъ, можетъ быть не послѣднюю роль въ этомъ играетъ столь свойственное имъ чувство ненасытнаго тщеславія, Я—одна изъ немногихъ отличенныхъ, свѣтится въ ихъ глазахъ въ такія минуты... Пусть онъ и старъ, и противенъ, но я съ наслажденьемъ готова проводить возлѣ него цѣлые часы, хотя бы уже только потому, что это вызываетъ чувство зависти ко мнѣ со стороны всѣхъ остальныхъ женщинъ, которыя проходятъ мимо и видятъ, возлѣ кого я сижу. А что можетъ больше льстить чувству женщины, какъ не чувство зависти, вызванное ею у другихъ женщинъ? Чтобы достичь этого, онѣ готовы сами претерпѣть многое и заставить претерпѣть своихъ близкихъ. Онѣ часто способны отдаться безъ всякой любви, безъ минутнаго порыва даже, людямъ, къ которымъ не питаютъ ничего, кромѣ чувства глубокаго отвращенья, разъ это льститъ ихъ честолюбію и можетъ возбудить зависть у другихъ!

Утромъ для князя и для барона сервировали на террасѣ, въ излюбленныхъ ими уголкахъ, кофе. Это дѣлалось въ исключенье изъ общаго правила, по которому никому ничего не подавалось изъ ресторана на нижнюю веранду. Баронъ сидѣлъ передъ своимъ кофейникомъ очень долго, устремивъ разсѣянно свои взоры въ морскую даль, можетъ быть воскрешая въ памяти своей картины длинной, блестящей жизни урожденнаго царедворца. Говорили, что по вечерамъ онъ пишетъ свои мемуары, а по утрамъ мысль его вѣроятно сосредоточивалась на обширныхъ матерьялахъ, возстановляя въ деталяхъ разные эпизоды прошлаго, подлежащіе вечерней обработкѣ. Когда проходила мимо, не глядя въ его

Digitized by Google

сторону, но нарочно замедляя шаги, какая нибудь изъ немногихъ, отличенныхъ имъ дамъ, онъ медленно поворачивалъ голову и, не дѣлая даже попытки приподняться, отрывисто, медленно бросалъ:

— Добраго утра, сударыня... Что же вы не удостоите вниманьемъ больного старика? Подойдите, присядьте... Не прикажете ли кофе?

Иногда дѣлались слабыя попытки, больше для виду отговориться, что некогда, спѣшу...

Но баронъ слишкомъ хорошо зналъ человѣческую натуру и смотрѣлъ въ упоръ своими холодными, все презирающими, слишкомъ много видывавшими на своемъ вѣку глазами. Онъ никогда не уговаривалъ, не убѣждалъ, и только голосомъ, привыкшимъ всю жизнь повелѣвать, коротко повторялъ:

Присядьте...

Начинался разговоръ... Баронъ не особенно разнообразилъ темы бесѣдъ и ему больше всего доставляло удовольствія предлагать молодымъ женщинамъ такіе вопросы, отъ которыхъ краска стыда вдругъ вспыхивала на ихъ красивыхъ лицахъ и глаза становились влажными, или загорались сухимъ огнемъ. Но они не вставали, не уходили, а сидѣли и слушали, даже тѣ изъ нихъ, которыя считались очень нравственными и стыдливыми. Самыя фривольныя фразы, за которыя къ другому человѣку можетъ быть сразу же повернулись бы спиною, срываясь изъ подъ длинныхъ усовъ этого баловня случая, казались женщинамъ остроумными и красивыми. Иногда баронъ, схвативши на лету какой нибудь полузабытый эпизодъ изъ своихъ во-

Digitized by Google

споминаній, сразу умолкалъ и, позабывши о своей собесѣдницѣ, нѣкоторое время молча и неподвижно смотрѣлъ въ морскую даль. Если та продолжала сидѣть тихо, то это томительное молчанье продолжалось часто безъ конца. Если же пробовала проявить признаки нетерпѣнія, то баронъ спохватывался:

— Виноватъ... Не обращайте пожалуста вниманія, со мной это бываетъ часто и совершенно невольно. Когда нить воспоминаній очень длина и начало ея теряется гдѣ то слишкомъ далеко, передъ глазами часто вдругъ встаетъ давно позабытая картина, ясно, свѣтло, со всѣми мельчайшими подробностями. Ее нужно тотчасъ же поймать, напрягши всю силу воображенія и запечатлѣть въ памяти цѣликомъ, какъ на фотографической пластинкѣ. Иначе она расплывется, какъ въ туманѣ и можетъ быть уже не вернется вновь. Вся моя жизнь состояла изъ непрерывнаго ряда такихъ картинъ и онѣ можетъ быть интересны не для одного только меня.

И онъ разсказывалъ тутъ же что нибудь дѣйствительно полное интереса, пересыпая факты громкими титулами, историческими именами, и часто въ этихъ разсказахъ изъ первыхъ рукъ, разные государственные люди, вошедшіе уже въ исторію съ ореоломъ ума и всякихъ добродѣтелей, фигурировали въ роляхъ, выставлявшихъ ихъ какъ пошляковъ, интригановъ, своекорыстныхъ дѣльцовъ и наглыхъ развратниковъ. Къ чести своей баронъ ничуть не старался прикрасить и себя, если ему приходилось касаться и своей особы въ передаваемыхъ воспоминаніяхъ. Напротивъ, онъ подчеркивалъ всѣ свои скверныя стороны съ какимъ то особеннымъ

Digitized by Google

цинизмомъ человѣка, презирающаго рѣшительно все до общественнаго мнѣнія включительно.

Къ вечеру, конечно, уже все населеніе отеля знало содержаніе новаго отрывка изъ воспоминаній барона и коментировало его съ разными прикрасами и добавленіями.

Князь быстро проглатывалъ два стакана кофе, слегка пробѣгая мѣстную газету. Ровно въ десять часовъ приходилъ его секретарь, молодой еще, хлыщеватый, носившій съ какимъ то особеннымъ шикомъ свой форменный костюмъ, украшенный темнозелеными кантами, держа подъ мышкою объемистый портфель, туго набитый самыми свѣжими бумагами служебнаго содержанія.

Почтительно, но какъ разъ въ мѣру, какъ и подобаетъ человѣку привыкшему ежедневно встрѣчаться съ сановниками, отвѣтивши на привѣтъ князя и приглашеніе садиться, секретарь приступалъ къ докладу.

Прежде всего появлялась на столѣ толстая пачка телеграммъ и начиналось чтеніе ихъ вслухъ. Почти всѣ телеграммы были помѣчены срочными и всѣ были переполнены жалобами, изложенными въ самой горячей формѣ на одну и ту же тему. Изъ разныхъ мѣстъ, съ запада, съ востока, съ юга, съ сѣвера, люди, точно сговорившись между собою, слали мольбы и просьбы, грозя крахами, разореньемъ, полнымъ банкротствомъ. Нѣтъ вагоновъ, не даютъ вагоновъ, отказываютъ въ вагонахъ... Бунты хлѣба, сложенные еще мѣсяцъ тому назадъ подъ открытымъ небомъ, гніютъ подъ непрерывными дождями и мѣшки, въ которыхъ хранится зер-

Digitized by Google

но, уже проростаютъ свѣжею зеленью... Доставка свекловицы на заводы прекратилась, заводы стоятъ, бураки гибнутъ... Всякая надежда пополнить запасы топлива на зиму изсякаетъ, уголь вздорожалъ вдвое, бѣдной части населенія грозитъ перспектива холодной смерти...

Отовсюду, съ Волги, съ Днѣпра, изъ Оренбургскихъ степей, изъ пропитаннаго дымомъ заводскихъ трубъ донецкаго района, съ далекой Вислы и съ мрачнаго Полѣсья, неслись эти крики отчаянья, разыскивавшіе по телеграфной проволокѣ одного человѣка, который точно обладалъ сверхестественной силой и могъ однимъ мановеніемъ руки устранить весь тотъ хаосъ, въ который вдругъ попала вся жизнь страны.

Быстро, скороговоркою, глотая наполовину слова, читалъ секретарь весь этотъ громадный ворохъ телеграммъ, иногда только повышая тонъ на отдѣльныхъ выраженіяхъ. И въ теченіе продолжительнаго времени въ цѣломъ потокѣ невнятно быстро прыгающихъ словъ, точно выдавливаемые какою то особенною пружиною, выскакивали:—Гніетъ... гніетъ... гніетъ... Разоренье... разоренье... Умоляемъ... умоляемъ...

Иногда проскальзывала рѣзкая фраза, вырвавшаяся очевидно изъ самаго сердца у людей, передъ глазами которыхъ вырисовывался призракъ нищеты, но тотчасъ же сглаживалась самыми униженными мольбами.

А человѣкъ, къ которому, какъ къ какому то всесильному кудеснику, каждый день сотнями и тысячами сбѣгались со всей Россіи эти вопли отчаянья

Digitized by Google

и слезы повсемѣстнаго воцарившагося хаоса, сидѣлъ, откинувшись на спинку плетенаго японскаго кресла и, устало полузакрывши глаза, выслушивалъ то, что приносили ему каждое утро такъ же аккуратно, какъ приносили кофе съ горячими сливками.

— Къ чему все это?

Передъ глазами такъ ласково и торжествующе гордо сверкало своею синевою море, съ толстыхъ виноградныхъ лозъ, сдавившихъ своими горячими объятіями сѣрые каменные столбы, прямо на террасу заглядывали спѣлыя кисти чернаго и бѣлаго винограда. Желтогрудыя синицы, гости надвигающейся осени, прыгали между ними и выдалбливали изъ подъ коры и изъ подъ листьевъ разныхъ козявокъ, перекликаясь своими звонкими, какъ колокольчики голосами. Двѣ нарядныя амазонки спускались внизъ, въ сопровожденіи проводника татарина въ расшитой золотомъ курткѣ... Подростки, въ короткихъ бѣлыхъ юбкахъ и эластичныхъ туфляхъ, съ ракетами въ рукахъ весело бѣжали къ лаунъ-тенису... Послышались гортанные звуки голоса барона—онъ смѣялся. Это была рѣдкость, необычайное событіе. Баронъ смѣется! Очевидно произошло что то невѣроятно забавное...

И сюда, среди этого роскошнаго праздника природы и вѣчнаго праздника богатства, красоты, изящества и красиваго разврата, стремящихся всегда туда, гдѣ тепло, ясно и весело, врывались откуда то изъ непроглядной дали, покрытой сѣдыми туманами и низко нависшими, плачущими безъ конца тучами, эти докучливыя, однѣ и тѣже изо дня въ день жалобныя стенанія: гніетъ, гніетъ, гніетъ...

Digitized by Google

Гніютъ милліоны, десятки милліоновъ пудовъ хлѣба, выращеннаго и собраннаго съ такимъ трудомъ только для того, чтобы свалить его на грязную землю возлѣ желѣзнодорожныхъ станцій. Гніетъ пшеница, гніетъ рожь, ячмень, овесъ, гніетъ свекловица. Всѣ вокзалы завалены, забиты грузами, какіе то люди растерянно бѣгаютъ во всѣ стороны, по платформамъ, хватаютъ за руки другихъ людей въ форменныхъ фуражкахъ, что то кричатъ, доказываютъ, убѣждаютъ. Погасли печи въ огромныхъ заводскихъ и фабричныхъ корпусахъ, и жалкая нищета въ городскихъ подвалахъ третъ свои окоченѣвшія руки, согрѣвая ихъ собственнымъ дыханіемъ. Свиститъ день и ночь свою однообразную пѣсню осенній вѣтеръ, нагоняя все новыя и новыя тучи. И падаютъ оттуда на эту угрюмую страну холода, грязи и невѣжества безконечныя новыя капли дождя.

А онъ, къ которому, какъ къ какому то всесильному волшебнику, какъ къ послѣдней своей надеждѣ, несутся всѣ эти вопли, мольбы и жалобы, онъ совершенно безсиленъ что либо сдѣлать, что либо поправить. Плечи князя немного приподымаются, когда секретарь, повысивъ голосъ, подчеркиваетъ какую нибудь особенно рѣзкую фразу среди этого потока усиленныхъ всенижайшихъ моленій, глаза открываются и въ нихъ какъ будто загорается удивленіе, или можетъ быть даже негодованіе. Но все это только на одинъ моментъ.

— И для чего это каждое утро мы продѣлываемъ одну и туже исторію, лѣниво думаетъ князь, въ то время какъ въ ушахъ его звучатъ разные Конотопы,

Digitized by Google

Бахмачи, Казатины, Богополи, Павлограды и другія бесчисленныя, болѣе или менѣе прихотливыя имена городовъ и поселковъ, затерявшихся въ просторѣ обширной русской земли. Для чего? Почему именно ко мнѣ сыпятся всѣ эти явныя мольбы и жалобы, и на мою же голову обрушивается навѣрное еще больше тайныхъ проклятій и самымъ ужасныхъ пожеланій. Все пришло въ полное разстройство, всюду хаосъ и только одно время, да напряженныя усилія всѣхъ могутъ поставить сброшенную съ рельсовъ машину на ея старое мѣсто. Вѣдь вотъ баронъ, сидитъ, смѣется, наслаждается жизнью и совершенно въ сторонѣ отъ ея ударовъ. А между тѣмъ вѣдь онъ и такіе, какъ онъ, являются главными рычагами всего творящагося столпотворенья. Но они всегда за кулисами, и всегда умѣютъ быть главными дерижерами событій, оставаясь сами въ сторонѣ...

При словѣ дерижерами, князь вспоминаетъ, что уже два дня не видѣлъ полковника и на минуту перебиваетъ монотное чтенье секретаря.

— Pardon, много у васъ тамъ еще этихъ матерьяловъ?

Слово матерьяловъ онъ произноситъ въ носъ, раздѣляя его на слоги.

Секретарь молча приподнимаетъ пачку въ рукѣ, и князю кажется что она ничуть не уменьшилась... Это что то ужасное, думаетъ онъ и покорно вздыхаетъ.

— А послѣ? спрашиваетъ онъ. Срочныя бумаги изъ министерства? Много ли на сегодня приготовили намъ этого кушанья?

Digitized by Google

Сухимъ, дѣловымъ тономъ секретарь начинаетъ перечислять по заготовленному имъ реестру министерскія дѣла.

— Заключеніе комитета рыболовства о предпочтеніи одной изъ двухъ желѣзно-дорожныхъ вѣтвей, предполагаемыхъ частными предпринимателями къ устраиваемымъ ими портамъ Камкалы и Скапаровску, по вопросу правительственной гарантіи частнымъ предпринимателямъ. Отъ департамента желѣзнодорожныхъ дѣлъ, прошеніе о наименованіи неизвѣстно кѣмъ оставленнаго въ вагонѣ на станціи Полуштофъ, младенца женскаго пола, дочерью нижнеянской желѣзной дороги, съ установленіемъ добровольныхъ вычетовъ изъ жалованья служащихъ, для образованія ей ко дню совершеннолѣтія приданаго. Къ проекту мѣщанина Петра Иванова, объ устройствѣ безпрерывнаго судоходнаго канала, съ осадкою въ двадцать восемь футъ, стоимостью въ два милліарда рублей между ледовитымъ океаномъ и персидскимъ заливомъ—отзывъ общества гражданскихъ инженеровъ. Объ усиленномъ пособіи стрѣлочнику Кривошлыку, потерявшему при самоотверженной попыткѣ предотвратить крушеніе поѣзда, обѣ ноги... Мнѣніе...

Князь дальше уже не слушаетъ. На него нападаетъ безграничное уныніе и онъ чувствуетъ, что близокъ къ раздраженью, остерегаться котораго онъ долженъ въ интересахъ больной печени, какъ предупреждали его доктора.—Какое отношеніе, думаетъ онъ, имѣетъ комитетъ рыболовства къ направленію новой проектируемой частной желѣзной дороги? При чемъ тутъ рыболовство? Къ чему ры-

Digitized by Google

боловство? Очевидно существуетъ какой-то старый законъ по этому вопросу. Не отмѣненъ ли онъ? Или его можетъ быть вовсе нѣтъ, а посылаютъ дѣла о желѣзныхъ дорогахъ на заключеніе рыболовамъ потому, что когда нибудь кто либо заслалъ однажды туда по ошибкѣ и потомъ уже стали носить по проторенной дорожкѣ. Надо будетъ приказать справиться. Дочь дороги... Да, ну это хорошо, доброе дѣло... Каналъ къ персидскому заливу? Что за чепуха? Какой Ивановъ? И зачѣмъ приплели сюда общество гражданскихъ инженеровъ? Къ тому же, персидскій заливъ вовсе и не намъ даже принадлежитъ. Усиленное пособіе стрѣлочнику... Съ одной стороны, я долженъ возсоздать по щучьему велѣнью и разогнать въ одинъ моментъ во всѣ концы страны десятки тысячъ вагоновъ, а съ другой, даже пособіе стрѣлочнику не могутъ назначить безъ особаго доклада и безъ моей санкціи. Но вѣдь я не господь богъ всемогущій, всевѣдающій... И вотъ сейчасъ этотъ самый Петръ Ивановичъ, которому тоже все это до смерти надоѣло, но который ради карьеры надѣваетъ на себя личину человѣка, поглощеннаго цѣликомъ интересами, заполняющими его портфель, опять начнетъ безжалостно сыпать это ужасное—гніетъ, гніетъ, гніетъ...

Князь открываетъ глаза какъ разъ въ тотъ моментъ, когда секретарь дѣйствительно снова берется за телеграммы и мягко говоритъ, кладя на его руку свою:

— Дорогой мой, передохните немного. Вотъ сигара... Нажмите кнопку и прикажите подать себѣ чаю, или кофе. Вѣдь вы все утро, пока мы тутъ

Digitized by Google

кейфовали, работали уже надъ этимъ—онъ указываетъ на портфель и бумаги—и, я полагаю, имѣете законное право на отдыхъ. Вѣдь все равно мы каждый день бьемся и безсильны чего либо добиться, пока все это не наладится и не урегулируется само собой. И тогда мы, вѣроятно, станемъ приписывать это силѣ своихъ циркуляровъ. Не будь этого несчастнаго стремленія на востокъ... Странные какіе то люди, право...

И помолчавъ, пока вошедшій лакей ставитъ кофе, князь продолжаетъ:

— Кстати, не видѣли ли вы полковника? Онъ не заходилъ уже два дня и я его нигдѣ не встрѣчаю. Чего добраго заболѣлъ? При его любви покушать и попить мадеры, это частенько съ нимъ, кажется, случается. Спросите пожалуста, дорогой, по телефону, когда будете уходить. И передайте отъ меня, что я жажду его видѣть. Удивительно оригинальный человѣкъ, не разговорчивый и не особенно остроумный... Но когда онъ сидитъ возлѣ васъ, вамъ какъ то сразу дѣлается легко и уютно, глаза у него такіе славные, голубые, дѣтскіе, точно въ нихъ никогда не отразилась еще ни одна дурная мысль. Говорятъ, что мать его англичанка и это отъ нея... А такъ, словцо какое нибудь иногда вставитъ дѣйствительно изъ морского лексикона. Скроменъ, не жаденъ и ни съ какой стороны не занимается политикой. Это теперь такъ рѣдко и такъ пріятно въ собесѣдникѣ.

— Но любитъ женщинъ, ваше сіятельство, замѣчаетъ секретарь допивая кофе. Онъ осторожно, чтобы не задѣть пальцемъ остальныхъ, лежащихъ

Digitized by Google

рядомъ, двумя тщательно отполированными и отточенными ногтями, беретъ изъ раскрытаго портсигара князя душистую сигару и, внимательно обрѣзавъ ее, чтобы какъ нибудь не обломать наружнаго листа, закуриваетъ и откидывается на спинку кресла съ видомъ человѣка, который понимаетъ, что такое отдыхъ и умѣетъ цѣнить его.

— И даже очень любитъ женщинъ, повторяетъ онъ, пустивши кверху кольцо синяго дыма.

— А кто же ихъ не любитъ, усмѣхнулся князь. Вы, можетъ, Петръ Ивановичъ? Или я? Вѣдь женщины—это цвѣты... Помните какъ у Байрона, въ Донъ Жуанѣ?

Спятъ женщины, прекрасны какъ цвѣты...

— Или еще лучше у другого поэта, вотъ не припомню только у кого это... Не то у Надсона, не то у Апухтина:

Женщина—отблескъ сіянія майскаго...
Женщина—лучъ изъ селенія райскаго...

И князь сдѣлалъ закругленный жестъ.

— Однако, ваше сіятельство, замѣтилъ секретарь, Шекспиръ былъ нѣсколько иного мнѣнія о прекрасномъ полѣ и выразился въ родѣ того, что ничтожество имъ имя.

— Ну это ужъ по части ихъ содержанія, улыбнулся князь. — Но тотъ же самый Шекспиръ, въ другомъ мѣстѣ, сказалъ совсѣмъ иначе:

О женщины! Да сохранитъ ихъ небо...
Все лучшее позоритъ въ нихъ мужчина
Во зло употребляя...

— Ничего, подумалъ секретарь иронически, по привычкѣ всѣхъ крупныхъ, съ готовою карьерою,

Digitized by Google

петербургскихъ чиновниковъ даже думать о своемъ начальствѣ не иначе какъ съ легкой ироніей,— сколько избранныхъ образчиковъ поэзіи въ головѣ у нашего князя. Ему бы засѣдать президентомъ какой нибудь академіи изящныхъ искусствъ, а приходится разбираться въ самыхъ прозаическихъ вопросахъ о гніющихъ грузахъ, оторванныхъ ногахъ и провалившихся мостахъ.

Не желая ударить въ грязь лицомъ, Петръ Ивановичъ напрягъ всю свою память, чтобы извлечь оттуда еще какой нибудь поэтическій перлъ относительно женщинъ, но къ вящей досадѣ не могъ отыскать тамъ ничего, кромѣ разныхъ кафе-шантанныхъ и опереточныхъ сравненій, неподходящаго свойства, въ родѣ уподобленія женщины машинкѣ Ремингтона, куплета, что безъ женщины мужчина какъ безъ паровъ машина и тому подобное. Онъ даже покраснѣлъ отъ усилій и закусилъ губу отъ досады, что не можетъ припомнить и привести еще хотя бы одну подходящую цитату.

Вчера, заговорилъ послѣ нѣкотораго молчанія князь, я встрѣтилъ Марью Павловну. Жену этого Моргунова, ну вы знаете... Какая красавица была въ свое время! И при томъ не изъ тѣхъ фарфоровыхъ куколъ, полюбовавшись которыми отходишь и тотчасъ же забываешь ихъ, нѣтъ, огонь, цѣлый океанъ кипучей жизни. И теперь еще замѣтны слѣды былого, всмотритесь внимательно въ ея глаза, когда говорите съ нею. И дочь, подростокъ, почти уже дѣвушка, живой портретъ матери, двадцать лѣтъ тому назадъ. Конечно, угловатыя движенія, дичокъ, только что окончила институтъ, Но Марья

Digitized by Google

Павловна вся въ шелкахъ, въ кружевахъ и въ каждой черточкѣ лица, въ каждой складкѣ губъ написано — я жить хочу. Остановилась она въ нашемъ отелѣ. Атаковала меня, наговорила всякой всячины съ три короба... Но въ голосѣ ея все таки слышатся какія-то искательныя нотки, хотя ни о какихъ дѣлахъ она и не заикалась. Меня это пугаетъ... Ужасно непріятно, придется зайти къ ней съ визитомъ и я боюсь, она начнетъ просить опять что нибудь для мужа. Ну какой же онъ строитель желѣзныхъ дорогъ? И помимо того, человѣкъ, какъ бы это мягче выразиться, слишкомъ разсѣянный и неаккуратный. Взять хотя бы этотъ злосчастный участокъ, который онъ строилъ между Загряжскомъ и Дербенью. Вѣдь вы также осматривали его, кажется?

Секретарь отвѣчалъ легкимъ наклоненіемъ головы.

Ну такъ вотъ, вѣдь недѣли не проходитъ безъ крушенія: то насыпь расползется, то гнилыя шпалы разлѣзутся, то еще совсѣмъ ужъ богъ знаетъ, что случится. Это на совершенно новой то дорогѣ! Хорошъ строитель, хороши и принимавшіе путь. Но хорошъ и я, который допустилъ тогда его до этого дѣла. Впрочемъ, я вѣдь дѣйствовалъ въ заблужденіи, зналъ его когда то честнымъ и очень скромнымъ начальникомъ дистанціи на одной изъ южныхъ дорогъ. А тутъ пошли содержанки, выѣзды и все прочее такое... Сплетничали, что жили они въ Москвѣ непомѣрно широко. Теперь дѣла нѣтъ, деньги, вѣроятно, кончаются и посыпятся опять просьбы.

Digitized by Google

Князь закурилъ новую сигару и, немного помолчавши, продолжалъ:

— Но развѣ я имѣю какое нибудь право, послѣ этого злосчастнаго опыта, повторять его? Ну, я понимаю, просили бы мѣста какого нибудь, пусть себѣ служилъ бы, мало ли служитъ у насъ, да и въ другихъ министерствахъ совершенно ненужнаго народа? Такъ нѣтъ же, просятъ непремѣнно возможности каждому украсть сразу сотни тысячъ рублей. А потомъ пассажиры ломаютъ себѣ шеи и газеты кричатъ... Нѣтъ, это положительно невозможно, я категорически обрѣжу разговоръ на первомъ же словѣ, если только Марья Павловна заведетъ на эту тему рѣчь. Съ удовольствіемъ бы желалъ не видѣть ее больше, но вѣдь если къ ней не зайдешь, то она сама не замедлитъ явиться сюда. И тогда ужъ не такъ то скоро отъ нея отдѣлаешься. Вы не видѣли еще Марью Павловну?

— Такъ, слегка... Видѣлъ мелькомъ, процѣдилъ секретарь.

Онъ не сказалъ, что Марья Павловна вчера же битыхъ два часа просидѣла у него, горячо убѣждая и умоляя помочь ей. Она разсказала, что пріѣхала нарочно сюда, узнавши что князь здѣсь, такъ какъ тутъ, внѣ всякой оффиціальной обстановки, среди этой ликующей природы, по ея предположенію, легче было сдѣлать попытку съ надеждою на успѣхъ. Совершенно яко-бы случайная первая встрѣча, дружескія бесѣды о добромъ, старомъ времени, общія воспоминанія, довольно пріятныя, подчеркивала Марья Павловна и затѣмъ, такъ, между прочимъ, въ разговорѣ... Ну что стоитъ въ самомъ

Digitized by Google

дѣлѣ князю? Вѣдь это-же не изъ своего кармана? Я знаю, что его вооружили противъ мужа послѣ постройки участка Загряжскъ-Дербень, но что жъ дѣлать, если тамъ сплошное болото и все расползается? Вѣдь другіе строятъ тоже не лучше и продолжаютъ оставаться въ фаворѣ... Просто имъ больше везетъ. Заработалъ же Смагинъ на одномъ только мостѣ черезъ Волгу круглый милліонъ, развѣ это не извѣстно всѣмъ? Если Николай Андреевичъ немного ошибся на первомъ опытѣ своей постройки, то не забрасывать же его за это камнями? Гораздо справедливѣе дать ему возможность на дѣлѣ доказать, что первая ошибка будетъ и единственная... Если тамъ кое что и удалось заработать, то деньги уже всѣ ушли, жизнь въ Москвѣ стоитъ такъ дорого, а Женичка почти уже невѣста. И вотъ теперь, когда нужно, такъ сказать, собрать всѣ силы для генеральнаго сраженія, они, за которыми уже упрочилось обаянье очень богатыхъ и привыкшихъ открыто жить людей, наканунѣ полнаго краха... Петръ Ивановичъ пользуется такимъ вліяніемъ на князя, вліяніемъ тонкимъ, незамѣтнымъ, но самымъ неотразимымъ, человѣка, котораго каждый день видятъ и съ которымъ каждый день бесѣдуютъ обо всемъ. Петръ Ивановичъ такой добрый... И князь тоже очень добрый, но эти частыя крушенія на участкѣ Загряжскъ-Дербень, слишкомъ раздражили его... О, она хорошо знаетъ это, близкіе друзья изъ министерства обо всемъ писали мужу.

И Марья Павловна, со слезами на глазахъ, умоляюще смотрѣла на Петра Ивановича. Иногда, когда взглядъ ея падалъ на стекло зеркальнаго шкапа и она

Digitized by Google

встрѣчала тамъ отраженіе своей располнѣвшей фигуры и слегка припухшаго, напудреннаго лица, на которое неумолимое время наложило уже свои слѣды начинающаго увяданія, сердце ея сжималось отъ боли и она, глядя на холодно вѣжливое лицо Петра Ивановича, тоскливо думала:

Ахъ, если бы это двадцать лѣтъ тому назадъ... двадцать лѣтъ тому назадъ!.. Ты бы не такъ смотрѣлъ на меня, противный, влюбленный въ себя чинуша...

И, хотя Петръ Ивановичъ изысканно любезно обѣщалъ ей сдѣлать все, что только окажется возможнымъ, но уже по самому тону его словъ она угадывала, что всѣ эти обѣщанія одна фраза, которая будетъ забыта тотчасъ же, какъ только закроется за нею дверь. Ей, женщинѣ, бурно пожившей и много видавшей на своемъ вѣку, трудно было обмануться тономъ рѣчей.

И она не ошиблась.

Секретарь, къ которому всевозможные просители считали долгомъ явиться прежде всего, одинаково спокойно равнодушно выслушивалъ всѣхъ и такъ же равнодушно спокойно обѣщалъ всѣмъ сдѣлать все, что только будетъ возможно. На этихъ обѣщаніяхъ все обыкновенно кончалось. Выпроводивъ просителей, зачастую очарованныхъ его любезностью и участіемъ, онъ тотчасъ же забывалъ и о нихъ и объ ихъ ходатайствахъ. И, только въ очень рѣдкихъ случаяхъ, пробовалъ такъ или иначе повліять на мнѣніе князя, очень осторожно и незамѣтно. Но это случалось тогда, когда задѣвали его сердечныя или душевныя струны.

Digitized by Google

Что такое представляла собою для него Марья Павловна? Раздобрѣвшая, полуувядшая жена какого то инженера казнокрада, которыми въ ихъ министерствѣ хоть прудъ пруди. Она умна, ловка и когда-то была красавицею. Самъ князь удостовѣряетъ это. Тѣмъ лучше. Разъ онъ зналъ ее въ ту пору и у нихъ, по ея словамъ, имѣются даже какія то общія пріятныя воспоминанія, то пусть онъ и руководствуется въ отношеніи къ ея просьбамъ этими пріятными воспоминаніями. Какой же ей еще лучшей протекціи? Это ихъ частное дѣло.

И, такъ какъ Марья Павловна въ разговорѣ нѣсколько разъ подчеркнула, что она пришла къ нему подъ великимъ секретомъ и что никто, а тѣмъ болѣе князь, ничего не долженъ знать объ этомъ, то онъ и счелъ себя вполнѣ въ правѣ на вопросъ князя ограничиться фразою, что видѣлъ ее мелькомъ.

Наступило короткое молчаніе. На большой террасѣ царила тишина и только звонкое, торжествующее жужанье желтой осы, описывавшей безконечные круги вокругъ спѣлой виноградной кисти, наполняло странною мелодіею застывшій воздухъ. Далеко гдѣ-то въ горахъ топоръ дровосѣка стучалъ по сухому пню и эхо, ударяясь о скалы, доносило эти удары сюда какими то короткими, отрывистыми вздохами. Точно кто-то стоналъ тамъ, на вершинѣ горы, расцвѣченной ярко красными и желтыми осенними одеждами умирающей листвы дуба и бука, задыхаясь и захлебываясь отъ рыданій. Было такъ хорошо, въ воздухѣ чувствовалось столько прохлады, нѣги, мягкаго тепла и тихаго свѣта, что не хотѣ-

Digitized by Google

лось ни двигаться, ни думать ни о чемъ, а только сидѣть неподвижно и любоваться этими дивными красотами природы.

Князь всталъ, прошелся нѣсколько разъ взадъ и впередъ и снова послышался его голосъ.

Въ молодости, заговорилъ онъ, мнѣ часто приходилось сходиться съ женщинами изъ простого народа. И съ дѣвушками... Удивительно, какъ у нихъ все это просто: отдаются безъ особенной любви, разстаются безъ особенныхъ сожалѣній... Мнѣ кажется, что у нормальныхъ людей такъ оно и должно быть. Влеченіе здороваго самца къ здоровой самкѣ, и наоборотъ. Притомъ полное отсутствіе какого-либо корыстолюбія. Отъ подарка, конечно, никогда не отказываются, но сами ничего не просятъ ни при встрѣчѣ, ни при разлукѣ. Часто даже въ такихъ случаяхъ, когда жить приходится въ вопіющей нуждѣ. Что вы говорите?

Но Петръ Ивановичъ молчалъ и ничего не говорилъ. Онъ внимательно смотрѣлъ на длинный, сѣроватый пепелъ, державшійся на его сигарѣ, и высчитывалъ, сколько еще разъ можно будетъ затянуться ея ароматнымъ дымомъ. И тогда опять это чтеніе телеграммъ, докладовъ, отзывовъ, всего этого бумажнаго водопада, безъ начала и безъ конца...

Послышался снова сухой, отрывистый смѣхъ барона... Баронъ смѣялся сегодня уже второй разъ! Это наконецъ становилось интереснымъ и князь невольно вскинулъ на носъ пэнсно, точно желая посмотрѣть въ ту сторону, хотя за густою сѣткою винограда остальная часть террасы вовсе не была

Digitized by Google

видна отсюда. Секретарь выпрямился и всѣмъ корпусомъ своимъ насторожился, какъ бы ожидая, что вотъ сейчасъ, сію минуту должно произойти что то особенное.

Легкая завѣса полосатой портьеры зашевелилась и изъ-за нея послышался чей то голосъ:

— Разрѣшается войти?

— Это полковникъ, сказалъ князь и въ голосѣ его звучало искреннее удовольствіе. Наконецъ то... Разумѣется разрѣшается. Вамъ всегда...

— Боюсь помѣшать государственнымъ дѣламъ, произнесъ входя и здороваясь полковникъ, вѣдь въ вашихъ рукахъ благосостояніе Россіи, если не сполна, то въ значительной части. Упаси господи, опять цѣлая гора бумагъ и телеграммъ. И тутъ я, какъ разъ кстати, съ моими пустыми разговорами. Занимайтесь пожалуста, я посижу пока въ сторонкѣ. Вотъ, если разрѣшите, сигару... Выкурился въ прахъ. И газету...

— Что вы сегодня такъ нервно настроены? спросилъ князь.

— Ахъ нѣтъ, вовсе нѣтъ, отвѣчалъ полковникъ, ставя въ уголъ свою палку, которую онъ носилъ всегда въ силу особаго разрѣшенія, подведя себя подъ какую то статью о раненыхъ, хотя ни въ какихъ бояхъ и сраженіяхъ ни разу въ жизни не участвовалъ. Я шелъ сюда въ самомъ отличномъ расположеніи духа, но меня всегда раздражаетъ идіотскій смѣхъ этого барона. Вы себѣ представить не можете, до чего противно онъ смѣется. Поднимаюсь по ступенямъ и вдругъ прямо въ физіономію— хо-хо-хо. Какой то собачій лай, а не смѣхъ... Сп-

Digitized by Google

дитъ съ этой московской милліонщицею изъ цыганокъ, женою водочнаго принца, вытянулъ свои костлявыя ноги чуть не на ея колѣни и распотѣшиваетъ ее во всю. Вотъ я вамъ доложу?.. А болванъ мужъ шагаетъ по нижней площадкѣ и по сіяющей физіономіи сразу видно, что счастливъ необычайно честью, оказываемой его супругѣ. Ужасно подлый народъ эти бабы! Когда нашъ братъ проходитъ, даже глазомъ не повернетъ, а эта мумія, если-бы пожелала, то даю вамъ слово, онѣ передрались-бы за счастье щекотать ему пятки. Меня это возмущаетъ до глубины души. Чертъ бы ихъ всѣхъ подралъ...

Глаза князя искрились отъ еле сдерживаемаго смѣха и даже Петръ Ивановичъ улыбался, глядя, какъ искренно сердится и пыжится полковникъ.

— Ну вотъ, именно, произнесъ князь, это совершенно такъ, какъ въ „Бурѣ“:

Попробуй кто изъ насъ подлѣзть,
Какъ съ бранью тотчасъ въ мигъ отскочитъ...
А всѣмъ извѣстно, что портной
Ее щекочетъ, гдѣ захочетъ.

Однако полковникъ, что же мы такъ давно не имѣли счастья васъ лицезрѣть? Мы ужъ тутъ серьезно съ Петромъ Ивановичемъ безпокоились...

Объѣлся... И необычайно глупо. Объѣлся—шеколадомъ! Слышали вы когда нибудь такую исторію? Съ институткою можетъ быть, но со штабъ-офицеромъ? Даже неловко какъ то разсказывать. Пришлось отлеживаться пока дома, ставили на животъ какія то грѣлки, пичкали чертъ знаетъ чѣмъ... Посадили на строжайшую діэту, но въ концѣ кон-

Digitized by Google

цовъ все это страшно мнѣ надоѣло и сегодня я устроилъ уже разрѣшеніе вина и елея.

— Не прикажете ли мадеры? предложилъ князь.

Да, я думаю это не повредитъ. Кофе со сливками пучитъ желудокъ, мадера же производитъ удивительное впечатлѣніе: какъ будто кто васъ внутри разглаживаетъ бархатною лентою. Право, я не шучу... Благодарю васъ... Теперь позвольте мнѣ въ сторонкѣ заняться покоемъ и литературою... Пожалуста... Меня здѣсь нѣтъ... Когда вы кончите совершенно ваши дѣла, я въ полномъ вашемъ распоряженіи. И надѣюсь, что этотъ глупый смѣхъ не будетъ нарушать больше всю прелесть этого чуднаго дня. Благодарю васъ...

— Пожалуста, дорогой полковникъ, пожалуста. Я боюсь только, что мы своими скучными матеріями будемъ раздражать васъ не меньше, чѣмъ смѣхъ барона.

И, сказавъ это, князь сдѣлалъ усталый жестъ въ сторону Петра Ивановича. На лицѣ его разлилось опять чувство равнодушія и скуки и, съ видомъ человѣка, приготовившагося нести свой крестъ безропотно до конца, онъ слѣдилъ за движеніемъ руки секретаря, быстро пересчитывавшаго еще не доложенныя телеграммы.

— Господа, вдругъ воскликнулъ полковникъ, одна секунда, я имѣю сообщить вамъ чрезвычайно интересную новость. Но это послѣ, по окончаніи вашихъ государственныхъ трудовъ. И не уговаривайте, все равно сейчасъ ничего не скажу.

Хотя никто и не думалъ его уговаривать, полковникъ сразу принялъ всею своею тучною фигу-

Digitized by Google

рою оборонительную позу. Лицо его густо покраснѣло и свѣтлые, удивительные, дѣтски чистые глаза, производившіе странное впечатлѣніе рядомъ съ густою русою бородою и довольно таки замѣтными пунцовыми переливами на носу, загорѣлись задорными огоньками. Однако онъ тотчасъ же успокоился и, повернувшись спиною къ столу, за которымъ сидѣли князь и секретарь, принялся шуршать газетнымъ листомъ. Черезъ минуту чтеніе уже утомило его и онъ задремалъ.

Никакія заботы личнаго, а тѣмъ болѣе служебнаго характера не обременяли этого одинокаго, добродушнаго толстяка. Онъ даже не могъ бы отвѣтить опредѣленно, если бы его спросили, въ чемъ именно заключается его служба. Въ какой то существующей безконечное число лѣтъ, никогда не собирающейся комиссіи, созданной для обсужденія вопросовъ, авторы которыхъ частью давно поумирали, частью позабыли о самомъ существованіи ихъ.

Время отъ времени какой то чиновникъ приноситъ полковнику какія то бумаги и, отмѣчая острымъ ногтемъ линію внизу, говоритъ:

— Потрудитесь пожалуста подписать, г. полковникъ.

— Здѣсь? спрашиваетъ полковникъ, надѣвши пэнснэ и, взмахнувши ручкою съ такою энергіею, словно это шпага, которою онъ собирается кого то проткнуть.

— Нѣтъ, вотъ здѣсь пожалуста, немного пониже, снова отмѣчаетъ ногтемъ чиновникъ.

Полковника уже начинаетъ сердить эта настойчивость. Ему хочется показать, что онъ знаетъ от-

Digitized by Google

лично службу и не нуждается ни въ чьихъ указаніяхъ, а если и спрашиваетъ, то изъ одной только присущей ему деликатности.

— Почему же я не могу подписать тамъ, гдѣ я нахожу это нужнымъ? волнуется онъ и густо краснѣетъ. Странное дѣло, прослуживши столько лѣтъ, я долженъ еще руководствоваться указаніями... Точно я самъ не знаю... Удивительное дѣло...

— Потому, г. полковникъ, что выше нужно оставить мѣсто для подписи его превосходительства, г. предсѣдателя комиссіи, спокойно и съ легкимъ ядомъ въ голосѣ поясняетъ чиновникъ. Его превосходительство уѣхалъ до завтра къ себѣ на дачу собирать грибы и, чтобы не задерживать пришитія къ дѣлу протокола, распорядился разнести его сначала для подписи членамъ комиссіи, а сами они подпишутъ послѣ.

Полковникъ чувствуетъ, что онъ съ мѣста сбитъ съ позиціи, но ему хочется хоть на чемъ нибудь немного отыграться. И, принявъ сосредоточенный видъ человѣка, любящаго и привыкшаго со вниманіемъ вникать въ самый корень всякаго дѣла, онъ говоритъ:

— Да, да... конечно... его превосходительство... Не можете ли, вы мнѣ, любезнѣйшій, оставить этотъ протоколъ для ознакомленія хотя бы до вечера? Видите-ли, меня очень интересуетъ этотъ вопросъ и я хотѣлъ бы всесторонне ознакомиться съ нимъ...

— Но, г. полковникъ, немного удивленнымъ голосомъ отвѣчаетъ чиновникъ, вѣдь протоколъ номеръ триста первый говоритъ о томъ же самомъ, о чемъ говоритъ протоколъ номеръ первый. Что комиссія

Digitized by Google

собралась и, за неполученіемъ ни откуда какихъ либо данныхъ, или матеріаловъ по вопросу, для разработки котораго она собрана, ни о чемъ сужденія не имѣла и постановила вновь собраться того же числа будущаго мѣсяца.

— Однако... знаете... Меня все таки очень интересуетъ форма постановленія, бормочетъ полковникъ, чувствуя что почва совершенно проваливается у него подъ ногами и со страхомъ ожидая новой реплики со стороны чиновника.

Но чиновникъ, немного подумавши и высчитавши свой дальнѣйшій маршрутъ съ протоколомъ по остальнымъ членамъ комиссіи, соглашается.

Хорошо, на два часа я могу оставить вамъ бумаги, г. полковникъ. Только будьте добры, не задерживайте меня, когда я приду за ними.

Гора сваливается сразу съ плечъ у полковника. Онъ знаетъ, что никто изъ остальныхъ товарищей не интересуется этой бумажной дребеденью и на минуту не задерживаетъ ее у себя. А вотъ онъ оставляетъ для ознакомленія и внимательнаго изученія... Моментально онъ выростаетъ въ собственныхъ глазахъ, какъ серьезный, дѣловой человѣкъ. Генералъ, конечно, разспроситъ чиновника, кто изъ членовъ комиссіи какъ принимаетъ визитъ протокола и чиновникъ, конечно, доложитъ обстоятельно о сугубомъ интересѣ, проявляемомъ имъ, полковникомъ, среди общаго равнодушія всѣхъ остальныхъ. Эти маленькіе чиновники часто являются незамѣтными, но крупными рычагами нашей карьеры.

Полковнику становится вдругъ страшно весело и онъ, выбивая пальцами по столу какую то дробь,

Digitized by Google

которую онъ считаетъ за дуэтъ четвертаго дѣйствія изъ „Гугенотовъ“, придумываетъ, что бы такое сказать особенно пріятное стоящему передъ нимъ чиновнику?

Нѣкоторое время продолжается молчаніе.

— Отчего вы не присядете? произноситъ наконецъ полковникъ.

— Благодарю васъ, г. полковникъ, но мнѣ нужно спѣшить, отвѣчаетъ чиновникъ, садясь все-таки на стулъ.

— Я надѣюсь, что жалованье въ этомъ мѣсяцѣ намъ не задержатъ выдачею?—говоритъ полковникъ, находя, что ничего пріятнѣе этого придумать нельзя. Жалованье комиссія получаетъ изъ какихъ то особенныхъ суммъ и при томъ такъ удобно, что за нимъ не нужно даже ходить въ казначейство, и тотъ же чиновникъ разноситъ его по домамъ всѣмъ членамъ комиссіи.

— Да, я полагаю, что не задержатъ, никакихъ причинъ по крайней мѣрѣ для этого не имѣется, отвѣчаетъ чиновникъ.

— И слѣдовательно мы его получимъ своевременно, не то спрашиваетъ, не то отвѣчаетъ самъ себѣ полковникъ. И, пробарабанивъ по столу адскій смѣхъ Мефистофеля, онъ переходитъ на другую тему.

— Да, что ваши дѣти? Поправились послѣ дифтерита?

Чиновникъ искоса бросаетъ на него удивленный взглядъ и отвѣчаетъ:

— Виноватъ, г. полковникъ, я вѣдь совершенно не женатъ и дѣтей вовсе не имѣю, даже побочныхъ.

Digitized by Google

По опредѣленію господъ врачей, вовсе не способенъ къ дѣторожденію.

—А-а-а... Какъ же это такъ? По опредѣленію врачей? Печальное обстоятельство, очень печальное, немного сконфуженнымъ голосомъ говоритъ полковникъ. Помилуйте, въ интересахъ государства и даже съ точки зрѣнія незаполненности личной жизни...

И чувствуя, что онъ сказалъ уже пріятнаго больше, чѣмъ нужно было, прибавляетъ:

— Такъ на два часа?,.. Очень хорошо-съ. Я сейчасъ же займусь этимъ. Благодарю васъ...

„Благодарю васъ"—любимое выраженіе полковника, который заканчиваетъ имъ большую часть своихъ фразъ даже тогда, когда благодарить вовсе некого и незачто.

Чиновникъ, откланявшись, уходитъ. а полковникъ, надѣвши пэнснэ, пробуетъ углубиться въ четко написанный протоколъ. Но послѣ первыхъ же трехъ строкъ, онъ чувствуетъ, что его съ непреодолимою силой клонитъ ко сну и, поспѣшно подмахнувъ свою подпись на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ остался знакъ, проведенный ногтемъ чиновника, звонитъ вѣстового:

— Передай чиновнику, когда придетъ И, если кто меня будетъ спрашивать, то скажи, что поѣхалъ обѣдать.

Дома онъ стола не держитъ, какъ одинокій человѣкъ и обѣдаетъ, смотря по настроенію и времени года, то въ городскомъ саду, то въ клубѣ, то въ ресторанѣ. Полковничьи погоны и какая то полуморская, полусухопутная форма, придаютъ ему въ

Digitized by Google

провинціи очень импозантный видъ. То, что онъ работаетъ въ какой то спеціальной комиссіи, еще больше усугубляетъ уваженіе къ нему, такъ какъ въ провинціи еще до сихъ поръ многіе свято вѣрятъ въ серьезное значеніе всякой комиссіи и убѣждены, что назначаются туда особенно выдающіеся своими знаніями и талантами люди. Жалованье платятъ вполнѣ приличное и очень аккуратно, при этомъ самое существованіе комиссіи обезпечено еще на безконечное число лѣтъ, такъ какъ за многіе годы своего существованія, она до сихъ поръ не приступила еще къ рѣшенію перваго вопроса, изъ цѣлаго цикла намѣченныхъ въ ея программѣ, а именно: о выясненіи цѣли самаго образованія ея.

Ничего не было удивительнаго, что полковникъ, будучи вполнѣ свободенъ отъ всяческихъ хлопотъ и заботъ и вполнѣ располагая своимъ временемъ, считалъ себя счастливѣйшимъ человѣкомъ. Иногда онъ принималъ впрочемъ озабоченный видъ, куда то спѣшилъ, о чемъ то задумывался. И, на вопросы заинтересованныхъ такою перемѣною настроенія, коротко отвѣчалъ:

И не спрашивайте лучше! Масса работы. Прямо заѣздила проклятая служба...

Это всегда случалось, когда ему приносили извѣщеніе о слѣдующемъ засѣданіи комиссіи. Но потомъ все быстро входило въ обычную колею. Въ сущности, полковникъ надо всѣмъ смѣялся въ душѣ. Онъ любилъ вкусно поѣсть, выпить хорошаго вина, покурить хорошую сигару, поволочиться за хорошенькими женщинами. Своей незлобивостью, безпечной веселостью и именно какою то уютностью,

Digitized by Google

которую чувствовали всѣ тѣ, съ кѣмъ онъ сходился,—а это происходило очень просто и быстро,—онъ становился общимъ другомъ. И съ молодымъ мичманомъ, и съ опереточнымъ простакомъ, и съ большимъ человѣкомъ, со всѣми онъ держалъ себя совершенно одинаково. Сегодня его видѣли предсѣдательствующимъ на пикникѣ съ опереточными хористками, а завтра онъ ужиналъ съ такою высокопоставленною дамою благотворительницею, передъ которою низко гнули спину люди даже очень не малаго ранга.

Полковникъ никогда ни о чемъ ни у кого не просилъ и ничего не домогался. При своемъ обширномъ знакомствѣ и безшабашномъ образѣ жизни, онъ былъ конечно въ курсѣ всѣхъ исторій и романовъ пріѣзжей нарядной публики этого щегольского городка, гдѣ, кажется, самый воздухъ былъ пропитанъ флиртомъ и любовью и куда онъ аккуратно являлся каждый годъ въ обязательный мѣсячный отпускъ для „отдыха". Все вокругъ кишѣло злословіемъ, завистью и клеветою, но въ его передачѣ самыя нелѣпыя, скандальныя происшествія, всегда получали веселый и комическій характеръ.

И его всѣ любили,

Поеживаясь въ своемъ бѣломъ кителѣ и прихлебывая маленькими глотками золотистую мадеру, полковникъ попробовалъ углубиться въ самыя таинственныя нѣдра политической статьи захолустнаго публициста, строющаго цѣлый рядъ догадокъ и предположеній по поводу того, что именно могло быть написано въ секретномъ письмѣ императора германскаго къ королю англійскому. Гм, это должно

Digitized by Google

быть чрезвычайно интересно,—пробормоталъ полковникъ, прочитавши заглавіе статьи—въ самомъ дѣлѣ, о чемъ это они тамъ могутъ секретничать? Ужъ не на нашъ ли счетъ что нибудь опять затѣваютъ? Посмотримъ...

Но захолустный публицистъ, завѣдывавшій въ мѣстной газетѣ всѣми отдѣлами, съ обязательствомъ давать каждый день двѣ собственныя статьи, одну по внѣшней, другую по внутренней политикѣ — и все это за пятьдесятъ цѣлковыхъ въ мѣсяцъ, на этотъ разъ черезъ чуръ уже развернулся во всю ширь своей эрудиціи и хватилъ черезъ край. Перечисленіе всѣхъ коварныхъ замысловъ, которые, по его мнѣнію, должны непремѣнно заключаться въ письмѣ германскаго императора къ англійскому королю, носило такой фантастическій характеръ, что полковникъ, вообще далеко державшійся отъ политики, сначала съ недоумѣніемъ три раза перечиталъ вступленіе, а потомъ вовсе бросилъ газету въ сторону. Чертъ ихъ побери этихъ писакъ, проворчалъ онъ, съ жиру бѣсятся...

И, допивъ сразу рюмку мадеры, поудобнѣе устроился въ креслѣ немного прикурнуть.

Сонъ не особенно долго заставилъ ждать себя. Подъ ровные, мѣрные звуки голоса секретаря, продолжавшаго читать телеграммы, полковникъ быстро почувствовалъ, какъ постепенно его осѣняетъ какое-то необычайно пріятное облако истомы и тихаго блаженства. Сначала откуда то издалека, точно изъ горныхъ ущелій, эхомъ долетали до него отрывистыя слова: „гніетъ... гніетъ... гніетъ...“ Но вскорѣ все скрылось въ какомъ-то полномъ небытіи и лег-

Digitized by Google

ній свистъ, донесшійся изъ того угла, гдѣ онъ умостился, показалъ вполнѣ ясно, что сонъ совсѣмъ смежилъ вѣжды полковника.

— Счастливый человѣкъ, проговорилъ негромко князь, со вздохомъ облегченія, видя, что въ рукахъ у секретаря уже послѣдняя телеграмма.

— Счастье вещь условная, ваше сіятельство, счелъ себя въ правѣ замѣтить Иванъ Петровичъ.

— Да, это правда, согласился князь, и даже очень условная. Вотъ, напримѣръ, для всѣхъ этихъ людей, имена которыхъ ты же господи вѣси, и которые послали эти телеграммы, въ данный моментъ самымъ большимъ счастьемъ вѣроятно явилось бы полученіе отъ меня отвѣта. И теперь, представьте себѣ, если бы они мысленно могли нарисовать ту обстановку, при которой происходитъ, такъ сказать, попытка удовлетворенія ихъ вполнѣ законныхъ и справедливыхъ претензій. Сидимъ мы среди этого благорастворенія воздуховъ, Петръ Ивановичъ — секретарь, очень не маловажная особа на бюрократической лѣстницѣ, дѣлаетъ обычный докладъ самому князю. Князь, которому всѣ уши прожужало это ужасное—гніетъ и гніетъ, прилагаетъ всѣ усилія чтобы внимательно слушать и по возможности запечатлѣть въ своей памяти всѣ эти бесчисленныя станціи желѣзныхъ дорогъ, на которыхъ въ данный моментъ что нибудь гніетъ. Ихъ много, много до ужаса... Въ углу мирно дремлетъ нашъ славный полковникъ... И вотъ, черезъ полтора часа по всей Россіи понесутся отсюда телеграммы съ однимъ и тѣмъ же успокоительнымъ содержаніемъ, что всѣ мѣры будутъ приняты по возможности. По возмож-

Digitized by Google

ности, подчеркнулъ князь и усмѣхнулся. Это слово нужно было бы изваять золотомъ на гранитѣ, и поставить его во всѣхъ канцеляріяхъ на самомъ почетномъ мѣстѣ, рядомъ съ зерцаломъ, въ немъ одномъ заключается столько неуловимой тонкости въ великой бюрократической машинѣ. Получатъ наши телеграммы всѣ эти бесчисленные люди, имена которыхъ ты же господи вѣси, и они тоже станутъ счастливы на нѣкоторое время. Обѣщаніе, скрѣпленное именемъ самаго князя, что можетъ быть вѣрнѣе и сильнѣе? Пройдетъ пять дней ожиданья, десять, двѣнадцать... Можно себѣ представить, сидя вотъ здѣсь, на этой террассѣ, какія ужасныя проклятья посыпятся на мою голову во всѣхъ этихъ медвѣжьихъ углахъ, на ряду съ новымъ градомъ почтительнѣйшихъ телеграммъ. Что дѣлать? Я просто являюсь козломъ отпущенья, но развѣ тамъ это, имъ, понятно? Нѣтъ ничего ужаснѣе, какъ чувствовать свое полное безсиліе и въ то же время шарлатанить, разыгрывая изъ себя роль всемогущества и разсылая каждый день во всѣ концы страны эти сотни успокоительныхъ депешъ, одного и того же содержанія. Дорогой Петръ Ивановичъ, распорядитесь пожалуста и сегодня сдѣлать тоже... А теперь—нужно на воздухъ.

Князь всталъ и, съ наслажденіемъ расправляя свои отекшіе члены, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по террасѣ. Онъ отодвинулъ немного рукою густую виноградную вѣтвь, съ широкими, почти безъ вырѣзовъ, листьями изабеллы и морская даль, вся залитая мягкимъ солнечнымъ сіяніемъ, ярко блеснула въ получившемся просвѣтѣ.

Digitized by Google

— Хорошо, проговорилъ князь и вздохнулъ полною грудью. Петръ Ивановичъ!..

И онъ посмотрѣлъ въ сторону секретаря.

Секретарь, поднявшись одновременно со своимъ принципаломъ, стоялъ у стола и перелистывалъ какую-то толстую, синюю папку.

— Ахъ да, еще это, поморщился князь. Мнѣніе общества рыболовства о желательномъ направленіи... Проектъ устройства канала къ персидскому заливу... Пріемная дочь дороги...

— Петръ Ивановичъ, снова позвалъ онъ и въ голосѣ его зазвучала нотка раздраженія, не отложить ли намъ все это остальное, не представляющее характера чрезвычайной спѣшности, ну хотя бы... до послѣ завтра? Вѣдь ни общество рыболовства со своимъ мнѣніемъ, ни проектъ этого нелѣпаго Петрова, съ отзывомъ собранія гражданскихъ инженеровъ, никуда не уйдутъ. Вотъ тамъ есть еще что то насчетъ усиленнаго пособія кому-то... Просмотрите, дорогой, распорядитесь, какъ слѣдуетъ... А пока, спрячьте все это въ вашъ страшный портфель, въ которомъ вмѣщается столько человѣческаго горя, страданія и надеждъ. И ключъ къ разрѣшенію всего этого въ нашихъ рукахъ. Смѣшно, не правда ли? Посмотрите, какъ я сейчасъ напугаю полковника...

Послышался снова сухой, отрывистый смѣхъ барона. Баронъ смѣялся въ третій разъ! Это уже становилось совершенно непонятнымъ. Князь слегка вздрогнулъ. Смѣхъ барона, котораго онъ не выносилъ и который, въ свою очередь, отвѣчалъ ему плохо скрываемымъ пренебреженіемъ, напоминалъ ему

171754 Digitized by Google

зловѣщій крикъ филина. Ужъ не моимъ ли словамъ смѣется онъ, мелькнуло у него въ головѣ. Но онъ сейчасъ же отбросилъ эту мысль. Въ тотъ уголъ, гдѣ всегда сидѣлъ баронъ, отсюда ничего не было слышно и видно.

Князь слегка тронулъ за плечо полковника и полковникъ, открывши глаза, сразу пришелъ въ себя.

— Нѣтъ, удивительная въ самомъ дѣлѣ статья, быстро заговорилъ онъ, понимаете ли, строитъ различныя соображенья на секретномъ письмѣ императора германскаго къ королю англійскому? На секретномъ письмѣ, котораго никто даже не читалъ, кромѣ получившаго его! Да, доложу вамъ... Ужъ эти писаки... Заставилъ таки меня сильно задуматься... Значитъ государственные труды на сегодня окончены? Благодарю васъ...

Князь, не спѣша, надѣлъ пальто и закурилъ папиросу.

— Ну, полковникъ, сказалъ онъ, продемонстрируйте намъ обѣщанную вами новость.

— Какъ? Развѣ я вамъ еще не объявилъ? удивленно воскликнулъ полковникъ. Благодарю васъ! Я страшно сталъ разсѣянъ въ послѣднее время, эта служба буквально цѣликомъ проглатываетъ нашего брата. Господа, поздравляю васъ, торжественно медленно продолжалъ онъ, пріѣхала Хризантема! Теперь увидите, что пойдетъ тутъ твориться... И, готовъ держать пари на сотню лучшихъ сигаръ, что черезъ три дня вы забудете ваши вагоны, паровозы, мосты, насыпи и черезъ три дня оба будете влюблены въ нее до самой макушки.

— Хризантема? удивленно спросилъ князь, под-

Digitized by Google

нимая брови. Кто это такая Хризантема? Странное имя. Японская гражданка, или кафешантанная звѣзда? Дорогой полковникъ, не злоупотребляйте нашимъ терпѣніемъ, посмотрите какъ васъ буквально съѣдаетъ глазами Петръ Ивановичъ. Я боюсь не на шутку, что служебныя телеграммы пойдутъ сегодня съ большимъ опозданіемъ.

— Вы не знаете Хризантемы? О-о-а-а!.. выпучивъ свои сѣрые глаза, рычалъ полковникъ. Да вѣдь ее... Да вѣдь она... Она родная племянница...

И онъ, раздѣляя по слогамъ, назвалъ фамилію человѣка, который еще недавно былъ самымъ виднымъ временщикомъ и имя котораго, въ связи съ цѣлымъ рядомъ крупныхъ событій, стало весьма извѣстнымъ и популярнымъ, хотя и не съ особенно лестной стороны.

Да, родная племянница, продолжалъ полковникъ, а по мужу ея фамилія княгиня Дервишева. Не особенно правда громко, изъ татарскихъ князей. Но за то родъ этотъ пользуется очень громкой извѣстностью именно въ вашемъ вѣдомствѣ. Какой то ея дѣдушка, или дядюшка строилъ какія то дороги и, какъ утверждаютъ, наворовалъ очень порядочно милліоновъ. А потомъ бабушка, или тетушка пустились въ благотворительность и успѣла себѣ составить большое имя на этомъ поприще.

— Такъ вотъ кто такая ваша Хризантема, произнесъ князь. Это становится болѣе интереснымъ, чѣмъ я ожидалъ. Въ законномъ супружествѣ, и со своимъ собственнымъ благовѣрнымъ съ боку? Да, былъ въ свое время одинъ такой знаменитый концессіонеръ, князь Дервишевъ. И не только нажилъ

Digitized by Google

милліоны, но и съумѣлъ ихъ сохранить, что гораздо труднѣе. Но вѣдь это древняя исторія желѣзнодорожнаго строительства. И вы напрасно, полковникъ, такъ сердитесь на насъ за то, что мы не знаемъ вашей знаменитости. Если васъ съѣдаетъ служба цѣликомъ, подчеркнулъ онъ, то на насъ она сказывается еще сильнѣе.

— Я вовсе не сержусь, князь, отвѣчалъ полковникъ. Но вы увидите и сами убѣдитесь. Принимаете пари, что оба будете влюблены въ нее на третій день? Какъ бы не такъ! Умудритесь сначала познакомиться! А она не знакомится положительно ни съ кѣмъ. Въ прошломъ году прожила здѣсь два мѣсяца—и ни души. Ужъ кто только и какими способами не пробовали къ ней подъѣхать и въ результатѣ—ничего! Англичане это называютъ „гордое уединеніе". Единственный ея другъ, маленькій, беззубый хулиганчикъ. Тутъ есть такой уличный мальчишка, лѣтъ тринадцати, препротивный типъ, она его одѣла, привела въ приличный видъ и онъ, какъ собаченка, всюду неотступно ходитъ за ней. Уже и черезъ хулиганчика пробовали дѣйствовать, я самъ подкупалъ мерзавца, но ничего не выходитъ.

— Ну, амужъ же какъ? спросилъ князь, не проще ли познакомиться раньше съ нимъ?

— Мужъ вовсе и не показывается тутъ никогда, отвѣтилъ полковникъ. Онъ съ головою ушелъ въ свое хозяйство и хозяйничаетъ гдѣ то тамъ, чертъ его знаетъ гдѣ, въ какихъ то дремучихъ лѣсахъ. У меня записана губернія... Постойте, вотъ я вамъ сейчасъ скажу...

И полковникъ, доставши изъ бокового кармана

Digitized by Google

своего сюртука записную книжку, которая, отъ постояннаго сосѣдства съ полдюжиною лежащихъ рядомъ, прокуренныхъ мунштуковъ, вся насквозь пропиталась запахомъ никотина, и въ которой хранились всѣ его завѣтныя записи за много лѣтъ, принялся торопливо переворачивать листки. Долго глаза его никакъ не могли найти то, что было ему нужно. Многочисленныя женскія имена, съ адресами въ разныхъ городахъ, чередовались съ отмѣченными марками разныхъ винъ и сигаръ, и тутъ же оказывался случайно вписанный счетъ рубашекъ и кальсонъ, сданныхъ въ стирку много лѣтъ тому назадъ прачкѣ. За кальсонами непосредственно красовалась французская шансонетка, особенно понравившаяся полковнику, когда двѣнадцать лѣтъ тому назадъ онъ еще носилъ морскую форму и стоялъ со станціонеромъ на Дунаѣ, въ Галацѣ. Шансонетка была чрезвычайно пикантна, и каждый куплетъ ея кончался неизмѣннымъ припѣвомъ „il faut savoir diriger".

Когда полковникъ дошелъ до этого мѣста, полное лицо его вдругъ просіяло радостной улыбкой.

— Хотите князь, я вамъ прочту одну штучку? воскликнулъ онъ. Замѣчательно! Въ Галацѣ, на Дунаѣ, когда я былъ еще лейтенантомъ и старшимъ офицеромъ на станціонерѣ. Нѣтъ, это право чрезвычайно интересно! Француженка Амалія, молодежь наша звала ее m-elle Animal. Вотъ ужъ дѣйствительно сказать, благодарю покорно, могла поразить своимъ свинствомъ всякаго, даже видавшаго виды. Произведетъ надъ вами самый невѣроят-

Digitized by Google

нѣйшій экспериментъ любви и потомъ поетъ въ самое ухо вамъ: il faut savoir diriger...

У меня есть гдѣ то ея карточки. И въ какомъ видѣ! Вы себѣ представить не можете... Съ нашимъ командиромъ. Непремѣнно разыщу... Вотъ доложу я вамъ! Ха-ха-ха...

И, забывъ уже совершенно о томъ, что именно онъ искалъ въ своей книжкѣ, весь охваченный картинами галацкихъ воспоминаній, полковникъ, сунувъ книжку обратно въ карманъ къ мунштукамъ, покатывался отъ хохота и пробовалъ разсказать что то совершенно невѣроятное про m-elle Animal.

Князь, улыбаясь, смотрѣлъ на этого взрослаго ребенка и терпѣливо ожидалъ, пока онъ немного отойдетъ отъ душившаго его смѣха. Но полковникъ, красный какъ степной піонъ, съ трясущимися жирными щеками и колыхающимся животомъ, все порывался непремѣнно что то разсказать и, едва только приступалъ къ разсказу, какъ новый порывъ смѣха охватывалъ его. Кончилось тѣмъ, что онъ поперхнулся и сильно закашлялся, а когда отошелъ немного, выпилъ залпомъ рюмку мадеры и махнулъ рукой.

— Нѣтъ, это просто невозможно, я васъ познакомлю подробно съ этой исторіей въ другой разъ, какъ нибудь въ саду, послѣ ужина. А теперь я васъ только задерживаю. Идемте! Благодарю васъ...

— А гдѣ же поселилась ваша неприступная Хризантема? спросилъ князь.

— Здѣсь надъ вами. Она всегда занимаетъ одни и тѣже три номера съ балкономъ. Вообще, могу сказать, умѣетъ швырять деньгами и очень шикарна.

— И все таки, несмотря на всю свою гордую не-

Digitized by Google

приступность, попадетъ она въ число жертвъ барона, сказалъ князь, слегка вздохнувъ, какъ бы заранѣе по судьбѣ Хризантемы. Ему просто захотѣлось пошутить. Онъ зналъ, что ничѣмъ нельзя было сильнѣе раздражить полковника, какъ сказавши при немъ что нибудь о баронѣ.

И дѣйствительно полковникъ совершенно разсвирѣпѣлъ...

— Барона? воскликнулъ онъ и даже привскочилъ всею своею круглою фигурой. То есть какъ же это такъ?

— Да такъ, очень просто. Подзоветъ онъ ее къ своему креслу, какъ подзываетъ всѣхъ другихъ. Присядьте возлѣ больного старика... И будетъ сидѣть и млѣть отъ счастья, что ее удостоилъ вниманья такой вельможа. Какъ всѣ... Вѣдь главный вопросъ въ жизни нашей, дорогой полковникъ, и сводится къ тому именно, какъ пѣла ваша m-elle Animal, что, il faut savoir diriger...

Секретарь ожидалъ цѣлаго взрыва негодованія со стороны полковника и заранѣе предвкушалъ удовольствіе отъ предстоящей сцены. Но полковникъ совершенно неожиданно успокоился и произнесъ:

— А впрочемъ возможно, съ этими шалыми бабами всего можно ожидать. Хотя она не изъ тѣхъ, которыми дирижируютъ, а изъ тѣхъ, которыя сами дирижируютъ.

IV.

Появленіе Хризантемы произвело значительную сенсацію среди многочисленныхъ обитателей отеля,

Digitized by Google

особенно между тѣми завсегдатаями его, которые регулярно пріѣзжали сюда изъ года въ годъ и жили здѣсь цѣлыми мѣсяцами. Ко времени прихода пароходовъ, они обыкновенно аккуратно занимали свои мѣста на террасѣ, провожая всякое появляющееся новое лицо длинными, перекрестными взглядами. Утромъ непремѣнно подходили къ большимъ чернымъ доскамъ, висѣвшимъ по обѣимъ сторонамъ просторнаго антрэ и просматривали каллиграфически выведенныя на нихъ фамиліи жильцовъ, не подъѣхалъ ли кто нибудь лошадьми минувшею ночью. Если, кто нибудь изъ вновь прибывшихъ былъ извѣстенъ своимъ положеніемъ, фамиліею, богатствомъ, или вообще чѣмъ нибудь представлялъ собою нѣкоторую величину, между завсегдатаями непремѣнно находился знавшій всю его біографію, состоявшую обыкновенно изъ цѣлаго ряда болѣе или менѣе злыхъ клеветъ, которыя съ наслажденіемъ всѣми выслушивались, добавлялись, раскрашивались и тщательно прятались въ сокровищницу воспоминаній. Иногда являлось нѣсколько разскащиковъ сразу и тогда каждый изъ нихъ старался превзойти другого пылкостью своей фантазіи, измышленія которой они выдавали за самые непреложные факты. Хризантема представляла собою для всѣхъ этихъ праздныхъ сплетниковъ двойной интересъ и за всякимъ шагомъ, за всякимъ движеніемъ ея они слѣдили неотступно, при чемъ каждый вечеръ на террасѣ составлялся подробный словесный дневникъ ея времяпрепровожденія. А такъ какъ она пріѣзжала сюда уже второй сезонъ подрядъ, то и дневникъ этотъ являлся какъ бы продолженіемъ уже заведеннаго въ прошломъ году.

Digitized by Google

При первомъ пріѣздѣ ея, всѣ завсегдатаи обомлѣли и не на шутку растерялись, когда, въ одинъ прекрасный вечеръ, на террасу легкою походкою поднялась стройная, совершенно юная женщина, такъ оригинально красивая, что казалось и въ многотысячной толпѣ лицо и фигура ея должны были сразу привлечь на себя всеобщее вниманіе. Статная, прекрасная со слабымъ, нѣжнымъ румянцемъ, украшенная парою большихъ и выразительныхъ глазъ, цвѣта морской бездны и увѣнчанная роскошными волосами того золотистаго оттѣнка, который отливаетъ издали застывшей, старой бронзой и къ которому еще, кажется, не подобрала человѣческая рука подходящей краски, пріѣхала она не одна, а въ сопровожденіи маленькой, пухленькой блондинки со вздернутымъ носикомъ и какой то ужасной женщины, у которой вся правая половина лица представляла собою сплошное темное-багровое пятно. На другой день узнали фамилію пріѣхавшей и вскорѣ на террасу начали поступать разныя дополнительныя свѣдѣнія о ней, впрочемъ очень скудныя и отрывочныя. Пухленькая блондинка ея подруга, а ужасная женщина—фельдшерица.

Фельдшерица, зачѣмъ ей спеціальная фельдшерица? Это заставило всѣхъ серьезно насторожиться...

Гостиничная горничная видѣла случайно, какъ женщина съ багровымъ лицомъ перевязывала длинными бинтами княгинѣ грудь и разсказала объ этомъ барышнѣ, сидѣвшей за кассою въ гостиничномъ ресторанѣ. Барышня, не меньше другихъ сгоравшая отъ любопытства, и которой очень льстило, что ее удостаиваютъ вниманіемъ и бесѣдуютъ столько

Digitized by Google

сильныхъ и богатыхъ людей, подходящихъ къ буфетной стойкѣ выбрать передъ обѣдомъ закуску, по секрету передала эту новость всѣмъ, кто только не приближался, чтобы выпить рюмку водки. Это становилось уже черезъ чуръ интереснымъ и загадочнымъ и всякимъ догадкамъ не было конца, пока вечеромъ, какой то вновь пріѣхавшій хлыщъ въ мундирѣ одного изъ гвардейскихъ полковъ, увидя садившуюся въ экипажъ княгиню, гнусявя въ носъ, не замѣтилъ:

— Ба, да вѣдь это Хризантема—И она здѣсь?

Разумѣется, произнесшій эту фразу сталъ сейчасъ же центромъ общаго вниманія, какъ человѣкъ, отъ котораго ожидали всей подноготной. И онъ дѣйствительно оказался знающимъ довольно многое хотя самъ и не былъ лично знакомъ съ княгинею. Разсказать? Отчего же, разъ это интересуетъ. Тѣмъ болѣе, никакого секрета въ этомъ нѣтъ.

И, съ небрежнымъ, скучающимъ видомъ человѣка до того пресыщеннаго жизнью, что самыя слова уже не хочется ронять съ языка, онъ въ короткой, отрывочной формѣ далъ цѣлый рядъ произведшихъ настоящій фуроръ среди завсегдатаевъ террасы свѣдѣній. Прежде всего—родная племянница... И онъ назвалъ фамилію, въ двухъ своихъ поколѣніяхъ дважды сыгравшую такую крупную роль въ исторіи Россіи. Отъ роду двадцать два года, но замужемъ уже пять лѣтъ. Мужъ очень богатъ, балуетъ ее, ни въ чемъ не отказываетъ и ничѣмъ не стѣсняетъ, но самъ сидитъ почти безвыѣздно въ своемъ громадномъ лѣсномъ имѣніи. На столичномъ горизонтѣ княгиня почти не показывается и потому ее вовсе

Digitized by Google

не знаютъ люди общества. Но тамъ, въ глуши лѣсовъ, у нея была какая то странная, загадочная исторія, какая то тайна, которая такъ и умерла, охраняемая лѣсными великанами. Говорили, что она стрѣлялась со своею родною сестрою изъ какого то не то рыцаря, не то странствующаго трубадура. Знаете, это у нихъ ужъ что-то семейное, всѣ взбалмошные, своенравные, крутые и жестокіе. Молва утверждаетъ, что Хризантема получила таки пулю и не легко выбралась изъ лапъ смерти. Сестра же, въ порывѣ отчаянія, бросилась подъ поѣздъ и погибла. Во всякомъ случаѣ послѣднее, добавилъ разсказчикъ, фактъ не подлежащій сомнѣнію. Ну а эта, какъ видите, выскочила благополучно и теперь пріѣхала сюда поправляться и наслаждаться. Счастливѣе всѣхъ выцарапался изъ этой романической драмы самъ трубадуръ. По всѣмъ даннымъ, онъ дѣлилъ свою любовь между обѣими красавицами и затѣмъ, предоставивъ имъ рѣшать вопросъ ихъ ревности и самолюбія дуэлью, самъ благополучно скрылся безо всякаго ущерба для собственной персоны.

И вспомнивши, что по гвардейскимъ традиціямъ всякій разсказъ нужно закончить по возможности остроумнымъ умозаключеніемъ, уланъ добавилъ:

Удивительно перепутались понятія о чести, или вѣрнѣе сказать, о рѣшеніи вопросовъ чести. Двѣ молодыя замужнія женщины, подъ самымъ носомъ у своихъ мужей, стрѣляются изъ за общаго любовника. Недостаетъ только для полноты картины, чтобы мужья явились ихъ секундантами, а любовникъ примирителемъ и исцѣлителемъ сердецъ всей этой милой кадрили...

Digitized by Google

Такъ вотъ оно что значитъ эта таинственная фельдшерица, съ ея перевязками! Тутъ глаза открылись даже у слѣпыхъ...

Каждый увѣрялъ себя и другихъ, что онъ предполагалъ все именно такъ, какъ оно и вышло. У такой красавицы непремѣнно должна быть прострѣлена грудь, конечно на самой романической почвѣ. Дуэль между двумя молодыми женщинами, да еще родными сестрами, изъ за какого. то таинственнаго незнакомца! И одна изъ нихъ здѣсь, во всемъ обаяніи ослѣпительной красоты, молодости, богатства и громкаго имени... Только что вырвавшаяся изъ рукъ смерти, тогда какъ другая... Это, пожалуй, не во всякой сказкѣ сыщешь... Дамы просто съ ума сходили ото всего услышаннаго и сгорали любопытствомъ узнать еще какія нибудь подробности. Но все было напрасно. Всякіе подходы къ фельдшерицѣ оказались неудачными, эта угрюмая, такъ жестоко обиженная природой и чуждавшаяся людей женщина, на всѣ попытки распросовъ, отвѣчала односложно и сейчасъ же уходила, точно стыдясь своего безобразія. Сама княгиня вѣжливо, но очень рѣшительно отклоняла всякія поползновенія завести съ нею знакомство, какъ со стороны мужчинъ, такъ и со стороны дамъ. Самымъ удобнымъ пунктомъ для сближенія и для знакомства являлась, конечно, терраса, гдѣ путемъ маленькихъ услугъ другъ другу, люди вступали въ разговоръ, знакомились и понемногу сходились для того, чтобы потомъ лучше сплетничать и злословить другъ про друга. Но Хризантема точно догадывалась о разставляемыхъ ей сѣтяхъ и умѣло избѣгала ихъ. Быстро, ни на кого не глядя, про-

Digitized by Google

ходила она, обыкновенно всегда въ сопровожденіи обѣихъ своихъ спутницъ, мимо сидящихъ и полулежащихъ тутъ завсегдатаевъ.

Бѣдная, это такъ понятно, говорили озлобленно-сочувственнымъ тономъ дамы, подъ вліяніемъ этой ужасной трагедіи она просто стала мизантропкой. Имѣя двѣ такія раны, разбитое сердце и простреленную грудь...

— Просто она какая то шалая, полусумасшедшая, рѣшительно опредѣлилъ пожилой генералъ, выкрашенный въ великолѣпную черную краску, которая на солнцѣ выдавала его съ головой своими фіолетовыми переливами, и имѣвшій большую претензію нравиться женщинамъ. Помилуйте, я вчера послалъ ей букетъ, и тотчасъ же, съ тѣмъ же человѣкомъ, получилъ его обратно. Ну я понимаю, если-бы это отъ какого нибудь юнкера, мальчишки. Но генералъ-маіору, какъ себѣ, хотите... И потомъ, прослѣдите пожалуста ея времяпрепровожденіе, все это какъ то вдругъ, сразу, порывами. То она мчится куда то въ экипажѣ, не успѣли оглянуться—уже бѣжитъ пѣшкомъ, потомъ новая декорація—верхомъ на лошади. И все скачками—трахъ-трахъ-трахъ! Три четыре раза въ день переодѣвается... Я понимаю, когда молодая, красивая женщина продѣлываетъ всѣ эти штуки для мужчинъ, чтобы нравиться имъ. Но почему же въ такомъ случаѣ такъ упорно избѣгать всякаго знакомства съ ними? Не понимаю, развелъ онъ руками, какой то ходячій психозъ...

Всѣ эти подробности перваго прошлогодняго пріѣзда Хризантемы припоминались и перебирались теперь во время обычныхъ утреннихъ и вечернихъ

Digitized by Google

пересудовъ на террасѣ. Вспомнили и то, какъ она тогда уѣхала. Рано утромъ, когда еще весь отель спалъ, такъ что никто изъ жильцовъ даже и не подозрѣвалъ о томъ, что ея больше тутъ нѣтъ. И только запахъ какихъ то особенныхъ, очень крѣпкихъ духовъ долго еще наполнялъ тѣ комнаты, въ которыхъ она жила.

Теперь княгиня пріѣхала съ одною подругою, пухленькою блондинкою. Ужасной женщины съ багровою половиною лица, на этотъ разъ при ней не было. Она вся сіяла молодостью, красотою и ея удивительные зеленые глаза свѣтились тѣмъ мягкимъ фосфорическимъ свѣтомъ, какимъ свѣтятся въ тихія осеннія ночи зеленыя волны южныхъ морей.

Поправилась милочка, расцвѣла, шипѣли на террасѣ, вотъ теперь то зачертитъ она... Но первые дни ясно показали всѣмъ, что Хризантема, очевидно, намѣрена держаться того самаго образа жизни, что и въ прошломъ году.

Всѣ ждали, съ плохо скрываемымъ нетерпѣніемъ, какъ она отнесется къ барону, такъ какъ не было сомнѣній, что баронъ, по своей привычкѣ, при первомъ же удобномъ случаѣ попробуетъ завести съ нею разговоръ. Но она проходила мимо него всегда спокойно и быстро, и ни разу не подняла своихъ глазъ въ ту сторону, гдѣ сидѣлъ обыкновенно этотъ вельможа. И послѣдній напрасно постоянно былъ на сторожѣ, подстерегая подходящій моментъ. У него была даже подготовлена уже хорошая тема для вступленія—близкое знакомство и дружба съ ея всесильнымъ дядей, котораго въ глубинѣ души онъ ненавидѣлъ, какъ можетъ только ненавидѣть временщикъ временщика.

Digitized by Google

Но моментъ не приходилъ. Баронъ злился, но молчалъ. Онъ былъ слишкомъ джентельменъ для того, чтобы принимать участіе въ кипѣвшемъ вокругъ него злословіи и сплетняхъ.

IV.

И тѣмъ не менѣе, князь познакомился съ Хризантемою быстрѣе, чѣмъ могъ кто нибудь ожидать, при чемъ самое знакомство произошло при не совсѣмъ обычной обстановкѣ.

Дня черезъ три послѣ пріѣзда княгини, князь, совершенно усталый, утомленный непрерывнымъ, четырехчасовымъ утреннимъ докладомъ, послалъ за коляскою и поѣхалъ въ горы. Онъ чувствовалъ, что голова его кружится отъ этого бумажнаго наводненія жалобъ, просьбъ, докладовъ, запросовъ, справокъ и временами ему казалось, что память начинаетъ ему измѣнять и все сплывается въ какой то сплошной кошмаръ. Это было ужасно, въ связи съ сознаніемъ своего полнаго безсилія и съ другой стороны—не то не умѣнье, не то не желаніе во время сойти со сцены и, получивши почетное назначеніе на постъ, не связанный ни съ какою отвѣтственностью, успокоиться, или просто отдохнуть въ роли частнаго человѣка. Иногда ему совершенно по дѣтски хотѣлось, чтобы Петръ Ивановичъ заболѣлъ чѣмъ нибудь, конечно не опасно, и дня на три онъ былъ бы совершенно свободенъ отъ акуратныхъ, какъ часы, посѣщеній своего секретаря. Въ душѣ, конечно, онъ самъ смѣялся надъ подобными мыслями и, какъ пойманный школь-

Digitized by Google

никъ, пожималъ плечами, когда онѣ приходили ему въ голову.

— Ѣзжай самъ куда знаешь, отвѣтилъ князь на вопросъ кучера, чтобы вернуться часа черезъ два. Только, пожалуста, выбери такое мѣсто, гдѣ можно было бы поменьше встрѣтить людей.

И, увидѣвши издали раскраснѣвшуюся отъ быстрой ходьбы, поднимавшуюся по лѣстницѣ и уже издали игравшую глазами Марью Павловну, прибавилъ въ полголоса:

Ну, трогай поскорѣе...

Удобная карзина, эластично покачиваясь на резиновыхъ шинахъ, миновала набережную, поднялась вверхъ по узкимъ, кривымъ улицамъ стараго города, бившаго сильно въ носъ запахомъ лука и рыбы, которую, жившіе здѣсь въ большомъ количествѣ греки, жарили у дверей своихъ домовъ на оливковомъ маслѣ, и поравнялась съ кладбищемъ, откуда, изъ за темныхъ, стройныхъ кипарисовъ, выглядывали бѣлые и сѣрые мраморные памятники, покрывшіе собою столько надеждъ спѣшившихъ сюда за здоровьемъ и счастьемъ людей. Отсюда развѣтлялись три дороги. Кучеръ, точно раздумывая, на секунду сдержалъ лошадей и потомъ свернулъ налѣво.

Могучій сосновый лѣсъ спускался къ нимъ съ горъ на встрѣчу и, съ каждымъ поворотомъ, шоссе его темная полоса надвигалась все ближе и ближе. Внизу, распластавшись надъ самою землею своими искривленными верхушками, трепетали своими побурѣвшими листьями уродливыя терпентиновыя деревья. Подъ ними, по каменному ложу, журча и

Digitized by Google

перепрыгивая черезъ принесенные ею во время половодья оторванные осколки скалъ, быстро и весело бѣжала къ морю свѣтлая рѣченка, такая тихая и скромная теперь. Мѣстами струи ея совершенно исчезали въ свѣсившихся надъ нею колючихъ вѣтвяхъ ежевики, сплошь усѣянныхъ блестящими, черными и малиновыми ягодами. А на верху, на фіолетовыхъ бокахъ каменныхъ скалъ, искрились и рѣзвились бѣлыя облака. Онѣ сворачивались въ клубки, вытягивались въ длинныя полосы, точно протянутое для просушки свѣжее полотно, прыгали, разбѣгались, снова догоняли другъ друга и вдругъ, сбѣжавшись со всѣхъ сторонъ, сливались въ самыхъ фантастическихъ очертаніяхъ. Или, распустивъ свои сѣдыя космы, охватывали своими холодными объятіями какой нибудь одиноко въ сторонѣ стоявшій утесъ. И, когда косой лучъ близкаго къ закату солнца прогонялъ ихъ отсюда, быстро прятались въ ущелье, или какимъ то бѣшенымъ хороводомъ неслись вверхъ, оставляя у каждаго камня, точно часовыхъ, тонкія струйки сѣраго тумана. А надъ головою сіяло ярко-синее небо и тамъ, чуть замѣтными точками, парили и перекликались своими рѣзкими, гортанными звуками черные горные орлы.

Онъ выбралъ путь къ ущелью, подумалъ князь и съ наслажденьемъ вдохнулъ полною грудью густо насыщенный ароматомъ сосны воздухъ. Это отличный выборъ, тамъ теперь уже съ трехъ часовъ не бываетъ солнца и мы навѣрное никого не встрѣтимъ. Ни эти нелѣпыя кавалькады изъ жаждущихъ любви дамъ, съ готовыми служить имъ проводниками, ни ожирѣвшихъ туристовъ въ колясках, сонными

Digitized by Google

глазами еле глядящихъ на всѣ эти перлы мірозданія.

Князь посмотрѣлъ на часы, было начало третьяго. Ему страшно захотѣлось вдругъ скорѣе доѣхать до того мѣста, гдѣ экипажи останавливаются и дальше идетъ уже пѣшеходная тропинка. Въ концѣ ея, въ полуверстѣ отъ дома лѣсника, сразу у моря открывалась грандіозная панорама ущелья, которое отсюда сверху казалось уходившимъ въ какую то нескончаемую даль и необъятную глубь, между безформенными громадами насунувшихся и свѣсившихся въ хаотическомъ безпорядкѣ по обѣимъ сторонамъ его гигантскихъ скалъ. И скалы того берега, отдѣленныя глубокимъ, темнымъ провальемъ, казались продолженіемъ скалъ этого берега. Когда то, какой то страшный подземный ударъ расклинилъ ихъ на двѣ части пополамъ и раздѣлилъ на вѣки. Все это было необычайно величественно, красиво и мрачно, всегда застывшее въ глубокой, нѣмой тишинѣ. Надъ самымъ обрывомъ стояла простая деревяная скамейка и, въ то время какъ солнце, точно золотыми нитями, переплетало своими лучами темнозеленыя вѣтви свѣсившейся надъ нею сосны, изъ глубины ущелья уже ползли ночныя тѣни. И брошенный туда камень глухимъ эхомъ посылалъ оттуда вверхъ, точно съ какой то дороги въ адъ, каждый ударъ свой о бока скалъ.

Когда экипажъ остановился у маленькаго лѣснаго дома, князь съ удовольствіемъ замѣтилъ, что на площадкѣ у двухъ — трехъ столовъ подъ деревьями, возлѣ которыхъ обыкновенно располагались за чаепитіемъ туристы, совершенно пусто. Въ

Digitized by Google

сторонѣ проводникъ татаринъ, сидя на землѣ, держалъ за поводья двухъ лошадей, одна изъ которыхъ была осѣдлана дамскимъ сѣдломъ. Татаринъ очевидно скучалъ и, выводя гнусявымъ голосомъ какую то нехитрую пѣсню, отбивалъ тактъ хлыстомъ по лакированному голенищу своего сапога. Князь разсѣяннымъ взглядомъ окинулъ его и подумалъ:

Чичероне-то не изъ первосортныхъ, не изъ тѣхъ, которые на амплуа утѣшителей. Вѣроятно какая нибудь бабенка ждетъ суженаго у лѣсника. Это уже изъ романовъ третьей градаціи, сюда спасаются тѣ, которыя или должны прятаться отъ чьихъ-нибудь ревнивыхъ глазъ, или слишкомъ дорожатъ своею репутаціею.

И, закуривъ сигару, онъ пошелъ, не спѣша, по тропинкѣ, ведшей къ ущелью и густо усыпанной сосновыми шишками. Въ воздухѣ постепенно свѣжѣло, пришлось набросить на плечи пальто. Справа, у самой дороги, вблизи которой никого не было видно, раздался вдругъ сильный стукъ. Князь удивленно поднялъ голову и глаза его встрѣтились съ глазами большого, пестраго дятла, съ любопытствомъ смотрѣвшаго на темную фигуру медленно шагавшаго человѣка. Дятелъ съ рѣзкимъ, непріятнымъ крикомъ сорвался въ сторону и мелькнулъ въ чащу, а вслѣдъ за нимъ, съ громкимъ хохотомъ, отъ котораго князь невольно вздрогнулъ, захлопала крыльями сойка-пересмѣшница.

Вотъ они лѣшіе и прочая лѣсная нечисть первобытнаго человѣка, подумалъ князь, улыбаясь тому чувству невольной дрожи, которому онъ на мгновенье поддался. А вѣдь дѣйствительно, въ глухомъ

Digitized by Google

лѣсу, особенно заблудившемуся путнику, должно быть очень жутко.

Еще одинъ поворотъ и ущелье открывалось передъ нимъ во всемъ своемъ нѣмомъ величіи. Князь даже прибавилъ шагу—и вдругъ остановился. На скамьѣ, прислонившись спиною къ дереву, закинувъ голову назадъ, сидѣла неподвижно какая то женщина и зажатымъ въ правую руку платкомъ держалась за голову... Чувство досады разлилось по лицу князя и первою его мыслью было потихоньку, пока его не замѣтили, повернуться и уйти назадъ къ экипажу. Не достаетъ еще только попасть неожиданно въ герои таинственнаго романа, раздраженно подумалъ онъ и вскинулъ машинально на носъ пэнснэ, что съ нимъ всегда бывало, когда ему приходилось наталкиваться на какую нибудь неожиданную непріятность.

Сухая сосновая шишка вдругъ затрещала подъ его каблукомъ. Женщина вздрогнула, слегка повернулась и изъ подъ легкой англійской шляпы цѣлый каскадъ золотистыхъ волосъ мягко разсыпался по ея плечамъ. Князь сразу узналъ эти волоса и остановился. Его широко раскрытые теперь глаза смотрѣли на темное пятно, которое зловѣще выступало возлѣ того самаго мѣста къ которому рука женщины прижимала платокъ. Это была кровь... Кровь которую онъ не выносилъ органически, одинъ видъ которой всегда приводилъ его въ содраганіе и заставлялъ уходить прочь. Но теперь чувствуя, что случилось что то особенное, что нужна помощь, онъ быстро сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и подошелъ къ скамейкѣ.

Digitized by Google

Передъ нимъ была Хризантема... Блѣдная, съ опущенными рѣсницами, сидѣла она, прислонившись къ стволу дерева и только плотно стиснутыя губы показывали, что алая кровь тоненькими струйками сползавшая изъ подъ платка по ея тонкимъ пальцамъ, была причиною сильныхъ страданій.

— Что съ вами... дитя мое? — воскликнулъ князь и ему сразу стало неловко за это невольно вырвавшееся, какъ то фальшиво прозвучавшее обращеніе.

Она медленно открыла свои большіе глаза и тутъ онъ впервые увидѣлъ, сколько неотразимаго очарованія было въ нихъ даже теперь, въ минуту сильнаго страданія и боли. И просто отвѣтила:

— Я очень ушиблась. Мнѣ такъ хочется воды... И потомъ нужно что нибудь сдѣлать съ головою. Такая ужасная, тупая боль... Все это вышло такъ глупо и такъ смѣшно. Право... Мнѣ даже совѣстно за себя, точно маленькая... Вы не сердитесь?

— Воды я вамъ сейчасъ принесу, здѣсь есть родникъ недалеко за поворотомъ у скалы. Нужно скорѣе обмыть вашу рану. Но вотъ только, во что же я ее зачерпну? сказалъ князь и безпомощно оглянулся кругомъ. Развѣ вотъ сюда? добавилъ онъ. снимая съ головы шляпу. Но не знаю, какъ это? Удастся ли? Попробую попытаться...

— Нѣтъ, нѣтъ, оставьте, остановила она его, дайте мнѣ пожалуста вашу руку и я пройду туда съ вами сама. Подождите, вотъ такъ, хорошо... Ахъ, теперь нога...

И, опираясь на плечо князя, сильно прихрамывая и подавляя смѣхомъ готовый вырваться стонъ,

Digitized by Google

Хризантема добрела до того мѣста, гдѣ изъ расщелины, заросшей сплошь зеленымъ и коричневымъ мохомъ, змѣйкой извивалась, точно лезвіе оброненной кѣмъ то блестящей шашки, тоненькая, холодная струйка свѣтлаго горнаго родничка.

Чувствуя, какъ путаются его руки въ этихъ густыхъ золотистыхъ волосахъ, князь съ большимъ стараніемъ и добросовѣстностью исполнялъ обязанности брата милосердія. Сначала обмылъ запекшуюся возлѣ висковъ кровь, подъ которою оказалась небольшая, острая ранка. Еще бы немного глубже, заявилъ онъ съ серьезнымъ видомъ настоящаго врача, и дѣло могло бы окончиться гораздо печальнѣе. Потомъ разорвавъ свой платокъ, устроилъ кое-какъ перевязку и, чувствуя что выполнилъ все добросовѣстно въ предѣлахъ возможности, смотрѣлъ теперь, какъ быстро и ловко Хризантема выжимала и приводила въ порядокъ свои волосы.

Онъ ни о чемъ теперь не думалъ и чувствовалъ себя такъ хорошо и весело возлѣ этой молодой, красивой женщины, съ которой, ему теперь казалось, онъ былъ уже такъ давно и хорошо знакомъ. Ему хотѣлось только одного, чтобы ея зеленые русалочьи глаза чаще обращались въ его сторону. На мгновеніе промелькнула въ головѣ мысль, что-бы сказали секретарь и полковникъ, если бы увидѣли его тутъ, сейчасъ, въ этой роли и князь невольно улыбнулся.

— Должно быть я очень смѣшна, не правда ли? спросилаХризантема, поймавъ его улыбку.

— Вовсе нѣтъ, кто же станетъ смѣяться надъ

Digitized by Google

несчастьемъ ближняго? И особенно женщины? Я очень радъ, что такъ кстати и, притомъ, совершенно случайно попалъ сюда. Я смѣюсь совершенно не этому, я смѣюсь...

— Хотите я сейчасъ попробую угадать чему вы смѣетесь, перебила она его. Просто тому, что представляете себѣ физіономіи вашихъ друзей, если бы имъ пришлось увидѣть васъ въ этой роли самаритянина. Князь, всемогущій князь, держащій перуны въ своихъ рукахъ, этими самыми руками прикладываетъ бинты къ разбитой головѣ полусумасшедшей, шалой женщины. Вѣдь вы вѣроятно уже знаете, что у меня такая репутація? Ну что, вѣдь я угадала, да?

— То есть, если хотите, отчасти пожалуй и угадали, отвѣтилъ князь.

— Вотъ видите, говорятъ, у кого зеленые глаза, тѣ безошибочно читаютъ чужія мысли. Не особенно пріятно обладать такимъ даромъ, потому что большинство скрываемыхъ людьми мыслей такія скверныя и грязныя...

Она спрятала послѣднюю прядь волосъ подъ шляпу, привела кое какъ въ надлежащій видъ при помощи булавокъ свою пострадавшую амазонку и продолжала:

— Теперь однако нужно подумать о своей дальнѣйшей участи. Съумѣю ли я добраться верхомъ домой? Съ лѣвою ногою вѣроятно что то случилось, я еле могу ступить на нее.

— Не нужно даже и пытаться рисковать, проговорилъ князь, на правахъ старшаго, или брата милосердія, я не позволю вамъ вовсе сдѣлать этого.

Digitized by Google

Вы сядете въ мой экипажъ и покойно, безо всякаго риска доѣдете домой. И вамъ нужно будетъ сейчасъ же пригласить врача. Обыкновенно всѣ такіе ушибы не даютъ себя знать особенно сильно въ первый моментъ и только на другой день можно получить полное впечатлѣніе о всей ихъ прелести. Я видѣлъ вашу лошадь у проводника, когда пріѣхалъ къ домику.

— И навѣрно сейчасъ же подумали что нибудь нехорошее!

— Да.

— Что дама явилась на тайное свиданіе со своимъ возлюбленнымъ?

— Да.

— Вотъ видите, я права, какъ не хорошо умѣть читать въ чужихъ мысляхъ.

— Но вѣдь я не зналъ, что эта дама вы, иначе, конечно... Я привыкъ видѣть васъ всегда въ неизмѣнномъ обществѣ вашей подруги, а тутъ не было ни одного экипажа, была одна только лошадь подъ дамскимъ сѣдломъ и проводникъ.

— Если бы и знали, то навѣрное подумали бы не лучше. Ахъ князь, тише пожалуста!..

Они медленно спускались по отлогой тропинкѣ и князь чувствовалъ теперь на своей щекѣ горячее дыханіе Хризантемы, тяжело опиравшейся на его руку. Солнце уже закатилось за верхушками фіолетовыхъ скалъ и въ наступившихъ короткихъ южныхъ сумеркахъ, отсюда, сверху, хорошо было видно, какъ ночныя тѣни неуклюжими, безформенными, сѣрыми пятнами быстро вставали и поднимались изъ глубины ущелья и всѣхъ овраговъ, поглащая и оку-

Digitized by Google

тывая мракомъ все то, что попадалось имъ на пути. А на далекихъ, словно вырѣзанныхъ, кружевныхъ зубцахъ самой вѣсокой скалы, блестя пурпуромъ и багрянцемъ, еще горѣла золотая лента заката.

Князь шелъ осторожно, тщательно обходя тѣ мѣста, которыя казались ему опасными и отбрасывая носкомъ сапога валявшіяся всюду сухія сосновыя шишки. Онъ чувствовалъ, что Хризантемѣ идти становится все труднѣе, его рука начинала уставать, а до мѣста оставалось идти еще почти полдороги. Онъ боялся, что-бы ей не сдѣлалось вдругъ дурно и рисовалъ уже мысленно себѣ то положеніе, въ которомъ придется тогда очутиться.

— Вы не боитесь, князь? послышался мягкій голосъ Хризантемы.

Князь даже вздрогнулъ. Неужели она опять прочла его мысль?

— Чего? переспросилъ онъ, стараясь принять возможно равнодушный тонъ.

— Того, что вамъ придется подъѣхать въ одномъ экипажѣ съ такой ужасной женщиной къ отелю. Все освѣщено a giorno, на нижней террасѣ засѣданіе въ полномъ составѣ. И вотъ подкатываетъ коляска. Изъ коляски бережно подъ руку выводитъ, подъ звуки оркестра и при общемъ торжественномъ молчаніи и недоумѣніи Хризантему,—самъ князь! Вы вѣдь знаете навѣрно, что меня здѣсь прозвали Хризантемой... Съ обвязанной головой съ блѣднымъ лицомъ и хромающую. Послѣднее, впрочемъ не поэтично, но за то первое-о! Князь, право ваша репутація государственнаго человѣка можетъ серьезно пострадать. Вы совершенно незамѣтно для себя попадете вдругъ

Digitized by Google

въ герои романа, да еще съ кровавою, таинственною завязкой. Въ вашемъ положеніи это опасно. Создастся масса сплетень. Что скажутъ въ министерствѣ, въ департаментахъ, какъ захихикаютъ втихомолку всѣ ваши чиновники, такіе вылощенные, воспитанные, почтительные, гладенькіе и гаденькіе? Изобрѣтутъ, что вы въ меня стрѣляли, или что другой стрѣлялъ въ васъ и угодилъ въ меня. Лучше я раньше пересяду въ первый встрѣчный экипажъ, когда мы доберемся до города и честь вашей невинности будетъ спасена. Ахъ!..

— Вамъ больно? спросилъ князь и остановился. Можетъ быть немного отдохнуть? Если позволите, я пойду впередъ и позову людей.

— Нѣтъ, нѣтъ, ничего, нужно только стараться ступать немного осторожнѣе. Это оттого, что ужасно скользко. И вдругъ я упаду и увлеку васъ за собою... въ бездну? Вамъ не страшно, князь? Очутиться со мною... въ безднѣ? Вѣдь вамъ навѣрно уже прожужжали всѣ уши, что я роковая женщина?

Не смотря на сильную боль, заставлявшую ее при каждомъ неосторожномъ шагѣ закусывать нижнюю губу, Хризантема звонко разсмѣялась.

— Вообразите себѣ только, какой трезвонъ пошелъ бы по всей Россіи. Помните какъ у Лермонтова, блуждая, путники нашли два трупа хладные въ пыли. Сколько легендъ создали бы праздные болтуны вокругъ этого мѣста, влюбленные ѣздили бы сюда вздыхать и оплакивать нашу судьбу, разочарованные бросались бы головами внизъ вотъ туда, въ это темное ущелье. И какъ все это просто!

Digitized by Google

Стоитъ мнѣ оступиться, два шага вправо... Вы какъ джентльменъ, конечно не выпустите мою руку и вотъ...

Хризантема засмѣялась еще сильнѣе и князю показалось, что она дѣйствительно какъ будто тянетъ его въ правую сторону. Какая то сумасшедшая, недовольно подумалъ онъ и, только что хотѣлъ что-то сказать, какъ она, точно предвосхитивши его мысль, воскликнула:

— Да-да-да я сумасшедшая, не правда ли? Я вся соткана изъ порывовъ и отрицательныхъ чертъ, у насъ это что то семейное. И, тѣмъ не менѣе, это „что-то" не помѣшало членамъ нашей семьи взбираться на такія крутыя высоты успѣха и власти, гдѣ у немногихъ не закружится голова... Стоитъ ли послѣ этого уважать что нибудь? Но отчего же вы такъ тяжело дышете, князь?

— По очень простой причинѣ, отвѣчалъ онъ. Очевидно въ извѣстномъ возрастѣ трудно уже нести рыцарскія обязанности. Посидите немного на этой скамьѣ. Я попрошу у васъ разрѣшенія выкурить папиросу и тогда мы, съ новыми силами, бодро двинемся въ дальнѣйшій путь. Смѣйтесь же княгиня надъ вашимъ рыцаремъ печальнаго образа, вѣдь вы кажется любите посмѣяться...

— Бѣдный вы, проговорила Хризантема такимъ голосомъ, что князь почувствовалъ, какъ что-то хорошее, ласковое, теплое, вдругъ заглянуло ему въ самую душу. Ярко вспыхнула въ надвинувшемся полумракѣ зажженная имъ спичка и въ большихъ, зеленыхъ глазахъ Хризантемы отразилась гдѣ-то глубоко цѣлымъ пламенемъ...

Digitized by Google

Они обжигаютъ, подумалъ князь.

И, какъ человѣкъ, привыкшій всегда въ новыхъ положеніяхъ раздваиваться, съ одной стороны являясь дѣйствующимъ лицомъ, а съ другой—постороннимъ наблюдателемъ, неотступно слѣдящимъ за первымъ и контролирующимъ всѣ его слова и душевныя эмоціи, тотчасъ же мысленно добавилъ: Это становится очень интересно, или очень глупо... Нужно, однако, постараться принять всѣ мѣры, чтобы не попасть въ послѣднее положеніе.

— Все-таки я не знаю самаго главнаго, проговорилъ онъ, какимъ образомъ вы попали въ такую грустную исторію? Вѣдь въ этомъ, будемъ надѣяться, ничего нѣтъ таинственнаго?

— Ну конечно нѣтъ, все это такъ просто! Мнѣ надоѣло уже въ городѣ, у Жени разболѣлась голова и я должна была сидѣть цѣлый день возлѣ нея. Но роль сидѣлки возлѣ больной, очевидно мнѣ не по плечу. Я даже не знаю, что-бы я сдѣлала съ большимъ удовольствіемъ, если бы мнѣ предложили на выборъ: воткнуть въ кого нибудь ножъ, или перевязывать чужія раны? Какъ это все не женственно, скажете вы, не правда ли? Но за то по-крайнѣй мѣрѣ откровенно... Женя—это божія коровка, полнѣйшая противоположность мнѣ. Она совсѣмъ раскисла. Мнѣ захотѣлось подышать свѣжимъ воздухомъ, сначала пришло желаніе поѣхать на вершину горы святого Петра и тамъ дождаться восхода солнца. Князь, вы ни разу не видѣли оттуда эту картину пробуждающагося утра? Ахъ, какъ это необычайно красиво, въ тихую погоду! Когда вся необъятная морская даль, при первыхъ признакахъ улыбающейся зари,

Digitized by Google

изъ такой угрюмой, мрачной, скучной, точно океанъ расплавленнаго и сразу застывшаго свинца, постепенно начинаетъ все свѣтлѣть, свѣтлѣть... И затѣмъ, когда всюду по поверхности ея побѣгутъ розовые лучи, вдругъ загорится переливами благороднаго опала... Князь, князь, какая это прелесть, если-бы вы видѣли, что за восторгъ!.. А потомъ розовыя краски понемногу тонутъ, уступая свое мѣсто голубымъ... И передъ вами—сразу необозримая синева... Кругомъ—ни души. А горный воздухъ такъ чистъ и такъ свѣжъ, какъ горный хрусталь... И выкатывается медленно изъ этой лазури, во всемъ своемъ золотомъ величіи, огромное солнце, такое равнодушное, надменно скучающее. Точно спрашиваетъ: ну, что, все тамъ у васъ готово? Можете начинать всѣми вашими разноголосыми хорами славословить и благодарить меня... Эй, вы тамъ, ничтожныя букашки, вертящіяся вокругъ меня въ бѣшеномъ хороводѣ на вашихъ планетахъ-песчинкахъ, живущихъ моею милостью!.. Знаете князь, мнѣ часто кажется, что среди планетъ установлено тоже что нибудь въ родѣ табели о рангахъ. Тамъ есть свои приближенныя, купающіяся и благоденствующія въ солнечномъ сіяньи и блескѣ титулованныя и превосходительныя, и есть свои жалкія, забитыя замухрышки, которыя смѣютъ только чуть-чуть мерцать въ самыя темныя ночи.

— Вы такъ красиво и поэтично описываете все это, сказалъ князь, когда она умолкла, что у меня даже явилось желаніе возможно скорѣе полюбоваться этою картиною.

— Да, да непремѣнно, живо воскликнула она

Digitized by Google

соберемтесь какъ нибудь вмѣстѣ. Это одна изъ моихъ любимыхъ прогулокъ. Но сегодня почему то не вышло...

— Неужели вы ѣздите туда одна? спросилъ князь. Вѣдь это около двадцати верстъ. И ночью? И вамъ не страшно?

— Что-жъ тутъ страшнаго? съ удивленіемъ сказала княгиня. Вѣдь здѣсь не рѣжутъ и не грабятъ по дорогамъ пока. Кромѣ того со мною всегда проводникъ.

— Но вѣдь эти господа иногда позволяютъ себѣ, кажется, слишкомъ неумѣстныя вольности съ одинокими амазонками?

— О, это напрасно... Они дресированы, не хуже чѣмъ ихъ лошади и отлично понимаютъ, когда имъ можно пуститься въ галопъ и когда остается только плестись покорно сзади шагомъ. Вы хотите уже идти князь?

— Какъ вамъ будетъ угодно. Если позволите, я посижу и выкурю съ большимъ удовольствіемъ еще одну папиросу. Хотя идти будетъ темновато, но у меня электрическій фонарикъ и со свѣжимъ элементомъ. Возлѣ васъ мнѣ такъ хорошо... Я васъ потѣшаю, не правда ли?

— Чѣмъ? просто спросила она. Вы мнѣ кажетесь очень милымъ и симпатичнымъ. Главное, безо всякихъ фокусовъ, по крайней мѣрѣ пока, а это такъ рѣдко встрѣчается... Хотя я вижу, что вы тоже, увы, не избавлены отъ обязательной привычки людей вашего круга, неотступно слѣдить за самимъ собою, въ вѣчномъ страхѣ очутиться тѣмъ, что называется ridicule.

Digitized by Google

— Пожалуй вы правы. Но развѣ вы сами можете считать себя вполнѣ свободною отъ этого недостатка, или достоинства, назовите, какъ хотите И почему вы употребляете выраженіе—вашего круга, а не говорите—нашего?

— Ну хорошо, пусть будетъ нашего. Хотя мнѣ до тошноты надоѣли всѣ эти куклы въ мужскихъ и женскихъ робахъ. Вѣдь это такая сплошная пустота, фальшь и убожество... Можетъ быть, если бы я съ малыхъ лѣтъ окунулась сразу съ головою въ этотъ міръ, то я прониклась бы всѣми прелестями его и ничего болѣе обаятельнаго не могла бы представить себѣ даже въ воображеніи. Но вѣдь я деревенщина... Я вѣдь и теперь иногда цѣлую зиму сижу одна одинешенька въ лѣсу въ родѣ того, въ какомъ сидѣлъ когда то соловей—разбойникъ. У мужа громадное лѣсное имѣніе. А дѣтство я провела въ Малороссіи среди ея полныхъ поэзіи думокъ и сказокъ. Можетъ быть оттого у меня и выработался самостоятельный взглядъ на вещи и нѣсколько иная оцѣнка разныхъ явленій жизни, чѣмъ принятая, или усвоенная большинствомъ отъ старшихъ, или отъ близкихъ. Что, князь, вѣдь это тоже одно изъ свойствъ сумашествія? Нѣкоторое, правда очень короткое время, я „блистала“ въ вашей чопорной столицѣ. Но, довольно съ меня, теперь я предпочитаю зимою сидѣть дома, или уѣзжать куда нибудь, въ Алжиръ, или Египетъ. Ни сильныхъ, ни смѣлыхъ, ни умныхъ, ни хотя бы просто остроумныхъ... Какое то удивительное духовное и физическое убожество! И эти люди еще имѣютъ претензію негодовать, злословить и всячески грязнить тѣхъ, которые не ви-

Digitized by Google

дятъ особеннаго счастья въ сближеніи съ ними и избѣгаютъ ихъ. Мало этого, они правятъ и дирижируютъ всѣмъ ходомъ жизни... Рачительные пастыри и добродѣтельные бараны. Вы не повѣрите, но я въ душѣ самая отчаянная анархистка... Княгиня, богачка и—анархистка! Еще одна яркая нелѣпость русской жизни, которую вообще кажется трудно удивить всякой нелѣпостью... Не правда ли?

— Отчего же? проговорилъ князь. Вотъ, напримѣръ, Крапоткинъ... Да и мало ли, вообще, было примѣровъ...

— Иногда, немного помолчавъ продолжала Хризантема, на меня цѣлымъ вихремъ вдругъ налетаютъ самыя дикія мысли, самыя жестокія желанія. И, когда я часами смотрю на морскую даль съ острыхъ зубцовъ вершины святого Петра, вы думаете, можетъ быть, я всегда мечтаю о разныхъ идилліяхъ? Нѣтъ, совершенно нѣтъ! Чаще всего мнѣ приходитъ бѣшеное желаніе обладать такою силою, которая позволила бы мнѣ поднять всю эту громаду моря до самыхъ облаковъ и опрокинуть ее оттуда разомъ на землю. Я смѣюсь отъ радости, когда рисую себѣ картину, болѣе того, я вижу эту картину, какъ барахтаются тамъ всѣ эти людишки, такіе надменные и такіе подлые, и все же силою какого то непонятнаго обаянія, вѣками все давящіе и берущіе всѣ блага жизни себѣ, только себѣ... Или собрать всѣхъ и загнать въ эту синеву. Я думаю, море не поднялось бы и на вершокъ, если-бы потопить въ немъ все человѣчество.

— Позвольте, перебилъ князь съ легкой ироніей въ голосѣ, а какъ же съ тѣми которыхъ вы назы-

Digitized by Google

ваете давимыми? Вѣдь морскія волны во всѣхъ тонкостяхъ соціальныхъ вопросовъ слабы и онѣ не станутъ разбирать давимыхъ отъ давящихъ.

— Всѣхъ, всѣхъ туда! воскликнула она. Мнѣ ни капли не жаль жалкихъ рабовъ... Можетъ быть со временемъ, черезъ милліоны, билліоны лѣтъ, нарсдилась бы на земномъ шарѣ какая нибудь новая порода живыхъ существъ, болѣе совершенныхъ, чѣмъ мы. И я плачу отъ безсильной злости... Вѣдь это сумашествіе, князь, да? Ну скажите, вы, такой спокойный, такой серьезный, такой уравновѣшенный...

— То есть, право я вамъ не могу объяснить, задумчиво отвѣтилъ князь. Скорѣе, пожалуй, какое то непонятное въ вашемъ возрастѣ и въ вашемъ положеніи человѣко-ненавистничество. Но все это, конечно, какъ то странно...

— И вотъ тогда, продолжала она, воодушевляясь и сверкая своими зелеными глазами, когда находятъ на меня такія минуты, я продѣлываю въ своей личной жизни всѣ тѣ эпизоды, которые такъ глубоко возмущаютъ фарисейскія чувства окружающихъ.

И на зло имъ еще больше, еще ярче... Вотъ вамъ, вотъ вамъ!... Сколько самаго искреннаго наслажденія доставляю я всѣмъ. Безконечная, живая тема для разговоровъ и пересудовъ. Но мнѣ все равно... И, все таки, иногда бываетъ такъ горько...

Хризантема замолчала. Становилось уже совсѣмъ темно и звѣзды, въ обильно насыщенномъ влагою воздухѣ, окруженныя матовымъ сіяніемъ, туманныя тусклыя, медленно загорались одна за другой. И каждая тотчасъ же отражалась длинною, дрожащею

Digitized by Google

серебряною нитью на поверхности уснувшаго моря. Отсюда, сверху, было хорошо видно, какъ съ каждымъ мгновеніемъ, все новыя и новыя серебряныя нити словно падали откуда-то на воду и протягивались до самаго берега, трепеща и умирая своими концами тамъ, гдѣ чуть замѣтный прибой разбѣгался и журчалъ по круглымъ камнямъ. Сѣдыя туманныя испаренія поднимались теперь уже смѣло изо всѣхъ глубокихъ лощинъ и быстро, не боясь уже встрѣчи съ солнечными лучами, ползли по ребрамъ обнаженныхъ скалъ, по стройнымъ, вѣтвистымъ темно-зеленымъ соснамъ и неуклюжимъ, раскидистымъ, точно осыпаннымъ золотымъ дождемъ бѣлоствольнымъ букамъ, оставляя на каждомъ листѣ, на каждой былинкѣ свои крупныя слезы и стремясь все вверхъ, все вверхъ, гдѣ ждали ихъ уже принять въ свои объятія залегшія на самыхъ верхушкахъ скалъ тяжелыя тучи. Потянуло вдругъ пронизывающей сыростью и князь почувствовалъ, что его старый ревматизмъ начинаетъ напоминать о себѣ.

— Пора идти, сказалъ онъ и всталъ. Она поднялась за нимъ и вдругъ, вскрикнувъ отъ боли, невольно оперлась на его плечо.

Вамъ очень больно? съ тревогою въ голосѣ спросилъ князь. Намъ не слѣдовало бы вовсе останавливаться до самаго экипажа. Виноватъ я, со своимъ несвоевременнымъ предложеніемъ. Но, что дѣлать, невольно приходится и себя помѣстить на той картинѣ немощныхъ, которую вы разрисовали только что такими рѣзкими красками.

— Это ничего... это ничего... отвѣтила она. Я изъ породы людей, которые вообще умѣютъ переносить

Digitized by Google

всякую боль... Но мы, князь, такъ и не добрались до сихъ поръ до совы.

До совы? удивленно спросилъ князь. То есть, до какой это совы?

До той самой, которая послужила причиною всего этого случая, начавшагося моимъ изувѣченіемъ и закончившагося нашимъ знакомствомъ. Ахъ князь, если-бы вы только ее видѣли! Рыжая, съ такимъ, мягкимъ огненнымъ отливомъ, и громадные круглые глаза, такіе холодные, такіе злые и умные... Когда она закрываетъ ихъ и потомъ медленно, какъ бы нехотя поднимаетъ свои вѣки, точно двѣ свѣчи вдругъ загораются, зловѣщія, тусклыя. Какъ въ головѣ у покойника...

— Она замолчала, какъ бы припоминая что то.

— Но однако, сказалъ князь, я, право, ровно ничего не понимаю.

Да, да, продолжала она, точно не разслышавши его восклицанья, я такихъ совъ никогда не видѣла. Всегда сѣрыя, или зимою бѣловатыя. Вы бывали когда нибудь, князь, въ народномъ ресторанѣ возлѣ моста, тамъ готовятъ очень вкусно эти восточные пирожки... Какъ ихъ называютъ...

— Какъ, вы и такія мѣста посѣщаете? вмѣсто отвѣта, съ удивленіемъ спросилъ князь.

— Да, а почему-же и нѣтъ? отвѣтила она. Вотъ именно тамъ я видѣла такую же самую сову. Сидитъ молча, прикованная за ногу, равнодушная къ шуму, гаму и смѣху, который царитъ кругомъ. И только тогда глаза ея загораются дикою радостью, и она хлопаньемъ крыльевъ и рѣзкими криками выражаетъ свой восторгъ, когда видитъ, что ея хозяинъ нарѣзываетъ для нея сырое мясо. Я просила его продать

Digitized by Google

ее мнѣ, но онъ сильно привязался къ ней и никакъ не могъ рѣшиться разстаться. Онъ увѣрялъ меня, что эти рыжія совы очень рѣдки и ихъ почти невозможно достать живыми, такъ какъ онѣ гнѣздятся въ расщелинахъ самыхъ высокихъ и крутыхъ скалъ.

— Вы, вѣроятно, очень любите животныхъ? спросилъ князь.

— О да, я обожаю ихъ, воскликнула она. И вотъ, за нѣсколько минутъ до вашего прихода, я сидѣла надъ обрывомъ и увидѣла внизу, на выступѣ камня, какое то бурое пятно. Это была сова, рыжая сова! Свѣтъ угасающаго дня былъ еще слишкомъ ярокъ для нея и она, терпѣливо выжидая времени, когда можно будетъ отправиться на свой разбойничій промыселъ, дремала, полузакрывъ свои злые глаза. У меня вдругъ явилось страстное, неудержимое желаніе схватить, поймать ее... Конечно, это было нелѣпо и глупо. Первый же выскользнувшій изъ подъ моей ноги камень разбудилъ и согналъ ее. Тамъ такая круча, князь... И, если бы мнѣ не удалось ухватиться за какое то дерево, вамъ вѣроятно не пришлось бы теперь возиться со мной. Красива я вѣроятно была, когда карабкалась на верхъ. Вотъ ужъ не желала бы, чтобы кто нибудь видѣлъ меня въ тѣ минуты.

Послушайте но вѣдь это... началъ князь и даже пріостановился отъ охватившаго его волненія, при одной мысли, что эта, такая красивая, такая оригинальная женщина, тепло руки которой онъ чувствовалъ сейчасъ черезъ рукавъ своего пиджака изъ плотной англійской матеріи, могла теперь лежать съ раздробленнымъ черепомъ въ сыромъ, мрачномъ

Digitized by Google

ущельѣ, куда осенью даже въ полдень солнечные лучи не заглядываютъ до самаго дна, и только какими то тусклыми полосами неувѣренно скользятъ въ полумракѣ густыхъ испареній. И можетъ завтра, рано утромъ, какимъ то непонятнымъ чутьемъ издали чующіе поживу, слетѣлись бы туда со всѣхъ сторонъ эти отвратительные орлы, съ голыми шеями и съ головою большого цыпленка. И черезъ мгновеніе на мѣстѣ этихъ зеленыхъ глазъ русалки, зіяли бы двѣ черныя впадины... А потомъ они принялись бы терзать это бѣлое, точно атласное тѣло, созданное для любви и для всѣхъ радостей жизни...

Ему такъ ясно представилась эта картина, драка гнусныхъ, голодныхъ хищниковъ, отбивающихъ другъ у друга ударами сильныхъ крыльевъ куски окровавленнаго мяса, въ то время какъ другіе, уже пресытившіеся, отлетѣвъ на ближайшіе камни и вытянувъ свои отвратительныя, голыя шеи, съ тупымъ безразличіемъ смотрятъ и на добычу, и на кипящую вокругъ нея битву. И онъ почувствовалъ, какъ по тѣлу его забѣгали мурашки, что случалось съ нимъ всегда въ рѣдкія минуты сильнаго душевнаго волненія.

Сумашествіе? докончила Хризантема. Она громко разсмѣялась...

И въ смѣхѣ ея звучали какія то такія дикія и странныя нотки, что князю становилось страшно и какая то непонятная досада поднималась въ его груди на себя, и на эту женщину, и на все это нелѣпое, неожиданное приключеніе, грозившее, какъ онъ смутно чувствовалъ, выбить его изъ колеи обычной покойной и регулярной жизни.

Digitized by Google

VI.

Ночью князь плохо спалъ. Прохватившая его вчера сырость вызвала легкую лихорадку и ему мерещились разныя небылицы. Картины, какъ въ туманѣ, плыли одна за другою безъ перерыва и безъ конца, и центромъ каждой изъ нихъ неизмѣнно являлась Хризантема.

Окруженная какими то ужасными чудовищами, среди крика, рева и воя тянувшихся къ ней своими острыми когтями и раскрытыми пастями, она весело смѣялась своимъ безпечнымъ смѣхомъ, въ которомъ прорывались эти характерныя дикія, нотки, и въ ея зеленыхъ глазахъ князь ясно читалъ жестокую радость рыжей совы, которая наблюдаетъ, какъ ея хозяинъ рѣжетъ для нея сырое мясо. Но привычка просыпаться и вставать всегда въ строго опредѣленное время не измѣнила ему и на этотъ разъ. Почти все праздное населеніе отеля еще спало, когда онъ, по обыкновенію, нажалъ кнопку звонка. Сейчасъ же лакей принесъ кофе и цѣлую кучу личной корреспонденціи, которую, по приходѣ утренней почты, немедленно посылали ему съ особеннымъ курьеромъ. Вся же служебная переписка, телеграфная и почтовая, направлялась въ руки Ивана Петровича, результатомъ чего и являлись эти многочасовыя утреннія аудіэнціи послѣдняго.

Какъ погода, Сергѣй? предложилъ князь свой обязательный ежедневный вопросъ.

Великолѣпная, ваше сіятельство. И на верху, въ горахъ тоже совершенно ясно. Ваше сіятельство на террасѣ ожидаютъ уже г. полковникъ. Они про-

Digitized by Google

сили не безпокоить васъ, но доложить вамъ, когда вы изволите проснуться, что желаютъ васъ видѣть.

А-а-а, вотъ оно, уже начинается, подумалъ князь. Первая ласточка несомнѣнно возбужденнаго общаго любопытства. И сказалъ:

Попросите г. полковника въ гостинную. Скажите, что я одѣваюсь и предложите ему пока чаю, или кофе, что онъ пожелаетъ.

Полковникъ не вошелъ, онъ влетѣлъ какъ буря и слышно было, какъ онъ метался, пыхтѣлъ и вполголоса ворчалъ за стѣною, очевидно сдерживая съ трудомъ непреодолимое желаніе броситься въ спальную и поскорѣе разъяснить то, что такъ волновало и мучило его.

Князь отлично понималъ это и нарочно медлилъ съ окончаніемъ своего туалета. Въ вискахъ у него стучало и онъ нѣсколько разъ смачивалъ ихъ одеколономъ. И, чѣмъ сильнѣе бѣгалъ въ сосѣдней комнатѣ полковникъ, громкимъ кашлемъ переходившимъ въ какое то свирѣпое рычанье, выражавшій свое нетерпѣніе, тѣмъ больше являлось у князя желаніе выйти незамѣтно, сѣсть въ экипажъ и уѣхать куда нибудь подальше, въ какую нибудь горную глушь на день, на два, на три... Мысль, что черезъ два часа явится Иванъ Петровичъ, корректный, холодно почтительный, непроницаемый, со своимъ, невѣроятно вмѣстительнымъ, чернымъ портфелемъ и начнется снова это ужасное — гніетъ, гніетъ гніетъ—въ перемежку со всякимъ—просимъ, умоляемъ, требуемъ,—изъ сотенъ и тысячъ угловъ, снова отразилась въ вискахъ тупою болью. Простуженное

Digitized by Google

колѣно ныло и лишало ногу обычный гибкости. Въ ухѣ стрѣляло...

Хорошъ я въ такомъ видѣ для роли героя романа, подумалъ онъ, особенно съ этимъ кускомъ ваты въ ухѣ. Ничто, кажется, не дѣлаетъ мужчину такимъ жалкимъ и неинтереснымъ въ глазахъ женщины, какъ заложенныя ватой уши.

Полковникъ чуть не сбилъ князя съ ногъ, бросившись къ нему на встрѣчу съ обѣими протянутыми впередъ руками. Его, всегда красное лицо, пылало теперь отъ волненья и живые, юные глаза, такъ не гармонировавшіе съ общимъ видомъ физіономіи и всей толстой фигуры, искрились цѣлою гаммою самыхъ разнообразныхъ чувствъ. Пыхтя и сопя, глотая половину словъ, онъ и разсказывалъ, и разспрашивалъ, и самъ себѣ отвѣчалъ въ одно и тоже время.

— Благодарю васъ... Въ клубѣ вечеромъ только и разговора было... Происшествіе, полное таинственности... Что то въ родѣ глубокой скрытой драмы, или уголокъ романа Понсонъ дю Террайля... Такъ вотъ какіе мы! Такъ вотъ какъ у насъ! И безъ свидѣтелей, безо всякихъ свидѣтелей... Полнѣйшая тайна! И если бы не эта хромота, то никто, пожалуй, ни о чемъ бы и не догадался. Кромѣ меня, конечно... Браво, князь, брависсимо! Говорятъ, что ее почти внесли въ ея комнаты на рукахъ. И сейчасъ же послали за врачемъ. Благодарю васъ... Нѣтъ, вы понимаете ли мое положеніе, мое? Играю въ chemin de fer, не везенье адовое! Справа бьютъ, слѣва бьютъ, словомъ куда ни повернусь, ни откуда никакого проблеска. Ни одной карты ни на

Digitized by Google

банкѣ, ни на понтѣ... Восьмерку девяткою, семерку восьмеркою и даже туза непремѣнно ухлопаютъ двойкою. Можете ли понять мое душевное настроеніе? Неронъ, когда его кололи, выглядѣлъ навѣрное веселѣе меня въ этотъ моментъ. И вдругъ—приплываетъ самая наисвѣжая новость: Хризантема вернулась откуда то поздно вечеромъ. вдвоемъ съ княземъ, блѣдна, грустна, томна... И, что то такое вообще... И что то такое вообще... Неопредѣленное...

Тутъ полковникъ даже подпрыгнулъ отъ восторга и сдѣлалъ какой то жестъ рукой, въ которомъ, по его мнѣнію, заключалась цѣлая фраза, чрезвычайно тонкая и остроумная.

— Это такъ всѣхъ взвинтило, продолжалъ онъ, набравши въ легкія запасъ воздуха, что въ игрѣ произошла даже легкая заминка... Шумъ, разговоры, общее оживленіе... Нужно ли вамъ говорить, что вы теперь попали въ Печорины? Но меня вдругъ осѣнила тутъ же геніальная идея. До сихъ поръ я всегда клалъ подъ салфетку во время игры старый имперіалъ Екатерины, это приносило мнѣ счастье. Однако, судя по послѣднимъ моимъ прогарамъ, Екатерина очевидно уже выдохлась. И вотъ, когда дошла до меня очередь метать, я поставилъ на первую карту двадцать пять рублей и тихо прошепталъ: Хри-зан-те-ма... Вскрываю—девятка. Даю дальше и опять — Хри-зан-те-ма... У меня — восемь. Даю третью — опять открытая. Тогда, чтобы испытать всю силу талисмана, рискую, ничего не снимая, дать московскую, четвертую карту. И, что же вы думаете, князь, что вы думаете? Понтеръ, гнусная эта-

Digitized by Google

кая физіономія, безо всякаго выраженія, говоритъ—своя. А у меня—шесть. Нѣтъ положеніе то, положеніе каково? Ну, шепчу самъ себѣ, выручай Хризантемушка и, долженъ сознаться, не безъ дрожи въ пальцѣ, тяну къ шестеркѣ. Къ шести прикупаю, князь, къ шести, а, каково? И вытягиваю—ровно тройку! А у понта—семь. Ура! Послѣ этого, что ни банкъ, что ни понтъ, только шепну: Хризантема—и бью всѣхъ безъ промаха, и направо и на лѣво. Я прямо оттуда сюда. У меня всѣ карманы набиты деньгами. Нагруженъ презрѣннымъ металломъ и кредитными, бумажками по самую, можно сказать, ллойдовскую марку. Настроеніе духа великолѣпнѣйшее, готовъ пѣть, плясать и дурачиться, какъ только что произведенный мичманъ. Князь, я хочу просить у васъ дружескаго совѣта: ничего не будетъ неприличнаго, если я пошлю ей сейчасъ букетъ, что тамъ букетъ, цѣлый возъ самыхъ лучшихъ цвѣтовъ? Вы знаете, мы старые морскіе волки не особенные мастера по части этихъ тонкостей. Ну, хотя бы какъ знакъ сочувствія бѣдной больной. Разумѣется, о причинахъ ни звука. Можно даже анонимно. Ну, напримѣръ, отъ неизвѣстнаго поклонника...

Тутъ полковникъ сдѣлалъ снова какое то антраша, при чемъ настолько не соразмѣрилъ свои движенія, что чуть не свалился на полъ. А изъ кармана у него выскочили и покатились въ разныя стороны нѣсколько червонцевъ.

— Чертъ съ ними, весело воскликнулъ онъ, эка невидаль! Это на разживу Сергѣю, пусть полазитъ вездѣ подъ диванами и подъ комодами. Но вы-то князь, вы-то, а? Я впрочемъ всегда замѣчалъ въ

Digitized by Google

васъ что то такое, этакое... Что всегда такъ неотразимо дѣйствуетъ на женщинъ. У меня тоже это иногда проявляется, но только временами. И тогда я ихъ беру, какъ хочу, прямо голыми руками... Однажды, когда мы стояли со станціонеромъ въ Галацѣ, одна француженка... Ахъ, чертъ возьми! Il faut savoir diriger,.. Ха, ха, ха, вотъ умора то! Вы только представьте себѣ, не могу до сихъ поръ безъ смѣха вспомнить. Вообще, еслибы не моя скромность относительно женщинъ, я бы могъ много интереснаго вамъ поразсказать. Но моряки всегда были джентльменами по этой части... И, все же, я жажду что нибудь услышать отъ васъ князь. Вѣдь она обворожительна, не правда ли? Нѣтъ, вы понимаете? Только шепну—Хризантема—и всѣхъ колочу, точно Мамай какой то, и направо, и налѣво. И какая при этомъ твердая увѣренность. Когда банкометъ вскрылъ восьмерку, я, даже не глядя еще въ свои карты, говорю, этакъ небрежно, сосѣду:

— Переверните пожалуста, тамъ должно быть девять!

— Дама бубенъ, а подъ нею,—она самая голубушка, девятка... Дама бубенъ, да вѣдь это она, Хризантема! Къ черту теперь червонецъ съ Екатериною, онъ мнѣ позорно измѣнилъ, сегодня же сплавлю его кому нибудь. Но вы, князь, должны меня ей представить. Непремѣнно, и въ возможно скорѣйшемъ времени. Если она начнетъ мною серьезно увлекаться, то даю вамъ слово, во время сыграю отбой. О! я умѣю дѣлать это, ничуть не оскорбляя женскаго самолюбія. Разъ въ Галацѣ... Вы и представить себѣ не можете, что стоило мнѣ унести ноги, отъ этой

Digitized by Google

m-lle Animal. Втюрилась въ меня до бѣлаго каленія. Ахъ князь, что это было!...

Тутъ полковникъ поперхнулся, закашлялся и, когда пришелъ въ себя, уже совсѣмъ другимъ голосомъ произнесъ:

— Однако, не привести ли въ извѣстность результаты новаго счастья? Вѣдь я отъ игры прямо къ вамъ. Вы позволите, князь?

И, весь сосредоточившись на новой мысли, полковникъ принялся выгружать изо всѣхъ кармановъ брюкъ, жилета и сюртука пачки смятыхъ кредитокъ, золото, серебро, мѣдь, а въ перемежку съ этимъ какіе то шнурки отъ ботинокъ, тесемки отъ корсетовъ, помятыя письма, между которыми были и запечатанныя, давно приготовленныя имъ куда-то къ отправкѣ и позабытыя въ карманѣ. Когда все это было выложено въ одну большую кучу на столъ, онъ надѣлъ пэнснэ и заботливо началъ приводить свои капиталы въ строгую систему, откладывая въ сторону разныя аптекарскія сигнатурки, старые ресторанные счета, пуговицы всевозможныхъ размѣровъ и фасоновъ и цѣлую кучу старыхъ зубочистокъ, которыя онъ, по скверной привычкѣ, всегда пряталъ въ карманъ послѣ обѣдовъ и ужиновъ. И, по мѣрѣ того, какъ подсчетъ подходилъ къ концу, вся физіономія полковника принимала все болѣе и болѣе восторженный видъ и онъ начиналъ мурлыкать, какъ довольный котъ.

Князь, прихлебывая кофе, смотрѣлъ на этого большого ребенка, и все никакъ не рѣшался приступить къ просмотру лежавшихъ передъ нимъ писемъ. Послѣ, послѣ, останавливалъ онъ мысленно самъ

Digitized by Google

себя, когда его рука дѣлала машинально движеніе къ подносу, на которомъ лежали, давя другъ друга, всѣ эти нѣмые синіе, сѣрые, бѣлые и другихъ цвѣтовъ конверты,. Пусть пока молчатъ... И не нарушаютъ вырвавшеюся вдругъ изъ нихъ волною жалобъ, просьбъ, сплетень, слуховъ, клеветы и лести, поддѣльныхъ слезъ и скрывающагося само передъ собою горя, этой тишины и душевной гармоніи. И, полузакрывъ глаза, князь нарочито медленно перебиралъ въ памяти всѣ мельчайшія детали вчерашняго приключенія. Онъ чувствовалъ, что образъ Хризантемы занялъ сразу въ его сердцѣ какое то громадное мѣсто и ему казалось, что тепло ея молодой руки, опирающейся на него, до сихъ поръ еще согрѣваетъ и заставляетъ быстрѣе циркулировать его вялую кровь, хорошо и довольно долго уже пожившаго на свѣтѣ человѣка. Онъ зналъ балконъ ея комнатъ во второмъ этажѣ, выходившій на обѣ стороны, почти на самомъ углу отеля и изрѣдка, украдкою, бросалъ туда взглядъ. Но тамъ было пусто, какъ было пусто въ этотъ ранній для праздныхъ баловней судьбы обитателей отеля часъ и на большой террасѣ. И только звонъ золотыхъ и серебряныхъ монетъ, которыя полковникъ упаковывалъ теперь въ столбики, возпользовавшись для этого случайно найденнымъ въ своихъ карманахъ складомъ всевозможной бумаги, нарушалъ царившій вокругъ покой роскошнаго осенняго утра.

VII

Цѣлыхъ пять дней Хризантема совершенно не выходила изъ своихъ комнатъ. Боли въ поврежден-

Digitized by Google

ной ногѣ давали знать себя довольно сильно и первые три дня она провела въ постели. Князь ей посылалъ цвѣты каждое утро, но цвѣтовъ ей наслали со всѣхъ сторонъ столько, что весь наружный, большой балконъ былъ заставленъ ими, такъ какъ въ комнатахъ начинала болѣть голова отъ одуряющаго запаха розъ и гвоздикъ, перемѣшавшихся съ самыми причудливыми по формѣ и окраскѣ хризантемами. Первый началъ этотъ цвѣточный походъ полковникъ, приславшій сразу цѣлую дюжину букетовъ со своею карточкою, гдѣ подъ напечатанными по русски именемъ, отчествомъ и фамиліею, стояло мелкими французскими буквами: colonel de la marine. Что должно было означать въ точномъ смыслѣ—полковникъ по адмиралтейству.

На четвертый день князь получилъ сверху записку, съ приглашеніемъ зайти. Онъ внимательно оглядѣлъ себя въ зеркало и поднялся наверхъ. Княгиня лежала на плетенной кушеткѣ на балконѣ и ея зеленые глаза сверкнули искреннею радостью, когда она увидѣла черезъ стеклянную дверь плотную фигуру князя. Онъ не столько увидѣлъ это, сколько почувствовалъ и, покраснѣвъ отъ удовольствія какъ школьникъ, поцѣловалъ протянутую ему бѣлую, тонкую руку.

Князь, мой милый спаситель, я такъ соскучилась по васъ, привѣтствовала его Хризантема. Пролежать почти безъ движенія три дня, вѣдь это мука. Но сегодня я уже ступаю. Если бы вы видѣли, какъ это смѣшно, нога точно не моя, а какая то деревяная. Жéнѣ достается не мало, когда она водитъ меня по комнатѣ. Она такая маленькая, слабенькая... Ну а

Digitized by Google

вы, какъ вы? Благодарю васъ за цвѣты, посмотрите какая ихъ тутъ масса. Но ваши—въ особенномъ почетѣ и отдѣльно, на особомъ столѣ. Князь, я слышала вы собираетесь уѣзжать, неужели это правда?

Увы—почти... Что дѣлать, служба... Вы не можете себѣ представить, какой сумбуръ царитъ теперь вездѣ у насъ. И я совершенно безсиленъ, такъ же впрочемъ, какъ и всѣ другіе. Я долженъ былъ бы уѣхать черезъ два—три дня, но...

Онъ слегка вздохнулъ, скользнулъ взглядомъ по ея гибкой, какъ у змѣи, фигурѣ, утопавшей въ какой то пѣнѣ воздушныхъ кружевъ и лентъ и докончилъ:

Но я рѣшилъ продолжить мой отпускъ еще на двѣ недѣли, сославшись на разстроенное здоровье.

Бѣдный князь, вы такъ серьезно больны? воскликнула она самымъ искреннимъ тономъ, но ему показалась, что за длинными шелковистыми рѣсницами, тамъ, гдѣ то въ самой глубинѣ ея искрящихся зеленыхъ глазъ сверкнула и тотчасъ же спряталась лукавая улыбка.

То есть какъ вамъ сказать? Это обычная, принятая въ такихъ случаяхъ форма. Вы должно быть въ душѣ хохочете, что человѣку въ моемъ возрастѣ и положеніи, это не совсѣмъ къ лицу. При всемъ желаніи, я не могу превратиться въ юнаго корнета. А между тѣмъ любви всѣ возрасты покорны, смѣясь сказалъ онъ.

Такъ вотъ въ чемъ дѣло, произнесла Хризантема и разсмѣялась. Стало быть вы тоже подались обаянію здѣшняго воздуха и воспылали этимъ чувствомъ?. Кто же эта счастливица, князь?

Digitized by Google

Ну, разумѣется, вы, отвѣтилъ онъ съ улыбкой и стараясь попасть въ ея шутливый тонъ. Развѣ въ васъ могутъ зародиться какія нибудь сомнѣнія относительно этого?

Такъ быстро, сразу? сказала она. Я въ восторгѣ, глубоко тронута. И вы даже рѣшили оставить на двѣ недѣли ваши государственныя дѣла ради чувства? Это могло бы растрогать и каменное сердце. Но князь, я вѣдь сумашедшая женщина и въ добавокъ еще роковая. Мой мужъ часто выражается очень образно, что я—хожу по трупамъ. Не правда ли, это выраженіе немного пахнетъ старою французскою мелодрамою? Кстати, хотите видѣть портретъ моего мужа? Вотъ онъ, возлѣ васъ на столикѣ.

На карточкѣ былъ изображенъ сильный, плечистый мужчина, молодой довольно красивый, съ широкими скулами, рѣзко подчеркивавшими въ немъ отдаленное присутствіе монгольской крови. Одѣтъ онъ былъ въ косоворотку и подевку и глаза его смотрѣли прямо и смѣло взглядомъ человѣка, не привыкшаго отказывать себѣ въ своихъ желаніяхъ и не терпящаго противорѣчій.

Не правда-ли очень типичный лѣсной житель? спросила Хризантема, когда князь поставилъ фотографію на столъ и машинально взялъ въ руку другую, стоявшую рядомъ.

Да, видно вообще, что человѣкъ съ большою физическою силою и энергіей, отвѣтилъ князь, разсматривая нервное, тонкое лицо глядѣвшее на другомъ снимкѣ. И тотчасъ же спросилъ:

А это кто же?

Это мой любовникъ, отвѣтила Хризантема. И

Digitized by Google

произнесла эту фразу такъ ясно, такъ просто, точно говорила: это мой стаканъ, это мой зонтикъ...

Не смотря на весь свой прирожденный тактъ и всю свою выдержку, князь невольно сдѣлалъ какой то неопредѣленный жестъ удивленія и какъ человѣкъ, у котораго вдругъ отбило даръ слова, молча смотрѣлъ то на фотографію, то на Хризантему.

А она, смѣясь и блестя своими ровными и бѣлыми, какъ слоновая кость зубами, потягивалась всѣмъ своимъ гибкимъ тѣломъ на кушеткѣ и большіе, плоскіе изумруды ея серегъ, точно отражали въ себѣ ея смѣющіеся зеленые глаза.

Очнитесь князь, зачѣмъ же вамъ впадать въ столбнякъ? Только по тому, что у чьей то жены есть любовникъ? Или оттого, что я такъ откровенна съ вами? Я, конечно, могла бы вамъ сказать, какъ это вообще дѣлается, что это мой братъ, дядя, кузенъ, вообще налгать что нибудь. Но для чего это? Вы сдѣлали бы видъ, что вѣрите, а на самомъ дѣлѣ, въ глубинѣ души, подумали бы навѣрное то же самое, что сейчасъ услышали отъ меня. И мы оба только напрасно лгали бы другъ передъ другомъ. Вѣдь человѣку всегда свойственно не вѣрить хорошему и предполагать во всемъ самое скверное и грязное. А тутъ на чистоту. И вмѣсто того, чтобы радоваться, вы вдругъ впадаете въ глубокое изумленіе. Или, можетъ быть, васъ такъ ужъ шокируетъ моя откровенность? Ну, не теряйте же даромъ времени, князь, прочтите мнѣ какую нибудь мораль, добродѣтельную сентенцію...

Къ чему? проговорилъ онъ и пожалъ плечами. Это дѣло вашего мужа и, разъ они оба такъ мирно

Digitized by Google

уживаются на одномъ столѣ... Если конечно, вы съ нимъ такъ же откровенны, какъ со мною, человѣкомъ, встрѣчаемымъ вами ровно во второй разъ.

А вы въ этомъ сомнѣваетесь хотя на минуту? спросила она, и снова ея ослѣпительные зубы засверкали, и звонкій смѣхъ покатился съ балкона, разгоняя волны аромата отъ массы стоящихъ кругомъ цвѣтовъ. Мы, князь, всѣ какіе то странные, то есть съ общепринятой точки зрѣнія. А на самомъ дѣлѣ, можетъ быть, люди должны были бы быть именно такими. Во всѣхъ насъ нѣтъ ни капли лжи. Мужъ знаетъ всю мою жизнь до послѣдней подробности, я знаю всю его, мы вовсе не скрываемся другъ передъ другомъ. И вѣдь это, какъ и все прочее, только вначалѣ интересно, люди волнуются, мучаются сами, мучаютъ другихъ, имъ все кажется, что есть еще что то недосказанное, скрытое, что то самое важное, самое душещипательное... А потомъ даже и не стараешься любопытствовать. Вѣдь все это одно и тоже, одно и тоже, только въ новыхъ варіантахъ... У моего мужа характеръ и вкусы настоящаго дикаря. Выросъ онъ въ необъятныхъ степяхъ юга, а оттуда перекочевалъ въ свои дремучіе лѣса. У него какая то неутолимая животная страсть къ простымъ деревенскимъ дѣвкамъ. Неумытымъ, нечесанымъ, которыя, когда проходятъ мимо васъ, то оставляютъ за собою цѣлую полосу особеннаго специфическаго запаху. И у него тогда начинаютъ раздуваться ноздри.. Я не знаю, что это такое, вырожденіе или наоборотъ, самое здоровое чувство пещернаго человѣка, самца...

Она замолчала и задумалась. Князь закурилъ

Digitized by Google

сигару и молча пускалъ вверхъ синія кольца дыма. Разнообразныя чувства волновали его и онъ съ интересомъ ожидалъ продолженія этой занятной, ничѣмъ не вызванной имъ полуисповѣди. Бросивши случайно взглядъ черезъ перила балкона, онъ увидѣлъ что тамъ, между цвѣточными клумбами, по усыпаннымъ ярко-желтымъ пескомъ дорожкамъ, гуляетъ полковникъ, подъ руку съ какимъ то молодымъ офицеромъ. Въ петлицѣ сюртука у полковника благоухала отысканная имъ гдѣ то необычайныхъ размѣровъ чайная роза, но самъ онъ выглядѣлъ мрачно и ворчалъ не переставая, послѣ вчерашняго проигрыша въ макао. Магическій талисманъ, принесшій ему столько удачи въ chemin de fer, оказался недѣйствительнымъ для макао и полковникъ убѣдилъ себя, что для возстановленія волшебной силы, связанной съ именемъ Хризантемы, необходимо скорѣе познакомиться съ самою носительницей этого имени. И онъ все утро, до самаго момента, когда князя пригласили наверхъ, упрашивалъ непремѣнно и немедленно представить его княгинѣ. Пусть она только дастъ разрѣшеніе, повторялъ полковникъ чуть-ли не въ десятый разъ, я явлюсь и представлюсь ей самъ. Безъ всякихъ жомини, по морскому артикулу... Въ прежнее время взять любую женщину на абордажъ мнѣ ничего не стоило. Въ Галацѣ случалось не разъ...

Сказать ей сейчасъ? подумалъ князь. Нѣтъ лучше послѣ, не стоитъ перебивать, пусть окончитъ свои признанія.

У насъ всегда полонъ домъ такихъ самокъ исключительно для прихоти мужа, продолжала Хри-

Digitized by Google

зантема, громадный старый домъ, съ безконечными коридорами и безчисленными, полутемными каморками. А кругомъ-глухой вѣковой боръ, на цѣлые десятки верстъ, во всѣ стороны... Онѣ часто мѣняются, однѣхъ увозятъ, другихъ откуда то привозятъ... Тутъ уже приходится считаться съ какою то странною особенностью моего властелина. Онъ можетъ обладать женщиною только самое короткое время. И набрасывается какъ звѣрь. А затѣмъ, черезъ нѣсколько дней, сразу получаетъ полное физическое отвращеніе къ той, которую еще вчера такъ неистово, безумно кусалъ, мялъ и ласкалъ. Конечно, только при такой упрощенной и такъ легко добываемой любви можно такъ часто и быстро мѣнять объекты ея, особенно при требованіи постоянной свѣжести и новизны. Любви!... Не правда ли князь, какъ дико звучитъ это слово при данной обстановкѣ? Или вы, можетъ быть, тоже любитель такихъ отношеній?

Ну, нѣтъ, ужъ увольте, отвѣтилъ князь, пожавши плечами.

— А, между тѣмъ, это такъ удобно, главное, безо всякихъ особенныхъ предисловій, съ мѣста въ карьеръ. Всѣ вещи называются своими собственными именами. Приходи сегодня ко мнѣ спать. Затѣмъ начинается лаконическая выработка условій: двадцать пять рублей, новое платье, сережки, колечки тамъ разныя... При несговорчивости такса повышается и нѣтъ кажется такой самой невинной и самой строгой добродѣтели, которая могла бы устоять передъ посуломъ сотни рублей. Если она сама еще не соглашается, то ее уламываютъ подруги, или даже

Digitized by Google

близкіе родные. Вы можетъ быть не вѣрите, князь? А, между тѣмъ, это все такъ. Власть тьмы, или вѣрнѣе сказать, всемогущая власть денегъ. По большей части, все рѣшено, приторговано и въ предварительной стадіи кончено. Но, такъ какъ дѣлу нужно придать, можетъ быть для утонченія сладострастья, колоритъ нѣкоторой таинственности, то такая договоренная для любви Дунька или Варька должна, обманывая бдительность другой прислуги, прокрадываться ночью въ кабинетъ, по скрипучимъ лѣстницамъ, босая, простоволосая. По большей части онѣ невинны, мужъ мой знаетъ толкъ въ этомъ товарѣ, и вотъ, ослѣпленна я мелькнувшимъ въ ея глазахъ богатствомъ, въ видѣ посуловъ того или другого, жертва сама спѣшитъ, затая дыханье и пугаясь своихъ собственныхъ шаговъ, на закланіе. А жрецъ спокойно дожидаетъ ее, лежа на своемъ широкомъ диванѣ, я такъ и называю его—диванъ жертвоприношеній,—съ какимъ нибудь утонченно развратнымъ французскимъ романомъ въ рукахъ. И вотъ-начало мистеріи... Съ грубыми, грязными ступнями ногъ, кожа на которыхъ жестка и вся въ трещинахъ, въ сорочкѣ изъ жесткой конопли, она ныряетъ подъ одѣяло. Чувство стыдливости просыпается въ ней и ея первые слова—просьба потушить свѣтъ. Это очень тонкая психологическая черта, всѣ женщины предпочитаютъ грѣшить въ потьмахъ съ новыми любовниками, не говоря уже о первомъ. Но у моего властелина свои вкусы. Особенно, когда онъ чувствуетъ себя полнымъ хозяиномъ положенія. И ему нравится читать открыто на женскомъ лицѣ всѣ тѣ ощущенія и впечат-

Digitized by Google

лѣнія, которыя переживаются впервые. Тогда, по его словамъ, получается сверхнаслажденіе. Впрочемъ, можетъ быть, все это такъ же хорошо извѣстно по опыту и вамъ, князь?

— Меня поражаетъ, отвѣчая на вопросъ вопросомъ сказалъ князь, откуда это все такъ хорошо во всѣхъ подробностяхъ извѣстно вамъ? Случается вѣдь часто, что не въ мѣру подозрительныя и ревнивыя жены рисуютъ себѣ разныя фантастическія картины на тему своихъ страданій и склоны ко всякимъ преувеличеніямъ.

— Я ревнива? Я подозрительна? Ну нѣтъ, ко мнѣ это вовсе не подходитъ, воскликнула она. Онъ самъ разсказываетъ мнѣ всѣ эти подробности, когда меня это интересуетъ. Или вѣрнѣе, когда раньше интересовало. И, могу васъ увѣрить, разсказываетъ очень просто и ясно, ничуть не рисуясь, слегка даже иронизируя. Иногда онъ описываетъ мнѣ нѣкоторыя индивидуальныя особенности своихъ замарашекъ, если находитъ ихъ. И я слушаю безо всякаго волненія или гнѣва, съ самымъ обыкновеннымъ любопытствомъ, какъ главу изъ недочитанной повѣсти. Помню, его однажды ужасно заинтересовала какая то литвинка, съ которой онъ долго ничего не могъ подѣлать. Не въ смыслѣ ея неуступчивости, а въ смыслѣ какого то имѣвшагося у нея физическаго недостатка. И вотъ, я три дня выслушивала всѣ подробности неудачныхъ поползновеній и всевозможныя предположенія. Къ чести его могу добавить, что онъ все же не спрашивалъ у меня совѣтовъ... Потомъ дальнѣйшій опытъ былъ перенесенъ съ этой дѣвицей на кучера... Князь, я

Digitized by Google

вижу на вашемъ лицѣ сплошное удивленіе. Воображаю, какой порочной и развращенной кажусь я вамъ сейчасъ...

— То есть... Это не то, проговорилъ князь. Но откровенно вамъ признаюсь, мнѣ впервые приходится наталкиваться на такое необычайное устройство совмѣстной жизни. Вездѣ, конечно, обманываютъ другъ друга, лгутъ и измѣняютъ, расходятся, или же продолжаютъ жить рядомъ, съ душевнымъ скрежетомъ, связанные какою то проклятою цѣпью, каждое кольцо которой выковано изо лжи и взаимной ненависти, а позолочено приличіями и традиціями. Но у васъ какъ то все это ужъ очень просто, очень ясно и даже, если хотите, очень... чисто. Чисто это взаимное довѣріе, откровенность и незлобивость, на фонѣ этихъ, нѣсколько оригинальныхъ супружескихъ отношеній. На сколько я понимаю, всѣ счастливы, довольны, и самое главное, ни одной разбитой жизни.

— Фу, какъ это старо, разбитыя жизни, протянула Хризантема. Какъ будто каждый не можетъ жить и наслаждаться по своему, не мѣшая другому. Развѣ лучше проявлять на каждомъ шагу на мужа, или на жену свое нелѣпое право собственника? Мой, мой, моя, моя... И всю жизнь, до старости, посвящать только тому, чтобы сторожить другъ друга и стараться отравлять другъ другу каждый моментъ. А когда наступитъ старость и сторожить уже нечего, тогда мирно ожидать вдвоемъ непостыдной кончины. Это и такъ ни отъ кого не уйдетъ. Человѣкъ живетъ одинъ разъ на свѣтѣ... А мнѣ всего двадцать два года, князь...

Digitized by Google

— Да, это самый счастливый возрастъ, замѣтилъ князь. Но неужели эти, какъ вы выражаетесь, жертвоприношенія, устраиваемыя вашимъ мужемъ, такъ таки ничуть и не возмущаютъ васъ?

— Меня больше всего возмущаетъ ихъ неэстетичность. Эти дѣвушки съ запахомъ, съ красными, жесткими руками, и особенно эти ихъ ноги, громадныя, плоскія, какія то распластанныя, съ толстою, всегда потрескавшеюся кожею, откуда грязь нужно отмывать цѣлыми мѣсяцами... Фи... Но все это очевидно дѣло привычки и послѣдствія деревенской жизни съ раннихъ лѣтъ. У мужа есть друзья, тоже крупные помѣщики другихъ губерній. Иногда они съѣзжаются и тогда всѣ вмѣстѣ, съ наслажденіемъ угощаются этими фруктами...

Пережитки крѣпостного права и барщины, брезгливо произнесъ князь.

— Вѣроятно, согласилась она. Разница все таки въ томъ, что тогда можно было только приказать, а теперь все же нужно вступать въ предварительные переговоры и приторговывать. Эти дочери народа удивительно дешево цѣнятъ себя и, по своей ужасающей дикости и невѣжеству, теряютъ всякое соображеніе передъ нѣсколькими рублями, или передъ яркими тряпками.

— Но вначалѣ, сказалъ князь, вы вѣроятно не такъ философски легко относились ко всему этому? Ваша искренность дѣйствуетъ обаятельно, но все же, если вы станете увѣрять, что у васъ такой взглядъ на вещи существовалъ и въ первое время вашего замужества, я не повѣрю вамъ.

Digitized by Google

— Прежде? переспросила Хризантема. Ахъ, прежде...

Она нахмурилась, какая то тяжелая мысль глубокою складкою легла между ея сдвинутыми бровями и недобрыя искорки забѣгали въ ея зеленыхъ глазахъ.

И въ гнѣвѣ такъ же прекрасна, какъ въ радости, подумалъ князь, любуясь этимъ гордымъ, благороднымъ профилемъ, обрамленнымъ цѣлымъ каскадомъ тяжелыхъ, золотистыхъ, какъ застывшая бронза волосъ.

— Женя! позвала Хризантема.

— Ау! послышался изъ сосѣдней комнаты чей-то низкій грудной голосъ.

— Если ты въ голосѣ, спой мнѣ, пожалуста, сейчасъ„—Не вспоминай, молю, былого“.

Послышалось нѣсколько взятыхъ увѣренной рукой аккордовъ на рояли и звуки красиваго, бархатнаго женскаго голоса, силу котораго поющая очевидно старалась не безъ труда смягчить, полились оттуда ровные, тягучіе, густые...

Нѣсколько времени на балконѣ царило молчаніе. Хризантема разсѣянно смотрѣла въ даль, гдѣ играли и рѣзвились жемчужные гребешки на невысокой зыби, глаза ея стали влажны и князя что-то точно ущемило за сердце. Онъ почувствовалъ, что у него слегка задергало рѣсницы и съ досадою подумалъ:

Хорошъ, очень хорошъ буду я, если расчувствуюсь... Что это, вторая молодость, съ ея неотразимыми пассами, ваше сіятельство? Но вѣдь это смѣшно и глупо...

И, взявши снова карточку того другого, не мужа, онъ принялся болѣе внимательно разсматривать его.

Digitized by Google

На него глядѣло изъ рамки ничѣмъ особенно не выдающееся лицо мужчины лѣтъ тридцати, тонкое, довольно красивое, съ небольшою бородкою, съ суконымъ беретомъ на густыхъ, волнистыхъ волосахъ. Такихъ проходитъ множество передъ глазами каждый день и всѣ они, точно проваливаются, безслѣдно исчезаютъ тотчасъ же изъ памяти. Князь попробовалъ по типу опредѣлить, что за птица и тотчасъ же рѣшилъ: какой нибудь непризнанный поэтъ, или изъ породы всю жизнь подающихъ и никогда не оправдывающихъ надежды художниковъ. Вообще, подумалъ онъ, марка очевидно не изъ высокихъ и, чего добраго, пожалуй даже совершенно случайнаго характера. И такая красивая, такая изящная, такая оригинальная женщина... Да. Жизнь шутитъ иногда самыя странныя шутки...

Онъ вамъ вѣроятно очень нравится, что вы такъ долго любуетесь имъ, сказала Хризантема, когда послѣдняя нота романса, длинная, тоскующая, донеслась изъ сосѣдней комнаты и замерла въ воздухѣ.

Ничуть, отвѣтилъ князь, это герой не для васъ. Мнѣ кажется, тутъ дѣло слѣпого случая, минутнаго увлеченія. Не пробуйте разувѣрять меня.

Зачѣмъ? тихо сказала она, я вѣдь предупредила васъ, что никогда не лгу. Вы правы. Это самый глупый, самый нелѣпый романъ моей жизни. И тѣмъ не менѣе, онъ владѣетъ мною и заставляетъ меня исполнять его волю, слушаться его желаній. Ничтожество, я не ослѣплена, о нѣтъ! И это тѣмъ горше. Минутное увлеченіе, располагающая обстановка, чисто животная вспышка и какая то желѣзная рука вдругъ связываетъ васъ съ человѣкомъ,

Digitized by Google

котораго еще вчера вы почти не замѣчали. Все это ужасно странно...

— Но вѣдь можно же въ такихъ случаяхъ и разстаться? осторожно спросилъ князь.

— Это не такъ то легко, отвѣтила она. Особенно, когда человѣкъ устаетъ и ему надоѣдаетъ жить постоянно въ области какихъ то драматическихъ происшествій. Прошлую зиму онъ буквально засыпалъ меня телеграммами и письмами. Чего тамъ только не было! Угрозы, мольбы, отчаянье, проклятія... Мнѣ не хотѣлось вообще никуда выѣзжать изъ деревни. И, вы можетъ быть не повѣрите, если я скажу вамъ, кто меня снова толкнулъ въ его объятія? Мой мужъ! Вѣдь у меня отъ него нѣтъ тайнъ... И онъ убѣдилъ меня поѣхать къ этому самому... Онъ говорилъ мнѣ: довольно уже тебѣ ходить по трупамъ. И я послушала его...

— Ходить по трупамъ? произнесъ князь, Значитъ въ вашемъ прошломъ были трупы?

— Да, были, просто отвѣтила она. Но вѣдь я здѣсь ни при чемъ...

Князь припомнилъ разсказы о ея таинственной прошлогодней ранѣ, связанной чѣмъ то общимъ, недоговореннымъ, непонятнымъ, со смертью ея сестры. Онъ обдумывалъ, не спросить ли ее теперь о всей этой исторіи, что въ ней правда и гдѣ ложь, прикрашенная праздною фантазіею. Положительно эта женщина представляла собою что то совершенно новое, откровенно порочное и въ тоже время неудержимо влекущее къ себѣ всѣмъ обаяньемъ своей оригинальной красоты и полной искренности.

Въ дверь постучали. Вошелъ лакей и не безъ

Digitized by Google

труда втащилъ новый, громаднѣйшій букетъ изъ отборныхъ желтыхъ и ярко пунцовыхъ розъ. На прикрѣпленной съ боку карточкѣ, князь уловилъ взглядомъ знакомое имя и улыбнулся. Полковникъ, соскучившись ходить внизу, напоминалъ о себѣ и о своихъ желаніяхъ этимъ рѣшительнымъ способомъ.

— Что это за оригиналъ, вы не знаете, князь? спросила Хризантема, протягивая ему карточку полковника. Онъ меня положительно засыпаетъ цвѣтами, а я, между тѣмъ, никогда не видѣла его даже въ глаза...

— Навѣрное видѣли, княгиня. Вамъ не больно приподняться? Ну вотъ, хорошо, теперь поглядите внизъ. Видите, между клумбами два господина, одинъ изъ нихъ въ фуражкѣ съ краснымъ околышемъ?

— Ахъ, такъ вотъ кто этотъ самый таинственный поклонникъ... Ну, конечно, я его знаю, онъ еще въ прошломъ году настойчиво преслѣдовалъ меня своими трогательными взглядами и глубокими вздохами. Не могу сказать только, отъ сильной ли любви, или отъ сильной отдышки. Онъ препотѣшный. Даже познакомился и пробовалъ ухаживать за моей фельдшерицей...

И Хризантема весело разсмѣялась.

— Если вы позволите, я его представлю вамъ, произнесъ князь. Это мой другъ и очень милый человѣкъ.

— Ну, конечно, пожалуста... Позовите его прямо отсюда сверху, пусть онъ сейчасъ, безо всякихъ церемоній идетъ сюда къ намъ.

Князь нагнулся надъ чугунною рѣшеткою бал-

Digitized by Google

кона и, сложивъ газетный листъ въ видѣ рупора, позвалъ:

— Полковникъ... Полковникъ... Пожалуйте сюда... Васъ просятъ...

VIII.

Цѣлая недѣля пролетѣла въ какомъ то вихрѣ безпрерывнаго веселья и развлеченій. Осень продолжала оставаться все время удивительною, день въ день, точно по заказу. Ярко желтые, красные и оранжевые цвѣта, покрывшіе всѣ лѣса на горныхъ склонахъ, становились все ярче и ярче, такъ какъ листья на деревьяхъ держались крѣпко, не тревожимые даже слабымъ дуновеніемъ вѣтерка. Въ застывшемъ воздухѣ носились длинныя нити серебряной паутины, нестерпимо звонко звенѣли какія то мошки и басомъ жужали коричневые, рогатые жуки. Море недвижно дремало своею синевою и вдали, на самомъ горизонтѣ чуть видно было, какъ безпомощно болтались паруса на застрявшихъ въ штилевой полосѣ большихъ и маленькихъ судахъ. Словно вся природа сосредоточилась на одномъ желаніи, возможно пышнѣе и роскошнѣе справить послѣднюю тризну передъ зимнимъ сномъ.

Обыкновенно Хризантема, князь и полковникъ, послѣ завтрака садились въ одну коляску, въ другую сажали Женю съ Иваномъ Петровичемъ и отправлялись куда нибудь въ одинъ изъ живописныхъ окрестныхъ уголковъ. Такъ какъ дни стали совсѣмъ коротки, то время обычныхъ утреннихъ докладовъ тоже сократили. Секретарь даже началъ какъ будто манкировать своими обязанностями и всегда такой

Digitized by Google

ровный, такой спокойный и исполнительный до педантизма, сталъ теперь вовсе откладывать наиболѣе сложныя и требовавшія детальнаго обсужденія дѣла. Это потомъ, когда вернемся въ Петербургъ, подумалъ онъ однажды, отодвигая въ сторону какую то толстую папку. За нѣсколько дней надъ отложенной папкой выросла цѣлая колона. А, между тѣмъ, извѣстія приходили все хуже, все тревожнѣе... Чувствовалось, что назрѣваетъ что то громадное, стихійное, неотразимое, но никто еще не могъ дать себѣ сколько нибудь яснаго отчета, въ чемъ именно заключается это таинственное „что то". Къ тому же здѣсь было такъ хорошо и уютно. Благоухали лавры, одуряли своимъ запахомъ отовсюду выглядывавшія пестрыя клумбы яркихъ осеннихъ цвѣтовъ и струны пѣли и рыдали, или вдругъ закипали бѣшеннымъ вакхическимъ восторгомъ... И все то, что творилось тамъ, за верхушками этихъ фіолетовыхъ скалъ, казалось, въ этомъ, щедро разукрашенномъ природою уголкѣ, гдѣ люди справляли какой то вѣчный праздникъ, такимъ далекимъ, такимъ безпросвѣтно дикимъ и безнадежно мрачнымъ.

Въ воскресенье, по обыкновенію, въ городскомъ саду происходило благотворительное гуляніе, съ осыпаніемъ конфетти, бросаніемъ серпатинъ и всѣми прочими подробностями. Хризантема и на этотъ разъ, какъ всегда, отклонила приглашеніе благотворительныхъ дамъ, которыя, не смотря на постоянные отказы съ ея стороны, неуклонно пробовали все же привлечь ее къ продажѣ лотерейныхъ билетовъ, или бутоньерокъ.

Вся компанія, пользуясь чуднымъ лунымъ вечеромъ, поздно вернулась изъ экскурсіи, проголодалась

Digitized by Google

и продрогла въ горахъ. И вотъ теперь, переодѣвшись и не безъ труда протискавшись черезъ густую толпу, заполнившую всѣ аллеи небольшого сада, они сидѣли въ самомъ углу крытой ресторанной веранды. Князь, держа пэнснэ у глазъ, заказывалъ какой то очень хитрый и тонкій ужинъ, почтительно вытянувшемуся хозяину ресторана. Слушая нѣкоторыя соображенія, высказываемыя послѣднимъ по части соуса, онъ бросалъ изъ подъ пэнснэ взгляды на Хризантему, которую полковникъ, превратившійся теперь въ необычайнаго щеголя, всегда надушенный и съ розою въ петлицѣ, старался, пока что, развеселить своими разговорами. Князь видѣлъ ясно, какъ божій день, что полковникъ совершенно сходитъ съ ума отъ охватившаго его чувства и что нѣтъ той глупости, которую онъ не выкинулъ бы сейчасъ, ради одного только ласковаго взгляда, или улыбки этой женщины. Совсѣмъ, какъ влюбленный глухарь на току, подумалъ князь и даже улыбнулся, до того показалось ему удачнымъ это сравненіе.

Но тотчасъ же спохватился...

А я? Со стороны я тоже не мало подаю, вѣроятно, поводовъ для всякихъ анекдотовъ. остротъ и сравненій

И ему стало вдругъ невыразимо грустно... Грустно, что жизнь уже ушла и остались какіе-то обрывки ея, что то чувство, которое, хотя ему и не хотѣлось сознаться передъ собою, такъ быстро и всецѣло заполнило все его существо, всѣ его мысли, запоздалая вспышка, можетъ быть яркая и теплая для него самого, но увы, безсильная уже согрѣть другого... Ему такъ хорошо, такъ уютно было цѣлыми часами сидѣть возлѣ Хризантемы, смотрѣть въ ея искрящіеся

Digitized by Google

быстро мѣняющимися чувствами зеленые глаза и пробовать отгадывать отражавшіяся тамъ ея желанія. Обычные утренніе доклады, даже въ самомъ сокращенномъ видѣ, онъ выслушивалъ теперь совершенно разсѣянно, нетерпѣливо поглядывая на часы и отвѣчая часто совершенно не впопадъ на дѣловые вопросы секретаря. Не будемъ отравлять послѣдніе дни нашего пребыванія здѣсь, Иванъ Петровичъ, говорилъ онъ ему, вотъ только доберемся до Питера и тамъ съ головою уйдемъ въ работу. Наверстаемъ съ лихвою потерянное время...

Иванъ Петровичъ, раньше неуклонно доводившій всѣ свои доклады до конца, теперь безъ возраженій закрывалъ свой портфель. Въ силу своего служебнаго положенія, онъ былъ прикомандированъ теперь къ Женѣ, но князю казалось, что онъ читаетъ въ его взорахъ тѣ же самыя чувства къ Хризантемѣ, какія отражались во взорахъ и у полковника. Иногда онъ начиналъ бояться, что въ душѣ у него поднимается что то въ родѣ чувства ревности и раздраженія. Иванъ Петровичъ былъ значительно моложе и довольно красивъ, чтобы имѣть больше шансовъ на успѣхъ у женщинъ. Но онъ тотчасъ же ловилъ себя на этихъ мысляхъ и немедленно бралъ себя въ руки.

Всѣ эти трое мужчинъ создали вокругъ Хризантемы какой то культъ обожанія, утонченнаго, спокойно-ласковаго, тихаго. А она со всѣми была одинаково проста, весела, мила и ко всѣмъ одинаково равнодушна.

Но сегодня, съ утра какая то непріятная мысль очевидно неотступно преслѣдовала ее и та рѣзкая складка, которая ложилась въ минуты печали или

Digitized by Google

гнѣва между бровями у нея, не на шутку тревожила князя. Онъ зналъ только, что ею были получены какія то телеграммы, но отъ кого и какого содержанія, объ этомъ никто не произнесъ ни слова.

— Да, доложу я вамъ, говорилъ между тѣмъ полковникъ, это была невѣроятная игра. Проиграться въ дребезги передъ самымъ отъѣздомъ? Ну нѣтъ, благодарю покорно! У меня не за горами срокъ отпуска и я уже теперь инстинктивно чувствую, что эта комиссія опять завалитъ меня работой. Это просто ужасно даже подумать, сколько мы всѣ работаемъ въ Россіи... И никакого толку! Какъ при неудачѣ въ бакарра: когда намъ удается, послѣ долгихъ мукъ и ожиданій, добраться до восьмерки и мы въ восторгѣ кричимъ ура, противникъ спокойно показываетъ намъ девятку.

Полковникъ даже немного привскочилъ отъ удовольствія, до того необычайно остроумнымъ и удачнымъ показалось ему это сравненіе результатовъ работающей Россіи съ партіею въ бакарра. Но къ его удивленію, никто даже не улыбнулся. Хризантема сидѣла задумчивая, разсѣянная и, хотя зеленые русалочьи глаза ея, казалось, слѣдили съ интересомъ за тѣми фокусами, которые выдѣлывали на флейтѣ Пана смуглые пальцы усача румына, но мысли ея были далеко.

Чертъ возьми, подумалъ полковникъ, это не беретъ. Нужно придумать что нибудь позабористѣе, чтобы развеселить ее. И, кашлянувъ, чтобы привлечь больше вниманія къ своимъ словамъ, онъ заговорилъ:

— Хочу серьезно заняться будущею зимою изящ-

Digitized by Google

ною литературою. Вообще нужно же слѣдить за текущими настроеніями. Хотя служба и не оставляетъ почти ни минуты свободнаго времени, но все же... Сегодня прочиталъ въ газетѣ объявленіе о новой книгѣ: исторія дамскихъ панталонъ. При объявленіи цѣлый краткій рефератъ, посвященный этому вопросу. И представьте себѣ, удивительное дѣло: оказывается, что дамскія панталоны имѣютъ свою глубочайшую исторію. Вотъ никогда бы не подумалъ! Прародительница Ева, еще собственно говоря, не имѣла и понятія объ этой принадлежности туалета, но царица савская уже ѣздила съ визитомъ къ царю Соломону въ панталонахъ. Въ панталонахъ съ мандраголами. Это что то совсѣмъ уже непонятное—мандраголы! Нужно будетъ справиться въ словарѣ у Брокгауза. Недавно я видѣлъ у одной знакомой артистки... То есть виноватъ, я совсѣмъ не то хотѣлъ сказать... Одна дама, и очень почтенная, говорила мнѣ, что теперь дамскія панталоны шьютъ необычайной ширины и какъ занавѣску: какой то тамъ шнурокъ, джикъ—и готово. А въ Галацѣ я знавалъ одну француженку, такъ у той...

Тутъ полковникъ почувствовалъ, какъ кто то сильно жметъ ему ногу и онъ увидѣлъ, что князь дѣлаетъ ему большіе глаза и какіе то нѣмые знаки губами. Онъ съежился, насупился и недовольно проворчалъ:

— Что жъ тутъ особеннаго? Объ этомъ всюду печатаютъ и, наконецъ, мы не дѣти...

Но Хризантема, очевидно, не слышала и второе выступленіе полковника. Складка на лбу, легшая

Digitized by Google

между ея бровями, не сходила, а глаза все такъ-же разсѣянно слѣдили за смуглыми пальцами флейтиста. И, только когда князь слегка притронулся къ ея рукѣ, она какъ бы очнулась и обвела всѣхъ такимъ усталымъ и безразличнымъ взглядомъ, точно передъ нею сидѣли совершенно незнакомые люди.

— Что съ вами, спросилъ князь. Вы нездоровы, или такъ сильно разстроены?

— Не знаю право, отвѣчала она. Я сегодня ночью очень плохо спала. Писала письма, поздно легла и, едва только стала засыпать, какъ меня разбудилъ какой то шумъ въ сосѣдней комнатѣ. Мнѣ показалось, что кто то дергаетъ и очень упорно ручку двери оттуда. Между тѣмъ я знала, что еще вечеромъ она была не занята и пуста. И у меня явилась мысль, что этимъ путемъ какіе нибудь хулиганы пытаются пробраться ко мнѣ. Я должна была позвонить прислугу и оказалось, что съ вечера туда пріѣхали какой то господинъ съ дамой.

Полковникъ, огорченный своими неудачами, внимательно слушалъ и, откинувшись на спинку стула, вдругъ расхохотался.

— Развѣ я сказала что нибудь такое смѣшное? съ удивленіемъ спросила Хризантема.

— Нѣтъ не то, но я понимаю, все понимаю! воскликнулъ полковникъ. Я полъ жизни прожилъ въ гостиницахъ и знаю, что двери между комнатами обыкновенно заставляютъ шкафами, или кроватями. Господинъ съ дамою—и дверная ручка! Хо-хо-хо... Хо-хо-хо...

Digitized by Google

Хризантема закусила губу и ея тонкія ноздри зашевелились отъ гнѣва.

— Послушайте, милый полковникъ, сдержанно произнесла она, вы можете, конечно, строить всякія ваши предположенія, но зачѣмъ же вамъ спѣшить немедленно посвящать другихъ въ тайники вашей мудрости и остроумной проницательности?

Опять что то выпалилъ не впопадъ, съ самымъ искреннимъ изумленіемъ и грустью подумалъ полковникъ.

— Вы сегодня въ какомъ то особенномъ ударѣ говорить глупости и пошлости, продолжала она. Можетъ это и очень рѣзко съ моей стороны выражаться такимъ образомъ, но я сейчасъ такъ зла, что готова кусаться. Я сегодня буду пить, пить безъ конца.

— Ого, вотъ у насъ какъ, шутя проговорилъ князь, желая сгладить немного всю шероховатость этой сцены. Въ такомъ предпріятіи вы можете разсчитывать на трехъ надежныхъ союзниковъ и, если ужъ начинать серьезно, то начнемъ съ финь-шампань. Плоды творчества графа Витте слишкомъ грубы для насъ. Иванъ Петровичъ, выберите пожалуста надлежащую марку, вы тонко знаете это дѣло и мы добудемъ ее, хотя бы для этого пришлось перевернуть весь погребъ. Полковникъ, помогите бога ради Ивану Петровичу. Княгиня хочетъ сегодня кутить и мы должны обставить это событіе, какъ можно великолѣпнѣе.

И тихо добавилъ, слегка склонившись къ Хризантемѣ:

— Это не ночной перепугъ. Вы не изъ тѣхъ, кого легко можно напугать такими пустяками и ко-

Digitized by Google

торыя не могутъ оправиться потомъ. Тутъ есть что-то другое... Скажите мнѣ, меня это томитъ...

— Послѣ, отвѣтила она тихо. У меня нѣтъ ни отъ кого секретовъ, но все же лучше послѣ. Когда они попрощаются и уйдутъ совсѣмъ, останьтесь на минутку. И я вамъ скажу... А теперь мнѣ хочется веселиться, хохотать... Какъ нѣмцы, я хочу сдѣлать себя на это время веселою. Боже мой, какое неуклюжее выраженіе! Полковникъ заразилъ меня своимъ остроуміемъ.

Понемногу обширная стеклянная веранда ресторана заполнялась сходившеюся сюда отъ толкотни и давки благотворительнаго гулянья публикою. Становилось людно, шумно, хлопали пробки отъ шампанскаго, шуршали шелковыя юбки, запахъ дорогихъ духовъ смѣшивался съ запахомъ сигаръ и получалась та тонкая волна аромата, которая такъ пріятно щекочетъ нервы и чувственность, и вызываетъ такую жажду любви, веселья и легкаго опьяненія. Румыны играли безпрерывно, уже совершенно безъ антрактовъ. И звуки ихъ флейтъ и скрипокъ, протяжные, страстные или, вѣрнѣе сказать, играющіе на чувства пробужденія страсти, возбуждали еще больше всю эту веселую, беззаботную, нарядную толпу.

Князь, предчувствуя сегодня большое нашествіе сюда всякой публики, заблаговременно распорядился устроить свой столъ такъ, чтобы онъ стоялъ совершенно особнякомъ, немного въ сторонѣ. И ничьи любопытныя уши не могли при всемъ желаніи улавливать отрывки ихъ разговоровъ, хотя, какъ всегда, Хризантема служила центромъ общаго вниманія и

Digitized by Google

десятки глазъ перекрещивались на ея гордомъ, матовомъ лицѣ, съ самыми разнообразными выраженіями во взглядахъ: безпредѣльнаго восхищенія, зависти и самой ядовитой злобы. Такъ смотрѣли на нее женщины, обиженныя чѣмъ нибудь природою, или принужденныя уже покрывать всевозможными косметиками слѣды, проведенные рукою безпощаднаго времени. И свою сосущую, острую злость онѣ облегчали хотя отчасти, окружая ея имя цѣлымъ цикломъ всевозможныхъ клеветъ.

За однимъ изъ столовъ сидѣла въ большой компаніи и Марія Павловна, тщетно до сихъ поръ пытавшаяся устроить дѣла своего мужа у князя. Князь былъ неуловимъ, не смотря на всѣ ея хитрости. Онъ и теперь чувствовалъ, что она не сводитъ съ него своихъ взоровъ, подстерегаетъ каждое его движеніе, вся проникнутая мыслью довести свои хлопоты до желаннаго конца. Еще, пожалуй, вздумаетъ подойти сюда, отъ этой женщины всего можно ожидать, не безъ тревоги подумалъ князь. И онъ даже немного подвинулъ свой стулъ, чтобы не встрѣтиться какъ нибудь нечаянно съ нею глазами.

Благодаря отчасти царившему кругомъ оживленію, отчасти тремъ-четыремъ рюмкамъ стараго коньяку, который ресторaторъ досталъ и подалъ за какую то невѣроятную цѣну, Хризантема быстро развеселилась. Нѣжный румянецъ, какъ отблескъ вечерней зори, загорѣлся и заигралъ на ея матовыхъ щекахъ и въ ея зеленыхъ глазахъ снова заблистали тѣ искорки, которыя такъ неотразимо дѣйствовали всегда на окружающихъ и заставляли многихъ, очертя голову,

Digitized by Google

дѣлать всевозможныя глупости, иногда заканчивавшіяся драмами.

— Я хочу гадать, воскликнула она, сегодня же, непремѣнно сегодня. Князь, милый князь, устройте мнѣ это, розыщите мнѣ... Говорятъ, что мнѣ какая то старуха предсказала въ дѣтствѣ ту же судьбу, что и моей сестрѣ. Только при другой обстановкѣ, и въ другое время. Но гдѣ, какъ? И вотъ, теперь предстоитъ одинъ случай... Неужели же въ этомъ городѣ, куда собирается столько праздныхъ и глупыхъ людей, нѣтъ ни одной гадалки? Вѣдь тутъ для нихъ должно быть особенно богатое поле жатвы. Князь, вы узнаете для меня?

Вотъ случай искупить всѣ свои ошибки и дѣйствительно отличиться, подумалъ полковникъ и, боясь, чтобы кто нибудь не предвосхитилъ его мысль, чуть не поперхнувшись непережеваннымъ кускомъ осетрины, онъ заговорилъ:

— Я знаю, я, я... Княгиня, погодите ради бога, я сейчасъ... Мнѣ такъ не везетъ, что даже осетрина попалась съ какими то острыми, точно у карася, костями. Гадалка есть, и превосходная, великолѣпная, съ чрезвычайно сложною и занятною системою. Но за то какіе результаты, какіе результаты! И не какая нибудь грубая, неотесанная баба, о нѣтъ-съ, женщина высшаго круга, потерявшая много въ жизни. Она только три дня какъ пріѣхала сюда и конечно не публикуется. Кому нужно, тѣ находятъ ее и такъ. Какъ это кстати, что вы пожелали княгиня, если позволите мнѣ сопровождать васъ...

— Вы уже успѣли, навѣрное, попасть въ число ея кліентовъ? спросила она

Digitized by Google

И по тону ея голоса, полковникъ сразу понялъ, что на него уже больше не сердятся. Этому толстому добряку стало сразу такъ радостно и весело, и вдругъ приплыло ни съ того, ни съ сего откуда то желаніе, совершить какой нибудь подвигъ, сдѣлать что нибудь геройское, особенно благородное, что сразу поставило бы его въ ея глазахъ на цѣлую голову выше всей этой толпы. Онъ нахохлился и окинулъ рѣшительнымъ, вызывающимъ взглядомъ все вокругъ, точно прицѣливаясь, съ кѣмъ бы ему сразиться. Но приходилось, за неимѣніемъ ничего подходящаго, отложивши жажду подвиговъ на будущее время, до болѣе благопріятныхъ условій, пока ограничиться только отвѣтомъ на предложенный вопросъ.

— Представьте себѣ, вы угадали, княгиня. Я уже пробовалъ испытать у нея свою судьбу.

— Насчетъ удачи въ макао, полковникъ? спросилъ съ улыбкой князь.

— Да, и это между прочимъ, и другое разное. Она угадываетъ все, хотя прописываетъ иногда немного странныя средства. И гадаетъ двумя способами: во первыхъ хиромантія, во вторыхъ... Я, право, боюсь уже теперь и говорить, какое то очень неприличное слово. Но я, право, не виноватъ... Пед... пед...

— Педомантія, вѣроятно? поспѣшилъ помочь ему князь, въ страхѣ, чтобы онъ опять чего нибудь не напуталъ.

— Да, да, вотъ именно, педомантія, съ радостнымъ видомъ подтвердилъ полковникъ, вотъ именно педомантія. Она вамъ предсказываетъ, гадаетъ и

Digitized by Google

опредѣляетъ вашъ характеръ по вашей обуви, непремѣнно по хорошо ношенной обуви. Удивительно, какъ все прогрессируетъ. Бывало, въ Галацѣ, старая румынка просто вамъ разскажетъ разную чепуху, глядя на кофейную гущу, или разбрасывая передъ собою цвѣтные камешки. А теперь эта выдаетъ себя за какую то титулованную и псевдонимъ избрала какой то древней греческой поэтесы—Сафо. Просто изумительно! Читаетъ прошедшее, настоящее, будущее, безъ запинки, какъ по писанному. Княгиня, я вашъ слуга во всякій моментъ, когда только пожелаете.

— Очень вамъ благодарна. Но лучше въ другой разъ, можетъ быть завтра. Врядъ ли это удобный часъ для визита, хотя бы къ гадалкѣ, къ тому же у меня разболѣлась голова. Господа, я хочу ѣхать домой, можете не провожать меня.

Но они поднялись, всѣ трое и заявили протестъ. Какъ, отпустить ее одну пробиваться сквозь строй, между цѣлыми рядами вооруженныхъ мѣшками съ конфетти ротозѣевъ? Чтобы ей забросали все лицо и глаза цѣлыми пригоршнями смятой грязными, потными руками, мелко нарѣзанной бумаги? Ну нѣтъ, этотъ номеръ не пройдетъ, рѣшительно заявилъ полковникъ.

Но и при такой усиленной охранѣ, задача добраться до воротъ, выходившихъ изъ сада на набережную, оказалась не легкою и заняла не мало времени.

На ярко освѣщенной террасѣ отеля было совершенно пусто. Когда Иванъ Петровичъ и полковникъ

Digitized by Google

попрощались и уѣхали, князь не выдержалъ больше и, держа ее за руку, спросилъ:

— Скажите мнѣ теперь откровенно, какая мысль гложетъ вашу душу? Усталость, плохой сонъ, головная боль, это все не то. Вы получили какія-нибудь тревожныя извѣстія? Случилось какое-нибудь несчастье дома?

— Нѣтъ, отвѣтила она, дома все благополучно. Но я сама хотѣла съ вами поговорить. Сюда ѣдетъ этотъ... Ну, вы сами знаете... Онъ все время забрасывалъ меня самыми отчаянными письмами, это какой-то сплошной бредъ сумасшедшаго. Я ему долго не отвѣчала вовсе, и вотъ пошли эти обычные—не переживу, не вынесу, не прощу... На него находитъ временами какой-то пароксизмъ не то страсти, не то озлобленности человѣка, чувствующаго себя тоже отчасти собственникомъ и не могущаго переносить одного предположенія, что его священныя права, замѣтьте, священныя права любовника, можетъ кто нибудь нарушить въ то время, когда онъ самъ не пользуется ими. Какъ тогда, когда онъ заставилъ меня ѣхать къ нему. Но теперь возлѣ меня нѣтъ мужа, и нѣкому толкнуть меня въ его объятія этою жестокою фразою: не все же ходить тебѣ по трупамъ...

Она замолчала. Но въ послѣднихъ словахъ ея, звучало столько сдержанной, холодной жестокости, и глаза ея такъ сверкали, что князь невольно вздрогнулъ. И ему вспомнилась рыжая сова, слѣдящая изъ-подъ полузакрытыхъ вѣкъ за нарѣзываемымъ для нея сырымъ мясомъ.

— Судя по всему, что мнѣ удалось слышать отъ

Digitized by Google

васъ и наблюдать, вы все-же, кажется, любите его? осторожно спросилъ онъ.

— Я его ненавижу въ эту минуту отвѣтила она задумчиво. Я не могу быть долго вещью. При томъ, все это случилось какъ-то такъ неожиданно, безъ чувства, безъ всякаго увлеченія. Я телеграфировала ему, что между нами все кончено, что не желаю его видѣть совершенно, чтобы онъ вовсе не трудился пріѣзжать сюда. И вотъ, въ отвѣтъ сегодня телеграмма всего изъ двухъ словъ: посмотримъ, выѣзжаю...

— Странно все это какъ то, произнесъ князь, не понимая еще, шутитъ она, или говоритъ правду. Для чего же его карточка въ такомъ случаѣ всегда на вашемъ столѣ, передъ вашими глазами?

— Ахъ да, васъ смущаетъ эта карточка, сказала она и засмѣялась. Хотите, я вамъ сейчасъ подарю ее на память о нашей дружбѣ?

— Оригинальная память о... дружбѣ, проговорилъ князь. Княгиня, не сегодня—завтра мы разстанемся, и, кто знаетъ, можетъ быть намъ никогда уже не придется больше встрѣтиться. Но вы хорошо видите, что то чувство, которое вы пробудили во мнѣ, далеко не простая дружба. Я понимаю, въ моемъ возрастѣ въ герои романа стремиться еще можно, но попасть трудно. Къ тому же, я слишкомъ самолюбивъ и не хочу быть смѣшнымъ ни передъ кѣмъ, даже передъ самимъ собою. Я ничего не ищу... Мнѣ просто такъ хорошо, такъ пріятно сидѣть возлѣ васъ, смотрѣть на васъ и любоваться вами, что я навѣрное сохраню навсегда о нашей встрѣчѣ самыя хорошія воспоминанія. Иногда, я даже позволяю ри-

Digitized by Google

совать себѣ въ мечтахъ, не сердитесь, только въ мечтахъ, разныя фантастическія картины. Мнѣ представляется, что я молодъ, силенъ, жизнерадостенъ,—и вотъ мы путешествуемъ съ вами гдѣ-нибудь въ Алжирѣ. Вы, вѣдь, бывали въ Алжирѣ?.. На дворѣ декабрь. Ослѣпительно бѣлые домики, окруженные бѣлыми стѣнами, за которыми востокъ ревниво прячетъ свою жизнь, ярко вырисовываются на фонѣ темной зелени. Передъ глазами—вся лазурь средиземнаго моря. А тамъ, гдѣ-то вдали, въ Россіи, мечутся по безпредѣльнымъ равнинамъ ужасные снѣжные буруны, замерли покрытые бѣлою пеленою поля, лѣса, города. Всюду холодно, голодно, темно... И все гніетъ: гніетъ хлѣбъ, гніютъ опухшіе, полупьяные люди, гніетъ сама жизнь, потонувшая въ непроходимомъ невѣжествѣ... Несмотря на всѣ жалкія, безплодныя, а, можетъ быть, и вовсе никуда не годныя усилія всѣхъ насъ, поставленныхъ на верху. Право, хорошо совсѣмъ уйти ото всего этого...

Она смотрѣла на него пристальнымъ взглядомъ и онъ ясно читалъ въ ея зеленыхъ глазахъ удивленіе этому неожиданному, вдругъ вылившемуся признанію. Какъ и этотъ? казалось, было написано тамъ. Но, по мѣрѣ того, какъ онъ продожалъ говорить, удивленіе въ глазахъ ея смѣнилось какимъ-то другимъ, болѣе теплымъ чувствомъ.

— Да, да, Алжиръ, Египетъ... Какъ это все хорошо, задумчиво произнесла она. Если слушаться голоса благоразумія, я должна была-бы сейчасъ-же собраться и уѣхать отсюда. Но одна мысль, что это можетъ показаться кому-нибудь трусостью и бѣгствомъ, удерживаетъ меня. А, между тѣмъ, я чув-

Digitized by Google

ствую, что можетъ произойти опять что-нибудь ужасное. Но я не могу больше принадлежать ему, одна мысль о его близости поднимаетъ во мнѣ цѣлую волну отвращенія. Уѣхать необходимо—и это не по силамъ мнѣ. Я никогда, ничего не боялась, пусть будетъ, что будетъ.

— Такъ вотъ въ этомъ и кроется причина желанія вашего обратиться къ гадалкѣ? спросилъ князь.

— Я суевѣрна и фаталистка, отвѣтила Хризантема. Я вѣрю предсказанію старухи, которое уже сбылось надъ моей сестрой. И вообще надъ всею нашею семьею повисъ какой то трагическій рокъ. Шутя, онъ вдругъ возноситъ отдѣльныхъ членовъ ея на самую вершину, а потомъ, такъ же шутя, дѣлаетъ ихъ жертвою самого нелѣпаго стеченія обстоятельствъ. Но я не буду ни бѣжать, ни прятаться. Я устала ото всего этого...

IX.

Утромъ, когда въ отелѣ еще всѣ спали, къ гадалкѣ поѣхалъ самъ князь. Ему пришла эта мысль вдругъ и, уже сидя въ экипажѣ, онъ обдумывалъ, чѣмъ бы начать разговоръ съ хиромантекою, чтобы она могла убѣдить Хризантему немедленно уѣхать. На какія стороны княгини можно было лучше всего, съ большею надеждою на успѣхъ, воздѣйствовать въ этомъ отношеніи? Онъ зналъ, что убѣждать, просить, приводить всевозможные доводы благоразумія, въ обыкновенномъ разговорѣ съ нею являлось напрасною задачею. И вотъ, ухватившись за

Digitized by Google

ея слова,—я суевѣрна,—князь рѣшилъ дѣйствовать въ этомъ направленіи.

Какая то женщина, отворивъ ему на звонокъ, проводила его въ небольшую комнатку, сплошь уставленную мягкою мебелью и попросила немного обождать. Не смотря на ранній часъ, у хиромантки былъ уже кто то изъ кліентовъ. Изъ за драпировокъ на половину прикрытыхъ дверей, слышался разговоръ двухъ голосовъ, женскаго и мужского. Послѣдній показался князю очень знакомымъ. Онъ осторожно всталъ и заглянулъ въ дверь: противъ пожилой дамы, одѣтой въ черное платье, со слѣдами былой красоты на лицѣ, сидѣлъ полковникъ. Сюртукъ его носилъ многочисленные слѣды мѣла, лицо было красно и припухло, а голосъ звучалъ глухо и сипло. Очевидно, онъ и не думалъ еще ложиться спать со вчерашняго вечера и явился сюда прямо отъ карточнаго стола.

— Хорошо... хорошо... отрывисто повторялъ онъ, въ то время какъ гадалка, держа въ своихъ рукахъ его руку, повернутую ладонью вверхъ, что то говорила ему ровнымъ, тихимъ голосомъ. Каждое слово полковника раздавалось отчетливо и рѣзко, въ то время, какъ слова гадалки безслѣдно тонули въ мягкихъ драпировкахъ.

— Хорошо... хорошо... Дѣйствительно я люблю ее, повторялъ полковникъ, но вѣдь это не штука. Нужно сдѣлать такъ, чтобы она меня любила. Вы говорите, что на это охотниковъ нашлось бы очень много? Не сомнѣваюсь, ничуть не сомнѣваюсь. Но какое мнѣ до нихъ дѣло, чертъ ихъ всѣхъ побери! Она рыжая и очень красива? У нея зеленые глаза?

Digitized by Google

Да, совершенно вѣрно, вы угадали. Но вотъ что, госпожа... Мнѣ сегодня адски перло въ макао и я знаю, что для успѣховъ въ любви счастье въ картахъ признакъ очень не хорошій. Она сегодня будетъ у васъ, можетъ быть даже со мною вмѣстѣ. Вы, конечно, сразу, въ одинъ моментъ узнаете ее. Погадайте ей по линіямъ въ этакомъ родѣ, что вотъ молъ, одинъ полковникъ, ну, слегка опишите наружность, безумно страдаетъ, не спитъ, не ѣстъ. Однимъ словомъ, все такое, поярче и потрогательнѣе... Вглядитесь внимательнѣе, какъ она къ этому отнесется. Я заѣду къ вамъ вечеромъ... И, вообще, нужно вамъ сказать, я бываю необыкновенно щедръ. Особенно послѣ хорошаго выигрыша... Вотъ, если бы вы могли не только гадать, но и также внушать нѣкоторыя чувства... Неужели, до сихъ поръ еще нѣтъ вѣрнаго способа заставить полюбить себя женщину, которую любишь самъ?

Хиромантка повернулась немного къ окну и князь замѣтилъ, какъ по ея блѣдному, похожему на какую то маску безстрастія и равнодушія лицу, точно промелькнула легкая, злая усмѣшка.

— Есть еще одинъ способъ, болѣе громкимъ голосомъ заговорила она, не всегда, но часто онъ помогаетъ. Можетъ быть вы будете смѣяться, но то, что я вамъ скажу, очень древнее средство, извѣстное еще во время фараоновъ въ Египтѣ, и описаніе его найдено было, изображенное іероглифами на одной изъ пирамидъ. Нужно достать какую нибудь часть одежды любимой безъ взаимности женщины, ну хотя бы ея кофту, и носить втеченіе двухъ недѣль, не снимая, прямо на своемъ тѣлѣ.

Digitized by Google

Полковникъ нѣкоторое время молча смотрѣлъ на гадалку и его ясные, голубые дѣтскіе глаза, выражали и недовѣріе и надежду въ одно и тоже время.

— То есть, позвольте, какъ же это такъ? смущенно пробормоталъ онъ, дамскую кофточку на штабъ-офицера? Но вѣдь это нелѣпо... И, наконецъ, мыслимая ли это вещь? При моей комплекціи, напялить ея кофточку! Я еще, слава богу не сошелъ съ ума. Да и какимъ образомъ ее достать, если-бы, положимъ, у кого-нибудь, явилась-бы фантазія...

— Я вѣдь не настаиваю особенно, пожала плечами гадалка, вы спрашиваете меня, я только отвѣчаю на ваши вопросы. Желаете, можете принять къ свѣдѣнію, не хотите, дѣло ваше. Но, разъ вы сознаете, что вселить къ себѣ любовь женщинѣ довольно трудно въ вашемъ... чинѣ... Что же касается до того, какъ достать, то нѣтъ ничего легче. Подкупите ея горничную... Или, наконецъ, сами попросите... Скажите, что какая нибудь ваша знакомая умоляла васъ раздобыть для фасона. Или, что вы проиграли пари. Наконецъ, мало ли существуетъ всякихъ способовъ?...

Гадалка очевидно тонко и зло издѣвалась надъ полковникомъ. А онъ въ раздумьи сидѣлъ передъ нею, колыхая своимъ большимъ животомъ, при каждомъ поворотѣ котораго, во всѣхъ карманахъ его одежды звенѣли золотыя и серебряныя монеты, насыпанныя туда какъ попало, послѣ счастливой игры.

— Такъ вотъ оно что, подумалъ князь, наблюдая всю эту картину и еле удерживаясь отъ смѣха, кто

Digitized by Google

бы могъ вообразить, что нашъ герой Галаца обуреваемъ такими страстными чувствами? А какъ ловко все время пряталъ концы въ воду. И вѣдь, пожалуй, чего добраго, умудрится таки влѣзть въ женскую кофту. Какъ рыцарь Лихтенштейнъ. Вотъ если бы онъ чувствовалъ, что я сейчасъ совершенно невольно слышу его сокровенную тайну.

Аудіенція окончилась, послышался стукъ отодвигаемаго кресла и, когда за полковникомъ захлопнулась наружная дверь, хиромантка неслышною походкою вошла въ полутемную комнату, гдѣ сидѣлъ князь.

Князь привсталъ и гадалка слегка вскрикнула. Не предупрежденная прислугою, она не ожидала встрѣтить тутъ кого нибудь. И по тому быстрому взгляду, которой она бросила, сначала на полураскрытую дверь, а потомъ пытливо остановила на его лицѣ, князь догадался о причинѣ ея безпокойства: слышалъ, или не слышалъ онъ ея послѣдній совѣтъ полковнику?

— Я къ вамъ, сказалъ онъ такъ просто, что чувство тревоги у гадалки тотчасъ же улеглось и она, одѣвши на лицо снова маску какого то самососредоточеннаго безстрастія, проговорила:

— Очень рада. Вы желаете узнать предначертанія судьбы? Попрошу васъ перейти въ слѣдующую комнату, тамъ виднѣе. Ну вотъ, хорошо... Прошу садиться... И позвольте вашу руку.

Но князь не спѣшилъ. Онъ вынулъ медленно изъ кармана портсигаръ, попросилъ разрѣшенія закурить и, затянувшись нѣсколько разъ дымомъ папиросы, началъ говорить.

Digitized by Google

— Мнѣ, право, ужасно неловко, что я долженъ обратиться къ вамъ съ такою деликатною просьбою. Простите пожалуста, я не вѣрю ни въ предначертанія судьбы, ни въ возможность предвидѣть ихъ какими либо путями. Мнѣ очень непріятно огорчать васъ такимъ признаніемъ...

— Она ничего не сказала, но смотрѣла на него такимъ взглядомъ, въ которомъ ясно было написано: такъ зачѣмъ же, въ такомъ случаѣ, ты пришелъ сюда?

— Я угадываю что вы думаете, продолжалъ князь, глядя прямо на нее. Я угадываю, повторилъ онъ, чувствуя, что поблекшія черты лица этой, сидящей передъ нимъ въ скромномъ, черномъ нарядѣ женщины, вдругъ начинаютъ точно оживать и преображаться въ какой то другой, неясный, хорошо знакомый, но давно позабытый образъ. Что такое, что такое, гдѣ, когда? неотступно вертѣлась ноющая мысль въ его головѣ, въ то время, какъ его голосъ ровно и спокойно старался изложить причины такого ранняго визита.

— Мнѣ очень неловко все это, но дѣло идетъ, можетъ быть, о спасеніи человѣческой жизни. Жизни молодой, цвѣтущей, ну однимъ словомъ, жизни одного моего хорошаго друга. Сегодня у васъ будетъ одна дама. Я вамъ не стану описывать подробно ея наружность, она настолько отличена оригинальною красотою, что вы, конечно, сразу-же узнаете ее. Она хочетъ погадать, такъ какъ вѣритъ въ это. И вотъ, если можно... Я не знаю, право, даже... Ну, однимъ словомъ, вы мнѣ сдѣлали бы громадное одолженіе, за которое я готовъ отблагодарить васъ,

Digitized by Google

какъ вамъ будетъ угодно, если бы убѣдили ее уѣхать отсюда немедленно... Но нужно умѣть это сдѣлать. Она упряма и неустрашима, запугать всякими грядущими ужасами ее трудно. Вотъ, если бы, напримѣръ, попробовать, что дома, въ деревнѣ, случилось какое нибудь несчастье, она, можетъ быть, тотчасъ же вернется туда. Вообще придумать что нибудь такое, въ этомъ родѣ. Я бы могъ разсказать болѣе подробно, почему меня тревожитъ такъ ея участь. Но, это все равно для васъ не интересно. Такъ вотъ, если бы вы могли обѣщать мнѣ...

Князь замолчалъ и посмотрѣлъ снова ей въ лицо взглядомъ человѣка, который, не ожидая отвѣта, привыкъ сразу опредѣлять впечатлѣніе, производимое его словами. И снова усиленно заработала его мысль, перебирая съ лихорадочною быстротою въ памяти, среди нагроможденныхъ тамъ тысячъ воспоминаній и лицъ, что то хорошо знакомое и давно позабытое.

Гадалка сидѣла неподвижно, опустивъ рѣсницы. И, когда онъ замолчалъ, медленно, раздѣляя слова, проговорила:

Эта женщина рыжая, князь?

Онъ слегка вздрогнулъ. Она его знаетъ? Возможность быть узнаннымъ непріятно кольнула его самое больное мѣсто. И онъ уже готовъ былъ раскаиваться, что вздумалъ продѣлать всю эту смѣшную комедію ранняго визита къ какой то шарлатанкѣ, обморачивающей публику разными манипуляціями. Но теперь, все равно, отступать уже не стоило.

— Она не рыжая, цвѣтъ ея волосъ скорѣе на-

Digitized by Google

поминаетъ расплавленную золотистую бронзу, отвѣтилъ онъ.

— Рыжая, съ зелеными глазами, тихо, словно нанизывая одно слово на другое, продолжала гадалка. Рѣсницы ея не поднимались, все блѣдное лицо какъ бы застыло въ одномъ напряженіи какой то сосредоточенной мысли и только въ большихъ синихъ кругахъ, окружавшихъ глаза, трепетали и бились тонкія, едва замѣтныя жилки.

— Ея участь безпокоитъ васъ, продолжала гадалка. Почему? Потому что вы ее любите, можетъ быть сами не сознавая этого...

Она схватила вдругъ его руку, повернула ее ладонью вверхъ и, прежде чѣмъ онъ подумалъ о сопротивленіи, быстро заговорила:

— Любовь сильная, всеобъемлющая, какъ всякая запоздалая любовь. Но дороги расходятся въ разныя стороны и очень скоро. Съ ея стороны—путь невеликъ, вотъ самая короткая извилинка. Я вижу князь вашъ скорый отъѣздъ и вотъ, цѣлая сѣть излучинокъ, много, много крупныхъ непріятностей...

Онъ грубо, съ досадою выдернулъ свою руку и, вставая, сухо сказалъ:

— Извините пожалуста, я уже имѣлъ честь предупредить васъ, о единственной цѣли моего посѣщенія. Я вовсе не намѣренъ выслушивать разныя предсказанія о моей судьбѣ, о моей любви... Или просить вѣрныхъ средствъ для взаимности, тайна которыхъ также, вѣроятно, входитъ въ вашу профессію, подчеркнулъ онъ.

Гадалка сверкнула на него своими темными

Digitized by Google

глазами и ему показалось, что онъ близокъ къ тому, чтобы вспомнить что то давно позабытое, но хорошо, близко знакомое... Еще одно незначительное усиліе памяти, еще одинъ взглядъ изъ подъ этихъ опущенныхъ длинныхъ рѣсницъ...

Послышался легкій звонокъ отъ придавленной ея рукою кнопки и на порогѣ появилась служанка.

Проводите господина, сказала тихо гадалка, не поднимая глазъ.

Князь досталъ изъ кармана портмонэ, но въ комнатѣ уже никого не было. Гадалка исчезла такъ безшумно и такъ быстро, что онъ удивленно обвелъ глазами вокругъ два раза.

Онъ пожалъ плечами, положилъ на столъ два червонца и вышелъ черезъ открытую веранду, всю завитую кистями лиловыхъ цвѣтовъ глициніи, къ дремавшему на козлахъ извощику.

X.

Прошло еще два дня. Служебныя извѣстія становились все тревожнѣе и тревожнѣе, безчисленныя телеграммы о все увеличивающихся залежахъ, достигшихъ уже такихъ размѣровъ, что самая мысль о возможности справиться съ ними казалась неосуществимой, перепутывались съ какими то таинственными, глухими слухами о начинавшихся повсюду стачкахъ, забастовкахъ, о взрывахъ народнаго движенія, разливавшагося по странѣ какою то слѣпою, стихійною силою. А здѣсь все шло по старому... Люди веселились, утонченно наслаждались всѣми благами жизни, среди заманчивыхъ красотъ при-

Digitized by Google

роды и аромата яркихъ осеннихъ цвѣтовъ, разливавшагося въ воздухѣ цѣлыми волнами.

Одинъ только Иванъ Петровичъ сразу какъ то осунулся, насупился и упалъ духомъ. Его душевное равновѣсіе аккуратнаго до педантизма чиновника, было нарушено до основанія этими насунувшимися какою то безнадежною стѣною со всѣхъ концовъ просьбами, мольбами. Съ другой стороны, онъ инстиктивно чувствовалъ, что надвигается какая то невѣдомая до сихъ поръ гроза и уже видны, пока еще неясно, отдаленныя вспышки молніи, слышны глухіе громовые раскаты. Ему казалось, что идетъ какой то неотразимый ураганъ, который можетъ все смести на своемъ пути безъ остатка... И рухнутъ, со всѣмъ прочимъ, и всѣ прочные устои чиновничьяго благополучія, со всѣми почестями, наградами, и готовой, блестящей карьерой впереди.

За утренними докладами онъ былъ скученъ и мраченъ, по вечерамъ не показывался вовсе, запираясь на ключъ и пробуя хотя бы немного разобраться въ цѣлыхъ ворохахъ разбросанныхъ въ двухъ занимаемыхъ имъ комнатахъ, бумагъ. Нужно уѣзжать, скорѣе уѣзжать, ваше сіятельство, настойчиво оффиціально твердилъ онъ князю каждый день послѣ доклада, упорно отказываясь теперь отъ всякаго участія въ дальнѣйшихъ экскурсіяхъ и беззаботномъ времяпрепровожденіи. Готовится что-то нехорошее. Публика теперь уже вся насторожѣ и давно бы разбѣжалась, если бы не ваше присутствіе здѣсь. Она разсуждаетъ, что разъ вы такъ покойно продолжаете оставаться тутъ, то значитъ всѣ слухи и разговоры преувеличены.

Digitized by Google

Можно подумать, отвѣтилъ улыбаясь, князь, что вы задались цѣлью разогнать всю публику. Но дѣла, дѣйствительно, очень тревожны... Хорошо, мы уѣдемъ...

Онъ хотѣлъ сказать — послѣ-завтра, и сказалъ: черезъ три дня.

Ему казалось невозможнымъ оставить именно теперь Хризантему на произволъ судьбы, какъ онъ думалъ, лицомъ къ лицу съ этимъ человѣкомъ, который уже мчится сюда, очертя голову, снѣдаемый страстью и ревностью. И найдетъ тутъ, вмѣсто раскрытыхъ объятій и горячаго привѣта, одно только чувство холодной ненависти и презрѣнія.

Ему представлялось, что все это должно окончиться какой-нибудь ужасной драмой. Онъ отлично понималъ, что ни предотвратить ее, ни смягчить, совершенно не въ его силахъ, и въ то же время, какое-то охватившее его полное безволье, заставляло остаться здѣсь, быть очевидцемъ того, одна мысль о чемъ бросала его въ дрожь. И напрасно длинныя шифрованныя телеграммы приносили въ послѣдніе дни такія поражающія новости, которыя въ другое время заставили бы его бросить все и спѣшить туда, гдѣ сосредоточился центръ управленія всею страною. Стоило только увидѣть ему зеленые глаза Хризантемы, и все остальное покрывалось сейчасъ же какою-то дымкою тумана. Она же оставалась по прежнему жизнерадостна и безпечна, хотя облачка задумчивости и какой-то скрытой тревоги все чаще набѣгали на ея лицо, во время самой оживленной бесѣды.

— Вы боитесь? спросилъ ее разъ князь.

Digitized by Google

— Я никогда ничего не боялась и ничего не боюсь, отвѣтила она твердымъ голосомъ, но мнѣ обидно за себя. Я чувствую, что моя ненависть къ этому человѣку можетъ проявиться въ самой грубой, въ самой некрасивой формѣ, и мнѣ такъ непріятна одна мысль о возможности этого.

— Лучше было послушать дружескаго совѣта и уѣхать во время, тихо сказалъ онъ.

— Бѣжать? пожала она плечами. Ну нѣтъ, никогда. Я начну съ того, что прикажу запереть всѣ двери и не принимать его. Одинъ видъ его приведетъ меня, я чувствую, въ бѣшенство...

На третій день утромъ полковникъ явился ранѣе обыкновеннаго.

Это всегда было признакомъ, что произошло нѣчто экстраординарное. Со времени невольной встрѣчи у гадалки, князь не могъ безъ подавленной улыбки видѣть полковника. Ему тотчасъ же представлялась картина, какъ этотъ добродушный толстякъ, неизвѣстно почему вообразившій себя влюбленнымъ, и неизвѣстно для чего изыскивающій таинственные способы внушить любовь къ себѣ, изобрѣтаетъ разные дипломатическіе фокусы, для обладанія не самымъ любимымъ существомъ, а пока только принадлежащею ему кофтою. Князь почему-то былъ убѣжденъ, что кофточка Хризантемы навѣрное нашла себѣ пріютъ на волосатой груди полковника. И, по нѣкоторымъ пріемамъ послѣдняго, онъ замѣчалъ, что полковникъ, строго блюдущій свою тайну, осторожно пробуетъ зондировать почву, не начинаетъ ли уже дѣйствовать магическій талисманъ.

Digitized by Google

Но на этотъ разъ лицо полковника изображало множество всевозможныхъ чувствъ, среди которыхъ результаты ночной игры въ бакарра занимали уже не главное мѣсто. И, дѣйствительно, не успѣлъ онъ поздороваться, какъ тотчасъ же, таинственнымъ полушепотомъ, приставивъ руку ко рту, хотя кромѣ ихъ двухъ въ комнатѣ никого не было, произнесъ:

— Пріѣхалъ... Чертъ бы его подралъ! На разсвѣтѣ пароходомъ...

— Кто пріѣхалъ? съ дѣланнымъ удивленіемъ спросилъ князь, сразу догадавшись въ чемъ дѣло.

— Да этотъ, какъ его... Княгининъ маляръ. Мнѣ пароходный агентъ передалъ по телефону прямо въ клубъ. Хорошій онъ человѣкъ, я его просилъ вообще, если случится что-нибудь интересное... Игра сегодня затянулась и меня выпотрошили до дна. Вообще, ужасная мерзость на душѣ. Получилъ срочную бумагу, немедленно требуютъ домой. Тамъ у насъ съ флотомъ что-то очень не спокойно, всюду тревога, страхъ, всѣ потеряли голову и ждутъ каждый моментъ чего-то ужаснаго. Но при чемъ тутъ наша комиссія? Какое ей дѣло до этого, да и вообще до всего на свѣтѣ? Для чего мнѣ туда, спрашивается, ѣхать? Чтобы какой-нибудь мерзавецъ воткнулъ мнѣ въ животъ штыкъ? Или всадилъ въ затылокъ пулю? Благодарю покорно. А что-то будетъ, что-то будетъ... Подъ насъ незамѣтно подсунули бочку съ порохомъ, князь.

Полковникъ грустно побарабанилъ пальцами по столу и вздохнулъ.

Теперь уже въ природѣ наступалъ, очевидно,

Digitized by Google

переломъ. Облака такъ долго и игриво рѣзвившіяся легкими фантастическими сильфидами на верхушкахъ фіолетовыхъ скалъ и стыдливо прятавшіяся оттуда въ глухія ущелья, собрались въ тяжелыя тучи и угрюмо, зловѣще ползли по скатамъ горъ, все ниже и ниже, съѣдая безслѣдно все то, что попадалось имъ по пути. Здѣсь, внизу, было еще тихо, но оттуда, сверху, уже доносился глухой шумъ гудѣвшаго своею, быстро осыпающейся разноцвѣтною листвою, лѣса и стонъ не могущаго выбраться изъ глубокихъ лабиринтовъ сквозныхъ ущелій вѣтра. И море, у береговъ, подъ защитою нависшихъ надъ нимъ каменныхъ громадъ, продолжавшее еще радовать взоръ своею тихою синевою, тамъ, вдали, уже начинало бурлить и темнѣть. И видно было, какъ все выше поднимаются, то догоняя другъ друга, то вдругъ разсыпаясь во всѣ стороны, точно необозримое стадо испуганныхъ чѣмъ-то бѣлыхъ овецъ, бѣлоснѣжные гребни на его темнѣющей поверхности.

Князь ничего не отвѣчалъ. Онъ молча повязывалъ свой галстукъ передъ зеркаломъ и умышленно медленно возился надъ все неудававшимся ему бантомъ. Въ головѣ у него какимъ-то глухимъ эхомъ отзывалась послѣдняя фраза полковника. Что-то будетъ, что-то будетъ! Онъ замѣтилъ еще вчера, что почти на всѣхъ, обыкновенно такихъ беззаботныхъ, самодовольныхъ лицахъ баловней судьбы, собиравшихся на широкихъ, свѣтлыхъ террасахъ этого дорогого отеля, была написана теперь какая-то неопредѣленная тревога, растерянность и недоумѣніе передъ чѣмъ то неизвѣстнымъ, таинственно и быстро надвигавшимся со всѣхъ сторонъ. Но образъ Хри-

Digitized by Google

зантемы, неотступно стоявшій въ его воображеніи во всѣ тѣ часы, когда онъ не могъ видѣть ее возлѣ себя, заслонялъ передъ нимъ собою весь остальной міръ и подавлялъ всѣ его намѣренія и волю.

Въ природѣ неотразимо, неудержимо надвигалась гроза и отдаленные раскаты грома, съ глухимъ рычаніемъ ударявшаго о заплакавшія цѣлыми каскадами свѣтлыхъ слезъ скалы, точно пробудили князя. И онъ, впервые неослѣпленный всецѣло поглотившимъ его чувствомъ, взглянулъ открытыми глазами впередъ, взглянулъ и вздрогнулъ отъ вдругъ охватившаго его безъотчетнаго страха, передъ этимъ таинственнымъ „что-то будетъ". Сейчасъ же нужно приказать собираться, подумалъ онъ, точно стряхнувши съ себя какой-то столбнякъ. И завтра же, безо всякихъ дальнѣйшихъ откладываній, въ путь.

И, покончивши наконецъ съ бантомъ, онъ опустился въ качалку и спокойно произнесъ:

— Завтра утромъ я уѣзжаю...

Полковникъ вскинулъ удивленно на него глаза и съ минуту ничего не говорилъ, словно ожидая какихъ нибудь разъясненій. Но князь молчалъ.

— А какъ же этотъ... живописецъ? сказалъ наконецъ полковникъ. Остается одинъ, можно сказать, на полѣ брани? Съ беззащитною женщиною? И, по своей дурацкой натурѣ дикаря, чего добраго, натворитъ чертъ знаетъ чего? Благодарю покорно...

— Что дѣлать, пожалъ плечами князь. Я предупреждалъ, просилъ... Есть женщины, которыя не подаются никакимъ доводомъ благоразумія, а тѣмъ болѣе осторожности. Чѣмъ все это окончится?... Вы скорѣе могли бы остаться здѣсь, дорогой пол-

Digitized by Google

ковникъ, вы знаете, что кромѣ насъ троихъ, у нея ни друзей, ни знакомыхъ. Все остальное окружающее будетъ только радоваться и злословить всякому несчастью, которое можетъ приключиться съ нею. Если бы не эта исторія съ рыжею совою, то и мы, вѣроятно, не удостоились бы ея дружбы. И, если бы вы согласились остаться, то въ васъ, какъ въ мужчинѣ, она могла бы найти во всякую минуту...

Князь скользнулъ взглядомъ по тучной фигурѣ полковника и ему показалось, что на темномъ сюртукѣ выступаютъ узоры надавливающей на него изнутри кружевной кофточки.

Н-да, то есть я хотѣлъ сказать нѣтъ, усиленно забарабанилъ пальцами полковникъ. Конечно, за мною она была бы, какъ за каменною стѣною. Но какъ же комиссія? Вѣдь экстренное предписаніе, немедленно прибыть, на пакетѣ—„секретно„. Тутъ, я вамъ доложу, пахнетъ чѣмъ-то далеко не пріятнымъ. Съ наслажденіемъ бы перетопилъ всѣхъ этихъ мерзавцевъ, которые мутятъ на всѣхъ углахъ и готовятъ еще намъ и не такіе сюрпризы.

Въ дверь постучали и вошелъ секретарь. Лицо его было блѣдно и глаза смотрѣли такъ растерянно, какъ смотрятъ глаза человѣка, который всю жизнь привыкъ чувствовать себя на твердой почвѣ и стоять головою выше другихъ, и у котораго вдругъ, неожиданно, что-то выскользнуло изъ-подъ ногъ.

— Иванъ Петровичъ! произнесъ князь, завтра утромъ мы ѣдемъ, на этотъ разъ рѣшительно и безповоротно. Нужно приказать немедленно укладываться...

Digitized by Google

Но секретарь не обнаружилъ при этихъ словахъ никакихъ чувствъ: ни радости, ни печали. Онъ какъ-то развинченно опустился въ кресло и, кладя на столъ нѣсколько телеграммъ, глухимъ голосомъ сказалъ:

— Поздно... Началась забастовка на дорогахъ...

— Что-о? воскликнулъ князь, широко раскрывая глаза. Какая забастовка, гдѣ?

— Вотъ только что полученныя телеграммы... Читайте.

И, съ видомъ человѣка, потерявшаго всякое понятіе о строгихъ традиціяхъ вылощенной бюрократической субординаціи, онъ отрывистымъ движеніемъ руки подвинулъ телеграммы въ сторону князя, а самъ, не спрашивая обычнаго позволенія, вынулъ и равнодушно закурилъ папиросу.

— Позвольте, я прочту, предложилъ полковникъ.

И онъ началъ.

На Н-ской дорогѣ — полная забастовка... Поѣзда остановлены и брошены въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ застало увѣдомленіе стачечнаго комитета, изъ паровозовъ выпущены пары, всѣ служащіе ушли... На С-ской дорогѣ — то же самое... На Х-ской дорогѣ — забастовали всѣ служащіе въ мастерскихъ, полная забастовка остальныхъ ожидается съ минуты на минуту... На К-ской дорогѣ... На В-ской дорогѣ...

И по мѣрѣ того, какъ полковникъ читалъ, обрисовывалась ясно картина какого-то общаго, грандіознаго движенія, подготовленнаго въ глубокой тайнѣ и искусно направляемаго чьей-то

Digitized by Google

умѣлою, невидимою рукою. Забастовка быстро шла по всѣмъ радіусамъ, двигаясь отъ центра къ югу, сѣверу, востоку и западу. И десятки тысячъ людей, которые еще вчера всецѣло зависѣли отъ воли и распоряженія князя и слѣпо подчинялись ему, теперь сразу бросили все вдругъ на произволъ судьбы и ушли, или, охваченные глухимъ озлобленіемъ, свирѣпо жгли и ломали паровозы, вагоны, машины въ мастерскихъ и все, что попадалось имъ подъ руку.

Не успѣлъ полковникъ дочитать послѣдней телеграммы, какъ лакей подалъ цѣлую пачку новыхъ. И, какъ прежде во всѣхъ нихъ основнымъ лейтмотивомъ звучали слова, — гніетъ, гніетъ, гніетъ, такъ теперь всѣ онѣ были переполнены словами—бастуютъ, бастуютъ, бастуютъ...

Съ полудня телеграммы посыпались уже настоящимъ, безпрерывнымъ дождемъ. Полковникъ охрипъ отъ чтенія и, вставши съ рѣшительнымъ видомъ, началъ прощаться.

— Великолѣпно, ворчалъ онъ, картина ясна и понятна даже грудному младенцу. Дальше я не совѣтую вамъ заниматься этою литературою, она, очевидно, будетъ безконечна и однообразна до унынія. Вотъ ужъ, дѣйствительно, благодарю покорно! Счастливъ мой богъ, что мнѣ не нужно ѣхать и полвершка по вашимъ желѣзнымъ дорогамъ, чтобы добраться до моей комиссіи. Я сейчасъ же по телефону прикажу немедленно подать себѣ экипажъ. Пароходъ будетъ только завтра утромъ. А до завтра и пароходы могутъ забастовать, и, чего добраго, устроятъ забастовку даже почтовыя клячи. А

Digitized by Google

ужъ что подлецы-ямщики всѣ перепьются, благодаря такому экстраординарному случаю, въ этомъ не можетъ быть никакихъ сомнѣній... И свалитъ тебя по дорогѣ какой-нибудь каналья въ бездонную пропасть. Нѣтъ, ужъ благодарю покорно! Не доберешься цѣлымъ и до матросскаго штыка...

Онъ ушелъ, сердито вращая глазами и въ полголоса нанизывая какую-то безконечную цѣпь изъ самыхъ отборныхъ морскихъ ругательствъ. Ему было вдвойнѣ обидно: и за эти, такъ внезапно откуда-то свалившіяся прямо на голову невзгоды и, главное, за то, что онъ уже не будетъ имѣть возможности отыграть свой вчерашній проигрышъ.

На террасѣ царило большое оживленіе. Только на этотъ разъ въ немъ мало замѣтно было веселья и беззаботности, за то сколько угодно плохо скрытаго чувства страха и той томительной неизвѣстности, которая часто граничитъ съ безразсудною паникою. Господствовавшее тутъ всегда надъ всѣми остальными чувствами, чувство корректности и благовоспитанности, сразу куда-то исчезло. Воздухъ былъ пропитанъ самыми нелѣпыми слухами и предположеніями, порождавшими тутъ же еще болѣе нелѣпыя выдумки, всѣ громко говорили и нервно жестикулировали, не слушая и перебивая другъ друга. Когда полковникъ вышелъ отъ князя, къ нему потянулись со всѣхъ сторонъ руки совершенно незнакомыхъ людей, его хватали за рукава и осыпали цѣлымъ градомъ отрывистыхъ, безпорядочныхъ вопросовъ:

— Скажите, разскажите пожалуста... Вѣдь вы прямо отъ князя... Тамъ, навѣрное, все уже извѣстно,

Digitized by Google

все знаютъ... Неужели, это все правда? И такъ ужасно? Что-же насъ ожидаетъ?...

Полковникъ на минуту остановился, атакованный со всѣхъ сторонъ, обозленный однимъ видомъ этихъ растерявшихся и безпомощно мятущихся людей.

— Ошарашить развѣ сейчасъ, для потѣхи, всю эту перетрусившую, благовоспитанную сволочь чѣмъ нибудь такимъ, что бы они сразу прыснули во всѣ стороны, какъ воробьи? подумалъ онъ. Что бы это такое, получше, изобрѣсти?...

Но вдругъ онъ увидѣлъ сухой профиль барона, который, среди всей этой растерянной суеты, спокойно сидѣлъ въ своей любимой позѣ, вытянувъ на стулѣ прикрытыя пледомъ ноги и равнодушно, презрительно глядя своими выцвѣтшими глазами въ черную, угрюмую морскую даль. Этого ничѣмъ не испугаешь, подумалъ полковникъ, его можно не терпѣть, но все-же уважать. А что касается до этихъ, остальныхъ...—Ему пришло въ голову, что если онъ ошарашитъ ихъ, то они въ одинъ мигъ могутъ расхватать всѣхъ лошадей, а онъ останется на мели.

И полковникъ, махнувъ рукой, съ какимъ то глухимъ, неопредѣленнымъ ругательствомъ, поспѣшно спустился внизъ и, вскочивши въ первый извощичій экипажъ, крикнулъ:

Пошелъ живѣе на почтовую станцію... Рубль на чай...

XI.

Въ комнатахъ, занимаемыхъ княземъ, шли поспѣшные сборы къ отъѣзду. Чувствуя, что его обычная выдержка и способность не теряться въ самыхъ

Digitized by Google

рискованныхъ, неожиданныхъ положеніяхъ, на этотъ разъ измѣняетъ ему и голова кружится отъ всего этого сумбура, князь рѣшилъ на разсвѣтѣ выѣхать и въ пути, до ближайшей желѣзнодорожной станціи обдумать все болѣе спокойно. Три ближайшія дороги еще не примкнули къ общей забастовкѣ и онъ надѣялся, что ему, который былъ всегда такъ всѣмъ доступенъ и такъ простъ въ обращеніи съ самыми маленькими служащими, удастся какъ нибудь проскочить туда, гдѣ онъ чувствовалъ столь необходимымъ свое присутствіе теперь, когда, какъ ему казалось, вся громадная страна вдругъ зашаталась, подъ напоромъ богъ знаетъ откуда налетѣвшаго урагана. Въ глубинѣ души князь считалъ себя очень популярнымъ человѣкомъ среди своихъ подчиненныхъ и эта увѣренность придавала ему большія надежды. На мгновеніе, мысли его переносились туда, въ верхній этажъ, и его воображенію рисовалось происходившее тамъ въ самыхъ мрачныхъ, кровавыхъ краскахъ. Но онъ рѣшилъ твердо никуда не выходить и никого не принимать.

Вечеромъ, когда всюду засверкало электричество, и князь сидѣлъ у себя въ полумракѣ, у окна комнаты, выходившей въ садъ, пробуя разобраться въ своихъ мысляхъ и планахъ, въ дверяхъ показался лакей съ чѣмъ то бѣлѣвшимъ на подносѣ.

Князь недовольно нахмурился...

— Я вѣдь просилъ уже, холодно сказалъ онъ, всѣ дальнѣйшія телеграммы, какія будутъ, отсылать къ Ивану Петровичу и не безпокоить меня...

— Телеграммъ больше нѣтъ, ваше сіятельство. Получено извѣстіе, что телеграфъ забастовалъ. Это

Digitized by Google

письмо приказано передать вашему сіятельству сверху...

Князь взялъ конвертъ, обождалъ, пока лакей вышелъ и повернулъ кнопку электрической лампочки. Онъ впервые видѣлъ почеркъ Хризантемы. Ровно, отчетливо и мелко написанныя какими то особенно яркими чернилами строки, переливаясь радужными оттѣнками, смотрѣли на него съ листа плотной, пахнущей сильными духами бумаги. Позабытое, благодаря впечатлѣніямъ, бившимъ, точно ударами дубины, въ теченіи цѣлаго дня волненіе, снова охватило его и сердце учащенно забилось. Можетъ быть она измучилась, истерзалась отъ соприкосновенія въ теченіи столькихъ часовъ съ человѣкомъ, къ которому ничего, кромѣ чувства ненависти и отвращенія, не питаетъ. И который требуетъ отъ нея любви и ласки только по одному праву самца, грубо овладѣвшаго въ минуту слабости женщиною и считающаго поэтому ее своею безспорною добычею до того времени, пока она не надоѣстъ ему и онъ не броситъ ее. Можетъ быть усталая, обезсиленная, со сломанною въ неравной борьбѣ гордостью, она зоветъ теперь на помощь его. Что онъ вытворяетъ тамъ на свободѣ, этотъ сумашедшій художникъ? Плачетъ, умоляетъ, или грозитъ убить себя, ее? Во всякомъ случаѣ, если онъ не поспѣшилъ привести свои угрозы въ исполненіе, то теперь, когда прошелъ уже цѣлый день отъ момента встрѣчи... Нѣтъ, Хризантема не изъ тѣхъ, которыя блѣднѣютъ передъ мужскими угрозами, или плачутъ сами, при видѣ мужскихъ слезъ. У самаго ослѣпленнаго безумца, развѣ сможетъ подняться рука на

Digitized by Google

такую женщину? Единственно, что она могла предложить ему, это стрѣляться, или топиться самому, если ужъ ему такъ хочется, гдѣ нибудь въ другомъ, болѣе удобномъ мѣстѣ, подальше отъ нея. Но очевидно острый моментъ первой встрѣчи двухъ существъ, еще недавно близкихъ, и изъ которыхъ одно ненавидитъ теперь другое всѣми фибрами своей души, миновалъ благополучно. Она вернула себѣ свободу... И вотъ, въ такую минуту, приходится уѣзжать...

Князь горько усмѣхнулся... Въ воображеніи его мелькнуло яркое, голубое море, бѣлые, подслѣповатые домики прибрежнаго алжирскаго городка, стройныя пальмы, неподвижно нѣжащіяся подъ горячими лучами солнца, въ перемежку со стройными, островерхими минаретами...

Не торопясь, точно оттягивая то наслажденіе, которое должно было доставить ему содержаніе этого письма, онъ началъ читать его. И, по мѣрѣ того, какъ глаза его пробѣгали ровныя, тонкія строки, на лицѣ все сильнѣе и сильнѣе отражалось чувство удивленія и досады...

Князь! писала Хризантема. Несмотря на тяжелую драму, которую мнѣ сегодня пришлось пережить, до меня все же донеслись отголоски внѣшняго міра. Говорятъ, что наступаетъ уже начало какого-то хаоса и вы завтра утромъ уѣзжаете. Первое мнѣ безразлично... Я отъ души желала бы такого взрыва, который разнесъ бы до основанія всю уродливую накипь, застывшую въ такихъ формахъ надъ нашею родиною и сдѣлавшую всю ея жизнь такою безобразно-жалкою и достойною и сожалѣ-

Digitized by Google

нія и презрѣнія. Но я не вѣрю въ это... Смерчъ промчится бурною вспышкою, поломаетъ отдѣльныя деревья, а потомъ снова воцарится все старое, немного смятое, прибитое, а потому вдвойнѣ осторожное и жестоко-мстительное. И на верху снова очутятся люди, можетъ быть немного въ другой формѣ, вродѣ моего дѣда, моего дяди...

Второе—вы уѣзжаете...

Князь, милый, добрый князь! Можетъ быть, смерчъ поглотитъ и васъ, и вы попадете въ число сломанныхъ имъ деревьевъ. И съ вершинъ власти васъ свалятъ въ пропасть... Но, чтобы ни случилось, придется ли намъ встрѣтиться когда-либо, или нѣтъ, я сохраню навсегда о васъ и о моей встрѣчѣ съ вами самое свѣтлое, самое теплое чувство. И—кто знаетъ, если бы еще немного... Но я прошу, князь, не приходите ко мнѣ прощаться. Не нужно... Вы думаете, я боюсь чего-нибудь? Нѣтъ, вовсе нѣтъ. Но такъ будетъ лучше!... Вы знаете, я всегда откровенна. Этотъ другой снова владѣетъ мною... Какъ это случилось, я сама не могу отдать себѣ отчета. Пока я не видѣла его, чувству ненависти моей къ нему, казалось, не было предѣловъ и это чувство все росло и росло, безъ границъ и безъ конца. Я презирала себя за то, что подъ вліяніемъ минутнаго, непонятнаго увлеченія, могла отдаться и такъ долго принадлежать этому человѣку. Я перебирала въ памяти его слова, его поступки, его умозаключенія, наконецъ, даже его внѣшность и находила всюду однѣ только отрицательныя черты. Когда я сегодня утромъ, не столько услышала, сколько почувствовала его торопливые

Digitized by Google

шаги по корридору и, вслѣдъ за этимъ, раздался его нервный стукъ въ мою дверь, у меня было одно желаніе, - желаніе, чтобы на этого человѣка свалился потолокъ и превратилъ бы его, такого сильнаго и нетерпѣливаго, въ безформенную лепешку. Я ждала проклятій, слезъ, яростнаго гнѣва и приготовилась...

Но онъ вошелъ и просто взялъ меня... Такъ просто... Такъ просто... И снова стало все по прежнему, и снова я вещь въ рукахъ его. Сильная женщина, не разъ называли вы меня. Да, но все же женщина...

Прощайте милый, славный, дорогой князь! Я остаюсь пока здѣсь. А потомъ, -не знаю, что будетъ потомъ... Вѣроятнѣе всего уѣду на всю зиму въ наши дремучіе лѣса, чтобы быть нѣмою свидѣтельницею примитивныхъ романовъ моего мужа. Онъ первобытный человѣкъ въ этомъ отношеніи. Но, развѣ я, не тоже самое? И не служитъ ли лучшимъ доказательствомъ этого такое полное подчиненіе мое человѣку, благодаря одной только физической ласкѣ его?

Еще разъ прощайте... Помните, Алжиръ, голубое море, бѣлые домики подъ зелеными пальмами?... Ахъ, князь! Какая это сплошная и сложная загадка вся наша жизнь...

XI.

На разсвѣтѣ, карета запряженная четверикомъ, стояла у террасы отеля. Вещи отправили впередъ еще ночью и теперь у подъѣзда суетился самъ почтосодержатель, съ явившимися провожать представителями мѣст-

Digitized by Google

ной власти. На козлахъ, немного согнувшись отъ холода, сидѣлъ бородатый ямщикъ, весь погруженный въ глубокія думы. Наканунѣ вечеромъ онъ ходилъ на какое то собраніе, куда его потащили молодые ребята, гдѣ всѣ галдѣли и гдѣ какіе то незнакомые мужчины и женщины, надрывая глотку, кричали, что скоро не будетъ ни господъ, ни слугъ, ни богатыхъ, ни бѣдныхъ и всѣ будутъ равные промежъ себя. И вотъ онъ, проямщиковавшій всю свою жизнь, пробовалъ теперь разобраться во всѣхъ этихъ посулахъ и думалъ больше всего о томъ, куда же дѣнутся при новыхъ порядкахъ ямщики, кого они будутъ возить и кто будетъ давать имъ на чай?

И ему становилось такъ грустно, такъ досадно...

А вѣтеръ, разгулявшійся за ночь на морскомъ просторѣ, завывалъ теперь съ такою силою, точно хотѣлъ опрокинуть и снести всю эту громаду скалъ, которая непоколебимо противустояла всѣмъ его яростнымъ приступамъ. Далеко, далеко, гдѣ то въ безграничныхъ восточныхъ степяхъ, сорвался онъ съ цѣпи и, взбудораживши на своемъ пути тихо дремавшее море, неудержимыми порывами несся все дальше и дальше. Море кипѣло, ревѣло и его мутные, желтые валы, высоко поднимаясь одинъ надъ другимъ, въ безсильной ярости бились о берегъ, оставляя каждый разъ на пескѣ причудливыя ожерелья жемчужной пѣны и кучи взрытыхъ съ самого дна круглыхъ камней. Горы теперь уже совсѣмъ скрылись за низко осѣвшими, тяжелыми тучами. И цѣлые хороводы желтыхъ, красныхъ и зеленыхъ листьевъ, сорванныхъ съ наполовину оголенныхъ за

Digitized by Google

одну ночь деревьевъ, бѣшено кружились во всѣхъ направленіяхъ.

Князь, поднявъ воротникъ теплаго пальто, быстро сошелъ внизъ къ каретѣ. Спускаясь съ террасы, онъ взглянулъ украдкою на балконъ, куда выходили комнаты княгини. Но тамъ было все пусто. Двери были закрыты, надъ ними билась, точно подстрѣленная птица крыломъ, полусорванная парусиновая маркиза и трепетали въ опрокинутыхъ вѣтромъ карзинахъ гирлянды увядшихъ и полузасохшихъ хризантемъ,— послѣдняя память былого.

Почтительно подсаживаемый съ двухъ сторонъ въ карету исправникомъ и почтосодержателемъ, князь уже хотѣлъ захлопнуть дверцу и вдругъ вздрогнулъ, услышавши знакомый скрипучій голосъ и сухой смѣхъ Это былъ баронъ. Ему, очевидно, не спалось отъ нахлынувшихъ сразу, такъ же внезапно, какъ нахлынула, послѣ такихъ безоблачныхъ, чудныхъ дней эта буря, событій и онъ, весь переполненный желчью, съ ноющею болью во всѣхъ костяхъ, уже сидѣлъ на своемъ любимомъ мѣстѣ, рядомъ съ какимъ то господиномъ мрачнаго вида.

— Посмотримъ мы, размѣренно и нарочито громко говорилъ баронъ, какъ теперь справятся всѣ эти скороспѣлые сановники съ тѣмъ самымъ, что они сами посѣяли. Но что всѣхъ ихъ выгонятъ вонъ, въ этомъ можете не сомнѣваться. Я знаю, съ чего начинаютъ поправлять свои собственныя ошибки въ такихъ случаяхъ „тамъ“... Объ этомъ, баронъ еще больше возвысилъ голосъ, объ этомъ останется хотя одно воспоминаніе у потомковъ: вмѣсто прежняго безконечнаго трезвона въ вокзальные колокола, онъ

Digitized by Google

ввелъ три послѣдовательныхъ, короткихъ звонка— разъ, два, три... Про-гре-ссивные реформаторы!..

И баронъ снова захохоталъ своимъ сухимъ, отрывистымъ смѣхомъ...

Но карета уже отъѣхала отъ террасы и смѣхъ барона потонулъ безъ отвѣта въ визгѣ и стонѣ налетѣвшаго порыва бури.

Прошло три недѣли—мѣсяцъ... Однажды вечеромъ, когда полковникъ сидѣлъ у себя и тосковалъ, такъ какъ событія развивались съ неудержимою быстротою, и всѣ клубные партнеры трусили и сидѣли по домамъ, вѣстовой доложилъ ему, что прачка привезла бѣлье.

Полковникъ обрадовался хотя какому нибудь развлеченію. Къ тому же, ему пришло желаніе прихвастнуть передъ прачкою, какой онъ аккуратный хозяинъ, даже самъ слѣдитъ за своимъ бѣльемъ. И онъ скомандовалъ:

— Тащи ее сюда, со всѣми бебехами. И подай замѣтку, гдѣ у тебя тамъ записанъ счетъ...

Постепенно изъ карзины появлялись разныя принадлежности мужского туалета и вѣстовой громко пересчитывалъ ихъ, въ то время какъ полковникъ, надѣвши на носъ пэнснэ, дѣлалъ видъ, что, внимательно розыскивая въ счетѣ, провѣряетъ нужныя рубрики. Но вотъ въ рукахъ у вѣстового сверкнуло что то воздушное, что то прозрачное и матросъ, тѣмъ же безразличнымъ голосомъ, какимъ докладывалъ о сорочкахъ, носкахъ, и простыняхъ, произнесъ:

— Кохта кружевна одна:

Digitized by Google

— Что такое? удивленно спросилъ полковникъ, не разобравши сразу въ чемъ дѣло. Что ты тамъ мямлишь? Ваксы ты наѣлся, что-ли?

— Кохта кружевна одна, повторилъ матросъ.

На этотъ разъ было сказано черезъ-чуръ ужъ отчетливо. Полковникъ положилъ счетъ на столъ, поднялъ голову и взоромъ, полнымъ изумленія и негодованія, смотрѣлъ на вѣстового.

— Это что еще за штуки?

Но вѣстовой продолжалъ стоять такъ же равнодушно, и въ его поднятыхъ рукахъ полковникъ дѣйствительно видѣлъ что то воздушное, легкое, прозрачное...

— Поди сюда, болванъ, наконецъ крикнулъ онъ.

Тонкія кружева, переплетавшіяся самыми прихотливыми, фантастическими узорами, едва уловимый запахъ сильныхъ духовъ, который не могли уничтожить даже кипятокъ и всякія щелочи, вдругъ ясно, въ одинъ моментъ, возстановили въ памяти полковника все то, что было еще такъ недавно, такъ ярко, такъ красиво, такъ живо и тепло и что почти уже ушло изъ памяти, подъ вліяніемъ сыпавшихся одно за другимъ событій новой жизни.

Полковникъ густо покраснѣлъ и вскипѣлъ. Ему казалось, что и матросъ, и прачка еле удерживаются отъ смѣха, пряча свои истинныя чувства подъ маскою трудно выдерживаемаго равнодушія.

— Откуда у тебя эта... дрянь? закричалъ онъ свирѣпо. Это ты, негодяй, пользуясь моею добротою, водишь сюда къ себѣ разныхъ потаскушекъ, да еще подстраиваешь такъ, чтобы я платилъ за стирку тряпокъ твоихъ любовницъ! И навѣрно, уже не пер-

Digitized by Google

вые. Но довольно, благодарю покорно! Теперь каждую статью расхода въ хозяйствѣ, я буду строго контролировать самъ...

— Ваше высокоблагородіе, заговорилъ вѣстовой, дозвольте доложить, что никакъ нѣтъ. Когда вы изволили быть пріѣхамши изъ...

— Пошелъ вонъ, идіотъ, закричалъ полковникъ такъ грозно, что у прачки подкосились отъ страха ноги. И эту тряпку, чтобы духа не было этой тряпки! Я тебя проучу, какъ разорять меня со своими финтифлюшками...

И снова въ комнатѣ стало пусто и тихо...

Полковникъ закурилъ сигару, налилъ себѣ полный стаканъ золотистой мадеры и, прихлебывая ее, задумчиво и грустно глядѣлъ на перебѣгавшіе въ каминѣ, по блестящимъ кускамъ антрацита, огоньки.

Онъ вспоминалъ...

Digitized by Google

Въ туманѣ.

I.

Туманъ катится круглыми, сѣдыми клубами по полю, то низко-низко припадая къ землѣ, словно желая передать ей по секрету какую-то важную тайну, то вдругъ, подъ дуновеніемъ свѣжаго вѣтерка, взлетая птицею кверху... Быстро и неслышно тянется онъ къ далекимъ горамъ и лѣсамъ, проглатывая по дорогѣ своею сѣрою пеленою, и жалкія татарскія деревушки, и сытыя нѣмецкія колоніи, побурѣвшія скирды соломы, бродящихъ по оголенной степи исхудалыхъ лошадей и плетущіяся по грязной, липкой дорогѣ брички съ путниками, укутанными по самыя уши въ бараньи шубы. Словно шутки онъ шутитъ съ проѣзжающимъ народомъ, охватитъ вдругъ, въ одинъ моментъ, все кругомъ своею непроницаемою завѣсою,—и маленькій кустъ бурьяна превращаетъ въ большое дерево, затерявшуюся въ степи старую скирду сѣна—въ фантастическую крѣпость.

Мужикъ Вавила тоскливо плетется по мокрой нивѣ давно уже снятаго и съѣденнаго хлѣба, подгоняя возжами пару своихъ лошаденокъ, запряженныхъ въ деревяную борону. Лошаденки, которыя и

Digitized by Google

не нюхали въ этомъ году ячменя, еле передвигаютъ ногами, уныло поводя своими тощими боками. Чуть не каждые десять шаговъ Вавила, которому надоѣдаетъ безъ конца и безъ результата чмокать губами и шевелить возжами, угощаетъ ихъ для бодрости кнутомъ, но и это испытанное средство дѣйствуетъ только на самое короткое время. Лѣвый — гнѣдой Хорько, прямо-таки сердитъ Вавилу своимъ упорствомъ и, хотя на каждый ударъ кнута отвѣчаетъ только легкимъ, покорнымъ помахиваніемъ хвоста, Вавила видитъ въ этомъ глухой протестъ и укоризну. Ему кажется, что Хорько смѣется надъ нимъ и не ставитъ его, своего хозяина ни въ грошъ. Тоже вѣдь, хотя скотина, а все чувствуетъ, только сказать не можетъ. У него даже въ глазахъ такая скверная мысль свѣтится.

И Вавила, поднимая борону, подъ которую собирается черный, колючій и мокрый курай, отъ скуки фантазируетъ на тему, какъ сильно долженъ презирать его теперь Хорько, и что онъ долженъ о немъ думать. Что? Да ничего хорошаго.

— Тоже, еще хозяинъ называется, читаетъ Вавила въ глазахъ Хорька, хорошъ хозяинъ, нечего сказать. Люди праздновать уже собираются, кабановъ покололи, всякую справу готовятъ, а онъ только знаетъ, курай по степи стягиваетъ. И никакъ нельзя ему не стягивать, потому что не соберетъ курая, будетъ сидѣть въ нетопленной хатѣ, со всѣмъ своимъ кодломъ. Хорошъ хозяинъ, печку вытопить у него въ хатѣ нечѣмъ, вотъ до чего дожилъ. У настоящихъ хозяевъ лошаденки стоятъ теперь въ тепломъ сараѣ, ѣдятъ по два раза въ день полову

Digitized by Google

съ ячменною мукою; смотрѣть на такую жизнь — душа радуется. А у насъ разжива какая? Сегодня солома, завтра солома, вчера солома, да еще съ прогнилью, чуть за сараемъ только шелестѣть ею начинаетъ, уже противно лошадиному брюху становится. Эхъ Вавила, Вавила, недалеко ты уѣдешь съ нами на соломѣ, плохи, братъ, твои дѣла.

— Ну, ну, ты мнѣ не любомудрствуй много, сердится Вавила, которому представляется, что Хорько даже скривилъ свои губы въ насмѣшливую улыбку. И онъ съ сердцемъ перетягиваетъ его раза два ремнемъ. Но тотчасъ же чувствуетъ, что сдѣлалъ что-то нехорошее и ему становится стыдно.

— Что-жъ, бей, если считаешь себя сильнымъ, продолжаетъ Хорько, встряхнувши жалкими клочьями своей перепутанной репяхами гривы и помотавши хвостомъ, только правымъ отъ этого, братъ, не сдѣлаешься. На одномъ кнутѣ тоже много не наработаешь, вотъ жилы послѣднія вытянешь, а тамъ—до свиданія. Какъ протянемъ съ Ваською къ веснѣ ноги, станешь жалѣть, да поздно будетъ.

Вавила чувствуетъ, что его пробираетъ даже дрожь при этихъ мысляхъ Хорька. А что, какъ, въ самомъ дѣлѣ, возьмутъ да протянутъ ноги? Тогда одна дорога—въ батраки идти. Не дай богъ. По привычкѣ, онъ снова взмахиваетъ кнутомъ, но тотчасъ опускаетъ его и ласково, старясь придать своему надтреснутому голосу веселый оттѣнокъ, кричитъ:

— Ну, ну, Хорько, не сердись, братъ, самъ понимаю, что скверны наши дѣла, да что подѣлаешь, братецъ ты мой? Развѣ я самъ радъ волочиться вотъ тутъ теперь, за этимъ проклятущимъ кураемъ,

Digitized by Google

и тебя мучить, и себя морить? Кабы насъ господь не обидѣлъ два года сряду урожаемъ, наплевали-бы мы съ тобою, Хорько, на этотъ самый курай. Шутъ съ нимъ, съ кураемъ, пусть бы его вѣтеръ каталъ во всѣ стороны, пока не занесъ бы куда нибудь въ Сиваши. А мы бы печку топили житнею соломкою, чистенькою, душистою. И спалъ бы ты, Хорько, у меня на соломеной постели, а ужъ кормилъ бы я тебя, братъ, такъ куда и говорить! Половы только такъ, для виду сыпалъ бы въ корыто, а сверху бы все мучицы яшной, побольше мучицы. Носъ бы у тебя всегда бѣлый отъ муки-то былъ бы. Гладкимъ ты сталъ бы, во всѣ стороны раздался бы во-какъ, словно къ попу на службу по приходу ѣздить поступилъ, игралъ-бы — удержу не зналъ. И не вру, ей богу правду говорю. Да и божиться не нужно, самъ помнишь, какъ два года тому назадъ жилъ. Небось, помнишь милый, а, не забылъ, Хорько? Посчитай-ка, родной, сколько ты ячменя тогда за зиму упоролъ. Нѣтъ, братъ, ты хвостомъ не виляй, а посчитай хорошенько. Ты лошадь умственная, потому я съ тобою и говорю серьезно. Вотъ съ Ваською говорить не буду, потому что онъ дуракъ. Ему все равно, что ячмень, что ремень, просто безчувственная скотина. А у тебя въ глазахъ всегда мысль играетъ. Я еще только хомутъ на тебя одѣваю, а уже вижу, какая у тебя дума въ головѣ. А ну, думаешь ты, посмотримъ, какую работу изобрѣтетъ намъ сегодня нашъ идолъ хозяинъ? Не надумается-ли опять, за отсуствіемъ дѣловъ, поѣхать къ монополіи, какъ случилось прошлый разъ? Продержитъ насъ опять полдня голодными на дождѣ,

Digitized by Google

да на холодномъ вѣтрѣ, неукрытыми, неразнузданными, а потомъ пьяный — маршъ-маршъ домой. Перегонки затѣетъ по грязной дорогѣ съ такими-же пьяницами, какъ самъ. Хвастаетъ, хрипитъ, оретъ: я-де обогналъ, мои-де быстрѣе. А почему быстрѣе, потому ли, что лучше глядитъ и кормитъ? Потому только, что больше кнутомъ всыпетъ... Вѣрно я говорю, Хорько?

Гнѣдая лошаденка, словно понимая обращенную къ ней рѣчь, ласково ржетъ и, повернувъ голову, искоса поглядываетъ своими карыми, безотвѣтно добрыми глазами на своего хозяина, продолжая все тѣмъ-же ровнымъ шагомъ тяжело тащить борону.

— Да, братъ, что дѣлать? продолжаетъ вздыхая Вавила, совсѣмъ позабывшій про кнутъ. Пріупалъ я, здорово пріупалъ, если ты Хорько недоволенъ, то и мнѣ не весело. Эхе-хе, другъ ты мой милый, горемычный. Вотъ я старину напомнилъ, ишь ты, даже губами шлепать, милый мой, началъ, какъ про яшную муку тебѣ нагадалъ. Понимаю твою лошадиную душу насквозь, понимаю братъ, дѣйствительно больно оно, послѣ каторжнаго труда за цѣлый годъ, на одной соломѣ тебѣ сидѣть всю зиму. А мнѣ, ты думаешь, большая радость смотрѣть, какъ люди кабановъ колятъ, да колбасу жарятъ? Когда ты ячменемъ лакомился, я тоже колбасой и всѣмъ прочимъ, какъ полагается, угощался въ полную мѣру. И еще, что я тебя, Хорько, спрошу, отчего это, когда человѣкъ пріупадаетъ, злой онъ такой на все становится, сердце его такъ крѣпко распаляется? Вѣдь вотъ хоть самъ по себѣ суди, какъ жили мы въ достаткѣ, и кнута раньше

Digitized by Google

много меньше ты пробовалъ, была у тебя и попона сѣрая, не стоялъ возлѣ кабака на холодѣ и дождѣ непокрытымъ. Почему это такъ на свѣтѣ устроено а, Хорько?

Вавила приподнялъ борону и оглянулся назадъ, много ли кучекъ курая собралось, не пора ли накладывать на мажару и везти домой. Но кучки были рѣдки и малы, черный, примокшій курай рѣзко выдѣлялся на грязно-желтой стернѣ нивы и походилъ издали въ туманѣ на какихъ-то громадныхъ, мохнатыхъ пауковъ, притаившихся и свернувшихся въ ожиданіи добычи. Вавила почесалъ за ухомъ. Ну и годикъ, нечего сказать, даже курай не подродилъ; и снова зашагалъ за своею бороною. На душѣ у него было такъ скверно и гадко послѣ разговора съ Хорькомъ. Вотъ, говорятъ, праздничекъ подходитъ, да вѣдь къ празднику хорошо готовиться тѣмъ, у кого есть, чѣмъ его встрѣтить и проводить. Эхъ-ма, бываетъ же другимъ людямъ счастье, а тутъ прямо тебѣ два года, какъ обрѣзало, только-только впроголодь перебиться—и ничего хорошаго.

И Вавила начинаетъ перебирать въ своей памяти всѣ тѣ извѣстные ему случаи, въ которыхъ людямъ повезло. Одинъ купилъ счастливо хуторъ въ сто десятинъ и теперь живетъ паномъ на всю губу. Другой смаклеровалъ при какой-то продажѣ земли и заработалъ сразу тысячу рублей. Тысячу рублей сразу, легко сказать, такія деньги. Третьему попалась въ жены глупая баба, такая глупая, что онъ ее по два раза въ день колотилъ, но она умнѣе не становилась, а все больше глупѣла. Совсѣмъ извелся съ нею мужикъ, и не думалъ даже, что самая

Digitized by Google

эта ея глупость ему на счастье послужитъ и пользу принесетъ. Ѣхала дура-баба черезъ переѣздъ, сторожиха забыла барьеръ заложить, а тутъ поѣздъ какъ разъ идетъ. Умная бы поняла, придержала бы, а эта знай себѣ претъ и вперла прямо подъ паровозъ. Привезли мужику вмѣсто цѣлой бабы двѣ бабьи половины. Онъ и тому уже радъ, а тутъ выискались добрые люди, сами къ нему изъ города пріѣхали. Желаете, спрашиваютъ, за убитую бабу деньги получить? Удивляется. Мы уже, говоритъ, давно закопали ее, никому и въ думку не пришло, что такой товаръ можетъ требоваться. Это ужъ наше дѣло, говорятъ, пожалуйте въ городъ, тамъ мы съ вами всѣ бумаги сдѣлаемъ. Полгода не прошло— получай пятьсотъ рублей. Вотъ оно что значитъ, когда человѣку счастье пойдетъ въ руку.

Понемногу туманъ сгущается и все сильнѣе прижимается къ землѣ. Тамъ, за густымъ покровомъ его, гдѣ солнце уже склоняется къ закату, болѣе дальніе предметы постепенно теряютъ свои очертанія и исчезаютъ вовсе. Вавила въ послѣдній разъ встряхиваетъ свою борону, кряхтя взваливаетъ ее на мажару и, запрягши въ послѣднюю Хорька и Ваську, торопливо начинаетъ взбрасывать вилами на драбины собранный имъ курай. Это хорошо, что туманъ, это къ урожаю, думаетъ онъ. И ему вспоминаются колбасы и то довольство, въ которомъ онъ жилъ два года тому назадъ.

II.

Два человѣка идутъ вдоль полотна желѣзной дороги. Оба они оборванцы, одинъ уже пожилой,

Digitized by Google

другой молодой, но съ испитымъ лицомъ, на которомъ разныя житейскія тревоволненія наложили свою неизгладимую печать. Опытъ и практика выработали, очевидно, у обоихъ большое умѣнье пользоваться всякою тряпкою для того, чтобы возможно лучше согрѣться въ своихъ жалкихъ отрепьяхъ. За плечами у обоихъ тощія клеенчатыя сумки, повязанныя вродѣ ранцевъ, въ рукахъ суковатыя палки. Кто они? Любители хожденія по святымъ мѣстамъ, проживающіе, какъ птицы небесныя, христовымъ именемъ? Или бродяги, волчки, гонимые полиціею и своею безнадежно жалкою судьбою, съ одного мѣста въ другое? Во всякомъ случаѣ, встрѣча съ ними въ туманный день сулитъ мало радостей одинокому путнику и онъ тревожно спѣшитъ поскорѣе обминуть ихъ, долго еще послѣ оглядываясь назадъ, не гонится ли за нимъ кто-нибудь слѣдомъ?

— Нѣтъ, этакъ терпѣть дальше новозможно, съ досадою вскрикиваетъ тотъ, который помоложе. Проклятая жизнь, проклятый туманъ! И откуда онъ берется? Мокрый, скользкій, безъ начала, безъ конца...

Старшій вытаскиваетъ изъ кармана грошевую черную табачницу изъ папье-маше, медленно скручиваетъ мокрыми, дрожащими руками папироску и, закуривши ее, равнодушно произноситъ:

— Оттуда-же, откуда берется все доброе и злое въ этомъ презрѣнномъ мірѣ. Туманъ самъ по себѣ вовсе не такое ужъ плохое явленіе и отношеніе къ нему зависитъ отъ того положенія, въ которомъ выражаешь о немъ свое сужденіе. Вотъ ты кричишь, напримѣръ, проклятый туманъ, а тутъ же рядомъ гдѣ-нибудь, какой-нибудь благополучный про-

Digitized by Google

пріэтеръ довольно восклицаетъ: благодатный туманъ. И, я лично скажу про себя, что туманъ я обожаю. Разумѣется, въ нѣсколько иной обстановкѣ, сидя въ удобной коляскѣ, напримѣръ, и закутавшись въ хорошую шубу. Въ туманѣ, мой молодой другъ, много поэзіи, именно въ этой самой полной неизвѣстности и безпомощности... Особенно, когда попадаешь въ такую исторію на морѣ... Тебѣ не приходилось? Всѣ, даже самые самоувѣренные, тотчасъ же становятся такими жалкими, безпомощными, тревожными. А та, еле уловимая только самымъ чуткимъ ухомъ таинственная музыка, которая безконечною, тончайшею симфоніею, со всѣхъ сторонъ разливается вокругъ тебя въ густомъ туманѣ? Ты ее не слышишь? Нѣтъ? Ну, куда же! Помнишь у Гоголя? „Струна звенитъ въ туманѣ"... Это не бредъ сумашедшаго, нѣтъ, она дѣйствительно звенитъ... Звенитъ и звонъ ея разносится кругомъ восхитительною гармоніею. Какою? Знаешь? Эхъ, у Чайковскаго есть одна вдохновенная вещица, рѣдко ее намъ играютъ и зовется она Fatum. На слова:

Ты знаешь, что изрекъ
Прощаясь съ жизнію сѣдой Мельхиседекъ?
Рабомъ родится человѣкъ,
Рабомъ въ могилу ляжетъ...
И смерть ему сама не скажетъ,
Зачѣмъ онъ брелъ долиной скудной слезъ...

Ее-то я и слышу теперь, льется она, льется со всѣхъ сторонъ, заполняя собою все вокругъ мелодіею какихъ-то невѣдомыхъ, необычайно нѣжныхъ инструментовъ... Туманъ поглощаетъ всѣ собираемые звуки и превращаетъ ихъ въ стройную

Digitized by Google

симфонію. Да впрочемъ, что съ тобою говорить? Это только вѣдь для немногихъ, избранныхъ... Другъ мой, брось сердиться и обратись къ философіи. Въ нашемъ положеніи, это самое лучшее прибѣжище. Ты тогда меньше рискуешь испортить свое настроеніе, а кто знаетъ, можетъ быть твои силы когда-нибудь понадобятся, хотя и съ опозданіемъ, но съумѣющему все же оцѣнить тебя неблагодарному отечеству? Помни всегда, что ты генеральскій сынъ, хотя и награжденный за доблести своего отца и свои собственныя добродѣтели пока только проходнымъ свидѣтельствомъ, которое не даетъ тебѣ даже возможности свести болѣе основательное знакомство ни съ однимъ мѣстомъ, которое ты удостаиваешь своимъ прибытіемъ. Ибо, за прибытіемъ, также быстро должно слѣдовать, къ сожалѣнію, и отбытіе. Держи себя съ достоинствомъ, другъ мой. Человѣкъ долженъ быть всегда гордъ...

— Опять идіотскія шутки, какъ это тебя хватаетъ? Я чувствую, что не смогу скоро вовсе идти, у меня ноги совсѣмъ окоченѣли. Долго-ли мы еще будемъ тащиться до этой станціи? Навѣрно уже битыхъ три часа идемъ и конца не видно. И почему мы идемъ по линіи рельсовъ, а не ѣдемъ, какъ другіе люди? Вѣдь это издѣвательство надъ личностью человѣка...

— По той самой простой причинѣ, что у насъ нѣтъ даже турецкаго піастра. Хотя мы и поклялись изъ принципа не покупать никогда ни одного билета, но на этомъ вокзалѣ, какъ нарочно, попался какой-то звѣрь, а не жандармъ. Три поѣзда пропустили мы мимо своего носа, и всѣ три раза онъ

Digitized by Google

сторожилъ насъ, точно какихъ-то каторжниковъ, убѣжавшихъ изъ острога. Скотина! къ порядочнымъ людямъ — никакого уваженія. Поневолѣ станешь революціонеромъ по убѣжденіямъ и зашагаешь пѣшкомъ дальше, чтобы не портить себѣ расположенія духа отъ общенія съ подобными слугами деспотизма. Погоди, не унывай, при этой станціи, куда мы добираемся, есть порядочный поселокъ и, съ божіею помощью, мы отлично проведемъ сегодняшній вечеръ, я знаю эти мѣста, когда-то удостаивалъ ихъ своимъ пребываніемъ. Нужно только спѣшить, пока не стемнѣло, чтобы собрать побольше пенензовъ. Въ награду за твои страданія, я закажу тебѣ такой ужинъ, что ты оближешь всѣ пальчики. И при этомъ, цѣлую бутылку самаго высокаго давленія.

Онъ остановился, съ трудомъ закурилъ мокрую папиросу, которая все гасла и продолжалъ:

— Вѣдь вотъ, почему-то вдругъ мнѣ сморчки пришли на память? Ты сморчки ѣдалъ когда-нибудь? Попался мнѣ однажды поваръ, сосѣдъ — графъ откуда-то его привезъ, большія деньги ему платилъ, ну, а я взялъ, прибавилъ еще и отбилъ. Такъ этотъ самый поваръ сморчки готовилъ, просто уму непостижимо. За двѣсти верстъ ѣздили ко мнѣ сморчки ѣсть. Чуть только сезонъ сморчковый настанетъ, такъ и тянутся, бывало, со всѣхъ сторонъ добрые знакомые, все свой братъ-помѣщикъ, коннозаводчикъ. Гдѣ-то они теперь, что съ ними? Иныхъ ужъ нѣтъ, а тѣ далече, какъ Саади нѣкогда сказалъ. Дорого мнѣ эти сморчки стоили, теперь, если все посчитать, то, пожалуй, и самъ себѣ не повѣ-

Digitized by Google

ришь. А было, и не во снѣ, а на яву было. Потомъ этотъ поваръ спился окончательно, очень ужъ его баловали, и попалъ въ босяки. И вѣдь вотъ, что значитъ судьба. Черезъ пятнадцать лѣтъ я его случайно встрѣтилъ, даже вмѣстѣ ночь въ одной ночлежкѣ провели. Такъ, повѣришь-ли, до самаго свѣта все только о сморчкахъ и разговаривали, онъ мнѣ прямо цѣлый рядъ лекцій прочелъ, глаза, можно сказать, открылъ. Жаль только—поздно немного, когда яко нагъ, яко благъ, яко нѣтъ ничего. Выражаясь классически—„омнепортъ“.

— Да, воспоминанія хорошая вещь для тѣхъ, кто можетъ ими утѣшаться. А рядомъ съ этимъ, проклятая, печальная дѣйствительность. Доберемся сейчасъ до мѣста и начнется обычная программа. Чуть кто подходящій, подайте, пожалуста, гонимому судьбою, слѣдующему по проходному свидѣтельству... Сынъ генералъ-майора, извольте удостовѣриться... По волѣ всесильнаго рока впалъ въ несчастье... И такъ далѣе, и такъ далѣе... Посмотритъ тебѣ въ физіономію и сразу полѣзетъ въ карманъ. Потому что на физіономіи у тебя такое чувство написано, что на все человѣкъ способенъ, ибо ничѣмъ не рискуетъ. А когда человѣку терять нечего, то съ него взятки гладки. Я прежде всего полицію облагаю контрибуціею, она нашего брата боится еще больше, чѣмъ мирные граждане и только проситъ, ради бога, не особенно заживайтесь тутъ, проходите, уважаемые господа, далѣе. И вотъ, все идешь и идешь... Дойдешь до конца, поворачиваешь снова. Такъ гдѣ-нибудь и околѣешь въ полѣ, сбившись вотъ въ такой туманъ съ дороги. Да,

Digitized by Google

впрочемъ, о чемъ жалѣть? Пріѣдетъ уѣздный докторъ, сонный, грубый, злой, что его оторвали отъ карточнаго стола, за которымъ онъ сидѣлъ уже которыя сутки, и даже живота не захочетъ тебѣ рѣзать, стоитъ-ли еще искать дѣйствительныя причины смерти двухъ босяковъ, слѣдующихъ безъ права задержки гдѣ-либо болѣе трехъ сутокъ, по проходнымъ свидѣтельствамъ? А вѣдь смѣшно сказать, что въ этихъ животахъ въ свое время бывали и удивительные сморчки, приготовленные графскимъ поваромъ, и еще чертъ знаетъ чего только не водилось, по части обжорства и пьянства...

Старшій, заложивши руки въ карманы своего выгорѣвшаго, рыжаго, покрытаго дырами и заплатами пальто, ничего не отвѣчалъ и сосредоточенно шагалъ впередъ. О чемъ онъ думалъ? О далекомъ прошломъ, съ каменными палатами, съ рысаками, съ незнающею удержа фантазіею богатаго русскаго барина? Или о теплѣ возлѣ печки, гдѣ-нибудь въ грязной привокзальной харчевнѣ и о той жалкой трапезѣ, которая ждетъ ихъ тутъ? Но туманъ становился все гуще, все темнѣе, очевидно приближался вечеръ и онъ все прибавлялъ шагъ, боясь опоздать со сборомъ, который устраивали во всякомъ пунктѣ эти два бѣдные, но благородные странника.

Вдругъ онъ остановился—ему послышался звукъ церковнаго колокола. Еще разъ и еще, сомнѣнія быть не могло, они близко у цѣли.

— Слушай, воскликнулъ онъ, какъ бы что-то припомнивши, а вѣдь ты знаешь, что завтра Рождество?

Digitized by Google

— Ну? переспросилъ младшій такимъ тономъ, словно услышалъ о совершенно неинтересной вещи.

Во всякомъ случаѣ, это лишній шансъ къ нашему благополучію. Не устроить-ли намъ, по этому случаю, тутъ дневку, съ обходомъ обывательскихъ квартиръ? Я серьезно хочу оказать имъ честь, принести лично свои поздравленія съ праздникомъ. Я вѣдь и пѣть умѣю велигласно на этотъ случай...

— Отлично... Въ такомъ случаѣ—идемъ скорѣе.

И фигуры обоихъ оборванцевъ, энергично размахивающія суковатыми палками, скоро потонули совершенно въ сѣрыхъ клубахъ тумана...

III.

Въ корчмѣ грязно, сыро... Маленькая керосиновая лампа чадитъ во всю и струя удушливаго дыма, изъ ея чернаго стекла, все больше и больше наполняетъ чадомъ угара воздухъ и безъ того тяжелый, пропитанный ужаснымъ запахомъ отъ кучи валяющихся на доскахъ грязныхъ, мокрыхъ тѣлъ, покрытыхъ грязными, мокрыми лохмотьями. Спятъ тяжелымъ сномъ бездомные, безпріютные, гонимые всюду, какъ собаки, пьяные люди и точно свинецъ давитъ кошмаръ ихъ воспаленные мозги. Изрѣдка только прерветъ общій бредъ чей-нибудь тяжелый стонъ, болитъ изможденное, избитое тѣло, ноютъ больныя кости... Широко разметались на полу, поближе къ горячей печи, и оба путника... Старшій хрипитъ, уткнувшись лицомъ въ свой мѣшокъ, младшій мечется въ бреду, онъ слишкомъ много выпилъ сегодня водки, сердце такъ болѣло и ныло въ этотъ рождественскій вечеръ... Все давно пере-

Digitized by Google

житое забытое, снова всплыло сегодня въ его памяти, въ этомъ тяжеломъ свинцовомъ снѣ.

Какъ живое встаетъ передъ нимъ его дѣтство...

... Онъ—молодой панычъ.

... И снятся ему святки въ деревнѣ, въ южной степной деревнѣ, въ старомъ помѣщичьемъ домѣ, со старыми привычками и старыми традиціями. Сегодня—сочельникъ. Какая ясная, какая чудная, настоящая рождественская ночь. Густымъ, бѣлымъ инеемъ, словно самымъ искусснымъ кружевомъ, разукрасились не только деревья, но и вся безграничная степь. Каждый кустикъ сухого ковыля, каждая соломенка, выткнувшаяся изъ скирды, обряжены рукою великаго художника въ этотъ причудливый, фантастическій нарядъ, и все вокругъ, милліонами разноцвѣтныхъ огней, переливаетъ подъ голубымъ, мягкимъ свѣтомъ луны. Не въ одинъ день одѣлась степь въ свой сказочно-волшебный нарядъ; пришелъ отъ далекихъ Сивашей черный туманъ и вдругъ разомъ скрылъ все отъ глазъ, подъ своею густою, мрачною пеленою. Цѣлую недѣлю подъ этимъ покровомъ созидалась таинственная работа и легкій морозецъ, слегка пощипывая за уши, словно посмѣивался: вотъ погодите, ахнете вы, когда увидите, какъ мы съ братомъ—туманомъ все вамъ къ празднику убрали. И дѣйствительно ахнули, особенно тѣ, которые пріѣхали погостить на праздники изъ города и для которыхъ это дивное, единственное въ своемъ родѣ зрѣлище являлось новинкой. Словно желая во всей своей красѣ показать очарованнымъ взорамъ великую рождественскую ночь, такъ-же быстро, такъ-же незамѣтно,

Digitized by Google

какъ появился, ушелъ угрюмый туманъ къ своимъ роднымъ Сивашамъ. Быстро двинулся онъ въ обратный путь сплошною стѣною, за которою, стелясь по землѣ, бѣжали и клубились, точно отсталые отряды, его сѣдые клочья, а скоро не стало видно на горизонтѣ и той узенькой, темной полосы, которою онъ даетъ всегда знать о своемъ приходѣ. Туманъ ушелъ, а братъ его морозъ остался и, освободившись отъ его мрачныхъ объятій, вдругъ покрѣпчалъ и повеселѣлъ. На темное, бархатное небо выплыла луна, которая цѣлую недѣлю не могла взглянуть на землю и приголубить ее своими мягкими лучами, и все вспыхнуло кругомъ безчисленными, дрожащими нитями огней. Въ чистомъ, необычайно прозрачномъ воздухѣ воцарилась такая тишина, что всякій звукъ свободно сталъ слышенъ за много верстъ. Природа призвала всѣ свои чары и сдѣлала все, словно желая почтить великій праздникъ. Ея могучая творческая рука создала такую пышную картину, такую сказочную ночь, въ самой тишинѣ которой чувствуется что-то торжественное, величественное. Словно каждая травка, всякая ничтожная былинка, облекшись въ бѣлоснѣжныя ризы, тянется вверхъ и присоединяетъ свой слабый голосъ къ тому незримому хору, который гдѣ-то высоко-высоко, подъ этими всегда спокойными, яркими звѣздами поетъ: „Слава въ вышнихъ богу, на землѣ миръ и въ человѣцѣхъ благоволеніе“.

Въ казармѣ, гдѣ помѣщаются зимніе рабочіе, по большей части горемычные бурлаки, люди, давно отбившіеся отъ дома и семьи, народъ буйный, свободолюбивый, веселый и постоянно голый, вслѣдствіе

Digitized by Google

своей неудержимой страсти къ кутежамъ, чистота доведена общими усиліями до возможныхъ предѣловъ. Кирпичный полъ выскобленъ и вычищенъ, досчатыя нары и столы блестятъ и лоснятся послѣ той парки, которую прописали имъ кухарки. Вся разношерстая компанія зимнихъ рабочихъ въ сборѣ, всѣ пріодѣлись и принарядились въ самую лучшую свою одежду, и даже два неразлучныхъ друга— Остапъ и Арсентій, которые, добравшись до города, пропивали обыкновенно все до послѣдней сорочки, выглядятъ, при помощи нѣкоторыхъ ухищреній и займа у пріятелей отдѣльныхъ частей гардероба, очень прилично. Два дня, день тому назадъ, для обоихъ друзей вся прелесть наступающаго праздника заключалась въ томъ, что на святкахъ казарма будетъ получать къ обѣду и ужину отъ пана водку и, кромѣ того, представится возможность отправиться съ поздравленіями въ сосѣднюю деревню. Они были до того въ курсѣ своихъ интересовъ, что знали отлично, сколько выпивки и какой именно привезъ къ празднику всякій хозяинъ. Прибавьте къ этому нескончаемое обиліе закуски, да еще какой! Самая жирная свинина, въ самыхъ разнообразныхъ видахъ приготовленія ея. И это послѣ длиннаго филипповскаго поста! Цѣлую недѣлю всѣ помыслы, всѣ мечты ихъ были направлены къ наступленію того вожделѣннаго момента, когда начнется неистовое истребленіе всего припасеннаго къ празднику. А тутъ еще со всѣхъ сторонъ доносится тотъ роскошный запахъ, который безъ словъ говоритъ, что всюду смалятъ на кострахъ откормленныхъ кабановъ. Бабы то и дѣло таскаютъ къ котламъ будущіе

Digitized by Google

сальтисоны, носятъ цѣлыми корытами румяныя колбасы, въ то время, какъ мастеръ своего дѣла, старый дидъ Охримъ, съ полнымъ собственнаго достоинства видомъ, медленно снимаетъ длинными полосами со свиныхъ тушъ крѣпкое, бѣлое сало и, разрѣзывая его на обильно посыпанные солью квадраты, туго складываетъ ихъ въ мѣшки.

Но сейчасъ и они поддались общему настроенію.

Панычу видно въ окно все, что дѣлается въ казармѣ. Вонъ, въ переднемъ углу, гдѣ поставлены на охапкѣ душистаго сѣна пшеничная кутья и миска со взваромъ изъ сушенныхъ фруктъ, сидитъ въ бѣлой сорочкѣ дидъ Охримъ. Его сѣдые, коротко постриженные надъ губою усы, отливаютъ серебромъ, и все лицо исполнено какого-то серьезнаго, торжественнаго чувства. Онъ читаетъ громко Евангеліе, и вся казарма, всегда буйная, сквернословная и разгульная, собравшись у стола, внимательно слушаетъ теперь старика, затаивши дыханіе и словно боясь проронить слово.

Отецъ вызываетъ къ себѣ на домъ старшаго рабочаго, это серьезный, умный полтавецъ съ одною рукою, другую у него оторвало на молотилкѣ. А что Мусій, не лучше ли намъ съ вечера приготовить кормъ для скота къ утренней дачѣ?—спрашиваетъ отецъ его. Пусть бы ребята наложили сейчасъ половы для воловъ, и соломы для яловника на мажары, а на досвитокъ имъ бы только осталось развезти по яслямъ. Пошли-ка ихъ поскорѣе, пока будутъ собирать вечерю, на гарманъ, самимъ же завтра свободнѣе будетъ...

Черезъ полчаса, запряженныя большими, сѣрыми

Digitized by Google

волами мажары, бросая длинную, прозрачную, тѣнь на покрытую густымъ, пушистымъ инеемъ дорогу, медленно движутся къ арману. Не пройтись ли туда? У паныча на душѣ необычайно радостно и весело, ему хочется прыгать, покачаться по снѣгу... Онъ натягиваетъ дубленый полушубокъ и бѣжитъ къ току, гдѣ, громадными скирдами, въ нѣсколько рядовъ сложены сѣно, солома, сбоина и полова, все то, что тяжелымъ трудомъ припасено лѣтомъ для того, чтобы быть съѣденнымъ зимою. Сухой иней какъ-то особенно характерно и рѣзко скрипитъ подъ ногами. Въ тиши морозной ночи отчетливо звонко доносится стукъ колесъ быстро ѣдущаго вдали дилижанса. Тощій, длинный, какъ жердь, полтавецъ Остапъ, взобравшійся на самый верхъ скирды и бросающій оттуда внизъ ярко-желтую, какъ золото, ячменную солому, съ минуту прислушивается и говоритъ:

— Это, должно быть, кузнецъ Прохоръ ѣдетъ... Навѣрное кузнецъ, ишь запоздалъ какъ въ городѣ... Должно быть у кумы засидѣлся. Всегда тамъ торчитъ, старый чертъ. Съ водочкой, да съ закусочкой, мастеръ объѣзжать бабъ, хоть какъ не брыкайся—подзаберется...

— А ты почему знаешь, что кузнецъ? отзывается снизу съ мажары, всегда во всемъ сомнѣвающійся маленькій, коренастый орловецъ Арсентій. Можетъ вовсе даже не кузнецъ, просто врать ты, Мазепа, гораздъ, вотъ что...

— Нѣтъ, кузнецъ, ей богу, кузнецъ, доносится убѣжденный голосъ сверху. Потому что такихъ „тарелокъ“, съ такимъ звономъ во всей деревнѣ ни

Digitized by Google

у кого на осяхъ въ бричкѣ нѣтъ, а кузнецъ себѣ поставилъ... Любитъ шиковать, сукинъ сынъ... Пусть, говоритъ, меня по звону всѣ издалека знаютъ, когда я ѣду... Вотъ, братъ, человѣкъ, и что онъ туда ставитъ, на ось? Секретъ какой-то знаетъ... Ужъ на что нѣмцы любятъ этотъ звонъ, сколько поили его виномъ, ничего не выпытали. Пить— пьетъ, а не проговорится. И звенитъ-же все время, чище приставскаго колокольчика, приставу досадно, а посадить за это его въ становую приставъ не смѣетъ, потому, ось звенитъ. Законъ не запрещаетъ... Шиковый кузнецъ, чтобъ онъ пропалъ...

Скрипъ сапогъ выдаетъ паныча и разговоръ вдругъ обрывается. У скирды съ половою стоитъ другая мажара. Хозяйскій глазъ для того и созданъ, чтобы подмѣчать всякаго рода безпорядокъ и дѣлать, часто даже изъ пустяка, событіе чрезвычайной важности. Мальчику хочется показать, что онъ пришелъ сюда не потому, что его обуяла радость молодой жизни и опьянила восторгомъ эта чудная ночь въ степи, сплошь убравшейся серебрянымъ парчевымъ уборомъ.

— Эй, кто тамъ на половѣ, кричитъ онъ, стараясь придать своему нѣжному дѣтскому голосу возможно болѣе грубый тонъ. Подбирать почище отъ земли, черезчуръ разбрасываете много корма задаромъ...

... Испуганная сова, давно уже терпѣливо подстерегавшая, притаившись на верхушкѣ скирды, намѣченную жертву, вдругъ шарахнулась въ сторону и, беззвучно взмахивая своими эластичными крыльями, словно купаясь въ лунномъ свѣтѣ, исчезла

Digitized by Google

вдали. И въ тотъ же моментъ маленькая, сѣренькая мышка, розыскивавшая своей семьѣ затерявшіяся въ половѣ зерна, подъ самыми ногами мальчика, торопливо прошмыгнула въ свою норку. Нечаянный приходъ паныча спасъ ей жизнь, и юноша, радовался этому, въ эту чудную ночь подъ Рождество, какъ маленькій ребенокъ.

... Но вотъ и вожделѣнный день. Деревня поднимается съ пѣтухами, задолго до солнечнаго восхода и въ тѣ часы, когда изнѣженный городъ еще сладко потягивается, чтобы повернуться на другой бокъ и опять заснуть, деревня уже принимаетъ визитеровъ. Вся семья собирается понемногу за чайнымъ столомъ, обильно уставленнымъ всякими вкусными яствами. Чего-чего тутъ только нѣтъ, и все это не въ тѣхъ микроскопическихъ порціяхъ, которыхъ волею-неволею придерживается городъ, а прямо-таки, какъ говорится, столъ гнется. Въ коридорѣ слышится какая то толкотня и нерѣшительное покашливаніе, это явились раньше всѣхъ съ поздравленіями деревенскія дѣтишки. Горничная Наталка, хохлушка, такая чистенькая, такая граціозная, точно куколка, въ яркой корсеткѣ, вся въ лентахъ и бусахъ, не безъ тревоги на лицѣ за чистоту половиковъ и самыхъ половъ, вводитъ въ столовую эту разномастую толпу дѣтей. Они прошли съ версту по морозу, чтобы поздравить пановъ, и щеки ихъ пылаютъ яркимъ румянцемъ, глаза горятъ и разбѣгаются на мебель, блестящій самоваръ и прочія чудеса панской комнаты. Вотъ тому бѣлобрысому еще нѣтъ и пяти лѣтъ, а онъ тоже явился поздравить. Посмотрите, какъ комично вы-

Digitized by Google

глядитъ онъ въ материнской бумазейной кофтѣ, надѣтой вмѣсто шубы, и съ огромною батьковскою шапкою въ рукахъ.

— Эй, хлопчикъ, ты чей, пастуха сынъ, что-ли?

Но бѣлобрысый малютка такъ пораженъ необычайнымъ для него великолѣпіемъ окружающей обстановки, что совсѣмъ потерялъ, кажется, способность говорить. Онъ, какъ открылъ ротъ, такъ уже и не можетъ закрыть его, переводя свои ясные, изумленные глазенки съ одного предмета на другой.

— Это нашего товарчія (пастуха) Гришки, поясняютъ дѣти. Мы не хотѣли его брать, онъ совсѣмъ маленькій, такъ дюже крѣпко плакалъ и просился... Ну и пожалѣли, и взяли...

— Молодцы ребята... Ну, а пѣть будете сегодня?

— Сегодня не будемъ... Вотъ на новый годъ раненько придемъ „посѣвать", тогда и споемъ вамъ. А можетъ и сегодня можно? Споемъ, хлопцы, сегодня. Можно?

— Конечно, можно, пойте дѣтишки.

И дѣтишки начинаютъ хоромъ, сначала робко, неувѣренно, но дальше все больше и больше набираясь храбрости и голоса:

Во полѣ-полѣ
Самъ тамъ богъ ходилъ,
Матерь Марія бога просила,
Бога просила, сына родила...

Долго, долго тянется эта монотонная пѣсня, начало которой теряется гдѣ-то въ далекихъ, далекихъ отъ насъ временахъ. Хоръ окончилъ и пѣвцы насторожились. Они знаютъ уже, одни по собственному опыту, другіе по разсказамъ, что теперь на-

Digitized by Google

ступилъ самый интересный для нихъ моментъ. Они видѣли, какъ панъ подозвалъ Наталку и что-то вполголоса приказалъ ей. И вотъ Наталка приноситъ огромный подносъ, съ цѣлою горою пряниковъ, конфектъ, орѣховъ, яблокъ и всякихъ другихъ лакомствъ. У поздравителей еще больше разгораются глазенки и на лицахъ ихъ уже написано самое ужасное нетерпѣніе. Боже мой, какія приходится имъ терпѣть невыразимыя, ужасныя муки. Нужно ждать, пока панъ, какъ бы нарочно замедляя каждое движеніе своей руки, раздѣлитъ эту груду сластей на равное числу поздравителей число кучекъ, тщательно провѣритъ равномѣрность послѣднихъ и только тогда уже, не спѣша, начнетъ раздавать каждому его порцію. А въ добавленіе къ порціи, еще и по новенькому, блестящему двугривенному каждому.

По мѣрѣ раздачи, нетерпѣніе на лицахъ постепенно смѣняется самымъ неподдѣльнымъ восторгомъ и радостью. Съ шумомъ и радостными возгласами вываливается во дворъ вся эта компанія, оставивши послѣ себя на крашенномъ полу цѣлые ручьи воды отъ оттаявшаго съ сапогъ снѣга и запахъ дегтя. Тотчасъ же за порогомъ начинается свалка, большіе дѣлаютъ попытку ограбить меньшихъ и слабыхъ, и является настоятельная необходимость дать послѣднимъ охрану, для благополучнаго доставленія домой полученныхъ драгоцѣнностей.

— Панъ, пришли люди, докладываетъ Наталка.

„Люди“ — значитъ рабочіе. По установленному

Digitized by Google

порядку, на Пасху панъ самъ отправляется передъ розговѣнами въ казарму поздравить рабочихъ и похристосоваться съ ними, а на Рождество — рабочіе приходятъ въ домъ.

— Хорошо, я сейчасъ выйду, говоритъ отецъ. Приготовлено тамъ все?

— Все готово.

Для взрослыхъ въ длинномъ корридорѣ накрытъ столъ, тоже ломящійся отъ разныхъ яствъ, переставленныхъ бутылками и графинами.

— Поздравляемъ васъ съ наступающимъ праздникомъ и позволяемъ себѣ желать вамъ всякаго благополучія во всѣхъ дѣлахъ вашихъ...

Тутъ ужъ не дисканты и не альты, а густые басы и хриплые баритоны. Поздравляютъ хоромъ, шумно, нестройно, но зато сердечно, отъ души.

— Спасибо, спасибо. Желаю и вамъ всего хорошаго, стараться, работать и стать хозяевами, вернувшись домой...

Это общее пожеланіе, а потомъ уже каждому дается и личное, смотря по его вкусамъ и особенностямъ. Отецъ всѣмъ наливаетъ поочередно рюмку водки, даритъ по полтинѣ на разживу. Рабочіе уходятъ въ казарму обѣдать, а на ихъ мѣсто являются поздравители изъ деревни, потомъ мастеровые, за ними — друзья изъ сосѣднихъ деревень, татары, нѣмцы... Неожиданно для всѣхъ, подъ окнами раздаются скрипучіе звуки скрипки и удары въ бубенъ, это явился изъ города засвидѣтельствовать свое почтеніе бродячій цыганскій оркестръ. И три черномазыя физіономіи весело скалятъ въ окно

Digitized by Google

свои зубы и поздравляютъ съ праздникомъ, кланяясь и приговаривая: „байрамъ-хайрлысенъ, ага“.

— А, и эфіопы явились, смѣется отецъ, ну, ладно, ступайте въ казарму, поиграйте тамъ, пусть люди потанцуютъ. Небось, промерзли пѣхтурою изъ города за десять верстъ? Пусть ихъ тамъ накормятъ и дадутъ водки...

...Лампа съ разбитымъ, заклееннымъ бумагою стекломъ, чадитъ все сильнѣе и сильнѣе, и все тяжелѣе становится сонъ ночлежниковъ. Только у одного на лицѣ застыла улыбка блаженства... Да, да, все это было, все это такъ, шепчутъ иногда его безкровныя губы, когда картины дѣтства одна за другою проходятъ передъ его глазами и онъ снова переживаетъ въ тяжеломъ, пьяномъ снѣ все хорошее, давно пережитое и позабытое...

...Ярко сверкаетъ солнце и быстро, словно волны густого весенняго воздуха, проносятся передъ глазами картины веселой весны южной степи. Снѣгъ ушелъ въ землю, съ юга, изъ-за начавшаго синѣть послѣ бурыхъ зимнихъ красокъ моря, потянулись безконечныя вереницы дикихъ гусей, веселыхъ, быстрыхъ, зоркихъ, звонкими, какъ колокольчики, голосами, привѣтствовавшихъ уже зеленую, уже покрытую цвѣтами степь. Табуны утокъ, разукрашенныхъ всѣми цвѣтами радуги, закружились надъ придорожными лужами, засвистали скворцы, заплакали чибисы и, точно схватившійся богатырь, со сказочной быстротою начала просыпаться отъ зимняго покоя степная жизнь. Выползъ изъ своей глубокой, хитро устроенной норы еще полусонный, плохо видящій послѣ долгой спячки, сусликъ,

Digitized by Google

сталъ на заднія лапки, вдохнулъ полною грудью струю ароматнаго, густого воздуха, повертѣлъ во всѣ стороны усами и съ наслажденіемъ растянулся во всю длину на курганчикѣ, доставшемся ему въ наслѣдство отъ его пращура-байбака. Дремлетъ и не видитъ, что „чеченецъ ходитъ за рѣкой". Важно, неторопливо передвигая свои длинныя ноги, словно не обращая никакого вниманія ни на что окружающее, шагаетъ по полю аистъ, только что вернувшійся съ далекой дороги, изъ пустынь Донголы, оттуда, гдѣ берутъ свое начало источники великаго Нила, и послѣ такого моціона одолѣваемый ненасытнымъ аппетитомъ. Онъ уже издали намѣтилъ свою жертву и держитъ курсъ прямо къ ней, дѣлая въ то же время видъ, будто просто отъ скуки вышелъ прогуляться въ степь и озабоченъ разрѣшеніемъ какихъ-нибудь философскихъ задачъ. Понеслась во всѣ концы равнины заунывная пѣсня плугатыря - полтавца, запарилась перевороченная желѣзомъ тяжелая, сырая нива, послышалась звонкое ржаніе, впервые увидѣвшаго свѣтъ, жеребенка. Изъ-подъ старой, побурѣвшей тырсы, начали выгыкаться длинныя, зеленыя иглы молодой травки, и поблекшіе подъ снѣгомъ всходы озимыхъ хлѣбовъ стали принимать все болѣе яркую окраску. Здравствуйте, первые журавли, привѣтъ вамъ, старые, неизмѣнные друзья степи! Довѣрчиво, чувствуя, что ни одна человѣческая рука не посягнетъ въ это время года на вашу жизнь, устроили вы свои смѣшные танцы у самой дороги. Такіе нарядные, такіе граціозные и франтоватые въ своихъ сѣрыхъ фракахъ, точно молодые дипломаты. Какъ гранаты го-

Digitized by Google

рятъ ваши, всегда задорные, всегда насмѣшливые глаза...

...А вечеромъ, когда все, что живетъ и бодрствуетъ въ степи днемъ, опочило отъ дѣлъ и трудовъ своихъ, на обмежкѣ, гдѣ сохранился уголокъ не сбитаго за зиму скотомъ жесткаго „калдана", вдругъ заворочался какой-то мертвый комъ сухой травы, съ самой осени неподвижно лежавшій тамъ, словно занесенный вѣтромъ и застрявшій кустъ бурьяна. Понемногу, съ одной стороны образовалось небольшое отверстіе и оттуда показалось острое рыльце, съ маленькими плутовскими глазками. А затѣмъ выползла, четыре мѣсяца проспавшая въ своей сбитой изъ травы шубѣ, вся щетинистая, приземистая фигура ежа-ежаковича. Точно первый татаринъ, встрѣченный Тарасомъ Бульбою въ степяхъ, осторожный ежъ, прежде, чѣмъ тронуться въ путь, поднявши свою сѣрую мордочку вверхъ, долго внимательно прислушивался, присматривался своими близорукими глазами и усиленно сопѣлъ во всѣ стороны, тщательно изслѣдуя, нѣтъ ли гдѣ по близости скрытаго врага. Но онъ скоро успокоился. Все было покойно и полно необычайно-величественною тишиною, и ни малѣйшій шорохъ не возбуждалъ подозрительности степного отшельника. Этому прозаику мало дѣла до красотъ природы, онъ даже не взглянулъ на бархатное небо, гдѣ теперь особенно ярко горѣли звѣзды. Встряхнувшись такъ, что всѣ иглы его брони загремѣли, и даже ни разу не обернувшись, хотя бы изъ благодарности, на свое жилище, которое спасало его въ зимнюю стужу, ежъ быстро побѣжалъ впередъ—и вдругъ сразу замеръ на мѣстѣ. Вся его

Digitized by Google

потѣшная, неуклюжая фигура застыла въ неподвижномъ ожиданіи. Маленькая голова поднялась вверхъ, уши насторожились, и онъ, не въ силахъ удержаться, аппетитно зачмокалъ. Вонъ, около стебля стараго будяка, трещитъ крыльями и обнимаетъ другъ друга длинными усами пара черныхъ жуковъ, воспѣвая любовь и строя радужные планы будущаго. Разбойникъ услышалъ эти характерные звуки и, сообразивши, въ какой сторонѣ происходитъ этотъ ранній флиртъ, осторожно подкрадывается туда. Еще минута — во рту его хрустятъ чьи-то бѣдныя косточки, и на свѣтѣ парою счастливыхъ любовниковъ меньше. Первая любовь однихъ превратилась въ первый завтракъ для другого. Къ разсвѣту ежъ успѣлъ обревизовать большое пространство, наѣлся до отвалу и, свернувшись въ клубокъ, заснулъ сладкимъ сномъ. Можетъ быть и ему грезилась любовь и семейныя радости. Снилась ежиха, такая толстая, такая дебелая, степенная, хозяйственная. И шестеро маленькихъ ежатъ, черныхъ, слѣпыхъ, безпомощныхъ, заботливо спрятанныхъ родителями въ бороздѣ, подъ сухою травою. То-то заботъ, то-то хлопотъ, уберечь всѣхъ да прокормить, пока станутъ на ноги! Тяжело жить на свѣтѣ многосемейному, грустно сопитъ во снѣ ежъ, котораго давитъ кошмаръ черезъ-чуръ облакомившагося обжоры.

...А когда сѣрыя ночныя тѣни разбѣжались и разсѣялись, прогнанныя вдругъ вспыхнувшимъ румянцемъ яркой весенней зари, и солнце всплыло надъ горизонтомъ и подобрало своими лучами обильную росу, уютно перезимовавшій, подъ защитою еже-

Digitized by Google

вой хатки, кустъ фіалки расцвѣлъ и весь покрылся душистыми, лиловыми цвѣтами. Прилетѣла пчела и жадно прильнула къ ароматнымъ лепесткамъ...

Но вотъ завѣса густого, чернаго тумана обрываетъ послѣднюю картину волшебныхъ сновидѣній... Понемногу выплываетъ изъ за нея фигура высокой, тонкой дѣвушки, съ такимъ измученнымъ, такимъ усталымъ лицомъ...

Женя! Сестра Женя... шепчетъ во снѣ пьяный оборванецъ. И двѣ слезы медленно скатываются по грязнымъ, обвѣтреннымъ щекамъ, изъ его закрытыхъ глазъ... Да, да, вѣдь была и сестра, красавица Женя... Боже мой, все погибло... И она погибла... На жизненомъ пиру—не мѣсто слабымъ и безвольнымъ...

IV.

...Маленькая, низкая комната, съ крошечными окнами, безъ потолка, съ густо обмазанными глиною стропилами.

Часы уныло, монотонно выбиваютъ свое безконечное „тикъ-такъ, тикъ такъ“, каждымъ ударомъ колеса отмѣчая секунду уходящей жизни. Жизни и молодости... Вотъ они, словно понатужились, въ серединѣ ихъ что то зашипѣло, заскрипѣло, наверху циферблата открылась маленькая дверца и оттуда выскочила крошечная деревяная кукушка... Ку-ку, ку-ку... Ровно десять разъ... Кукушка спряталась, дверца захлопнулась и снова мѣрное, монотонное „тикъ-такъ, тикъ-такъ“... Молодая дѣвушка медленно поднимаетъ голову отъ книги и всматривается въ тусклый, полинявшій циферблатъ. Десять, или

Digitized by Google

одиннадцать? Десять. Черезъ два часа наступаетъ великій праздникъ Рождества. Два часа будетъ еще она бодрствовать въ этомъ жуткомъ одиночествѣ, одна въ глухой, степной, давно уже покоящейся мертвымъ сномъ деревушкѣ. Не лучше-ли поскорѣе броситься въ кровать и постараться уснуть, чтобы, въ мірѣ примиряющихъ сновъ, позабыть грустную дѣйствительность? Искушеніе велико, но сила привычки беретъ верхъ. Съ тѣхъ поръ, какъ она помнитъ себя, она еще никогда не встрѣчала великій праздникъ въ кровати. Правда, то было иное время, иныя впечатлѣнія, иная обстановка...

Молодая дѣвушка подходитъ къ окну и, отдернувъ пеструю ситцевую занавѣску, прислоняется лицомъ къ стеклу. Тамъ, за окномъ, царитъ влажная, сѣрая ночь южной зимы. Сизые клубы густого тумана быстро бѣгутъ одинъ за другимъ, пряча отъ глазъ всѣ предметы. По временамъ, среди этой таинственной завѣсы, вдругъ прорвется на мгновеніе мягкій свѣтъ полной, золотой луны, но набѣжавшее ревнивое облако тумана тотчасъ-же задергиваетъ ее. Молодая дѣвушка набрасываетъ на плечи суконный платокъ и направляется къ двери. Скрипятъ перержавѣвшія петли и въ сѣни сразу набѣгаетъ волна какого то безформенаго, холоднаго, мокраго студня. Все кругомъ мокро и скользко, мокрый порогъ, мокрые камни, съ мокрой крыши скатываются по всѣмъ извилинамъ, по всѣмъ жолобкамъ, крупныя, свѣтлыя капли и своимъ паденіемъ вызываютъ въ маленькихъ лужахъ цѣлую симфонію какихъ то веселыхъ, таинственныхъ звуковъ, особенно отчетливыхъ въ царящей кругомъ мертвой тишинѣ. Закутанная въ

Digitized by Google

платокъ, она смотритъ въ ту сторону, гдѣ должна быть луна, не блеснетъ ли оттуда снова ея блѣдный, ласкающій лучъ? Но туманъ, словно нарочно, еще гуще, еще плотнѣе прижимается къ землѣ, къ низкимъ стѣнамъ хатъ и загорожей, ко всякой былинкѣ, онъ бѣжитъ сюда со всѣхъ сторонъ, перепрыгивая и перекатываясь черезъ всѣ препятствія и на всемъ оставляя слѣды своихъ холодныхъ, влажныхъ поцѣлуевъ...

Вотъ закричалъ гдѣ то на деревнѣ пѣтухъ, которому надоѣло дожидаться обычнаго полуночнаго часа... Въ далекой помѣщичьей усадьбѣ дружно залаяли цѣпныя собаки и, на ихъ лай, тревожно отозвалась колотушка ночного сторожа. Потомъ на минуту все стихло и только неумолчно и безпрерывно падающія съ крыши крупныя, свѣтлыя капли продолжали свою странную, фантастическую симфонію. Вдругъ какая то маленькая тѣнь мягко и неслышно скользнула въ воздухѣ, передъ самою дверью, и тотчасъ-же сверху, съ крыши, раздались насмѣшливыя, рѣзкія выкрикиванія сыча. Что это, смерть? Старое суевѣріе, привитое съ дѣтства мамками и няньками, дало себѣ знать. Дѣвушка вздрогнула и, въ какомъ то инстинктивномъ страхѣ, схватилась за ручку двери.

И снова унылое, монотонное „тикъ-такъ, тикъ-такъ“...

На старинномъ циферблатѣ вычурною прописью выведено: „здѣлано 1847 года.“ Дѣвушка подходитъ къ часамъ и внимательно читаетъ каждую букву надписи. Ей давнымъ-давно хорошо извѣстно всякое пятнышко на пожелтѣвшей, потрескавшейся эмали ци-

Digitized by Google

ферблата, тщательно изслѣдована каждая линія узора его. Она изучила свои часы такъ, какъ какой-нибудь любитель изучаетъ причудливые орнаменты на старинной табакеркѣ. Часы—это все, что осталось ей на память отъ когда то богатой обстановки стараго помѣщичьяго дома. Они—ея единственная связь съ умершимъ навсегда прошлымъ. Эта маленькая кукушка когда то выкрикивала свои "ку-ку" среди нарядныхъ женщинъ и важныхъ, напыщенныхъ мужчинъ, она видѣла ломившіеся отъ обилія яствъ столы, веселые пиры и чопорные, манерные танцы добраго, стараго времени. Руководимые ея безстрастнымъ кукованіемъ, люди распредѣляли свои радости и горе, начинали жизнь и хоронили покойниковъ, говорили хорошія слова и мучили другихъ людей. Она видѣла и апогей величія и конецъ разоренія. И, когда она прокуковала въ послѣдній день одиннадцать разъ, какой то старый господинъ, съ сизымъ носомъ, доставъ изъ кармана жилета серебряную луковицу, пробурчалъ: „а вѣдь кукушка не вретъ", и началъ что то кричать, стуча молоткомъ по столу. И, съ каждымъ ударомъ молотка, какіе то люди, неумытые, грязные, засаленные, которые раньше не смѣли показываться дальше порога, а теперь вдругъ наполнили шумомъ, гамомъ и тяжелымъ запахомъ весь домъ, съ наглымъ смѣхомъ и прибаутками уносили изъ комнатъ одну вещь за другою. Потомъ, когда уже ничего не оставалось, кто то грубо схватилъ и часы, но старый господинъ сказалъ: часовъ не трогайте, ихъ въ описи не имѣется; и, обратившись къ худой женщинѣ съ заплаканными глазами, добавилъ:

Digitized by Google

— Сударыня, возьмите ихъ: по крайней мѣрѣ, они останутся вамъ памятью о прошломъ...

Послѣ этого кукушка уже не видѣла ни веселыхъ пировъ, ни важныхъ господъ... За-то, сколько она слышала позднихъ сожалѣній и горькихъ, политыхъ слезами, раскаяній...

Молодая дѣвушка знаетъ, что тамъ, сбоку кукушкиной клѣтки, записаны рукою дѣда и отца дни выдающихся семейныхъ событій... Тамъ отмѣчено и ея появленіе на свѣтъ, кратко, но выразительно:

„Сегодня родилась Женя. По примѣтамъ бабушки, будетъ красавица и, по предсказанію ворожеи Анисьи, выйдетъ замужъ за князя".

„Выйдетъ замужъ за князя"... Дѣвушка невольно осматриваетъ окружающую ее скудную обстановку и горькая улыбка появляется на ея блѣдныхъ, тонкихъ губахъ. Бабушка была права, только ворожея ошиблась... Но бабушка умерла рано, когда маленькая Женя утопала въ кружевахъ и батистахъ, и умерла въ полной увѣренности, что все предсказаніе выполнится въ точности. Красавица — всѣ въ ихъ роду были красивы—богатая наслѣдница, развѣ могъ кто-нибудь тогда усомниться въ ожидавшей ее блестящей будущности?

И улыбка становится еще горше, дѣвушка чувствуетъ, что къ горлу ея подкатывается какой-то комъ... Еще минута и она разрыдается. Но нужно взять себя въ руки, нельзя распускать себя. Она быстро подходитъ къ небольшому столу, покрытому вытертою клеенкою и, доставши изъ ящика чей-то портретъ, долго всматривается въ дорогія черты. Это

Digitized by Google

ея отецъ, безпечный, безпутный, но добрый, рыцарски-честный, съ дѣтски-незлобивою душою. Онъ не перенесъ обрушившагося сразу на ихъ семью несчастія и покончилъ расчеты съ жизнью однимъ ударомъ.

Ей вспоминается, какъ она, баловница и кумиръ всего дома, встрѣчала свой дѣтскій сочельникъ и совпадавшій съ нимъ день своего ангела. Едва она успѣвала открыть свои глазки, какъ приходили папа, мама, безчисленные дяди и тети, постоянно наполнявшіе старый барскій домъ. Начинались ссоры, кому раньше поцѣловать пухлыя щечки именинницы, и скоро вся дѣтская наполнялась всевозможными игрушками. А вечеромъ, послѣ чая, папа бралъ ее на руки, старый буфетчикъ Матвѣй сразу отворялъ до того тщательно закрытую на обѣ половинки дверь въ большой залъ и елка, зеленая, свѣжая, высокая—до самаго потолка, залитая сотнями яркихъ огней и блещущая золотыми и серебряными бездѣлушками елка, вдругъ выступала на встрѣчу восхищеннымъ взорамъ маленькой Жени. Цѣлая толпа дѣтишекъ разныхъ служащихъ въ имѣніи уже стояла здѣсь въ трепетномъ ожиданіи, съ блестящими глазами, еле дыша отъ сдерживаемой радости и шопотомъ выражая свой восторгъ и удивленіе. Ее встрѣчали, какъ маленькую принцессу. Большіе садились въ кресла и дѣти пѣли что то очень торжественное, преисполненное всякихъ хорошихъ пожеланій въ честь виновницы торжества. Папа всегда заставлялъ ихъ пѣть три раза, а послѣ подзывалъ къ себѣ какого то длиннаго, худого человѣка и, похваливши его за стихи, давалъ ему какую то бу-

Digitized by Google

мажку. Длинный, худой человѣкъ долго благодарилъ папу и, поцѣловавши ей руку, уходилъ за елку, неловко пятясь спиною. А мама ласково улыбалась ему и говорила ей:

— Смотри, Женя, это твой поэтъ...

Потомъ всѣ дѣти, взявшись за руки, ходили цѣпью вокругъ елки и опять пѣли какія то пѣсни. Но вотъ свѣчи начинали догорать и все больше и больше умирали блестящія звѣздочки на темномъ деревцѣ. Папа отдавалъ какое то приказаніе Матвѣю, и онъ приносилъ нѣсколько отобранныхъ съ деревца вещей для маленькой Жени. Вотъ это— князь, твой женихъ, весело кричалъ папа, дергая какую то толстую, одѣтую въ красный мундиръ куклу. Мама съ доброю улыбкою останавливала его... Потомъ папа, ставши впереди, командовалъ выстроившимся вокругъ елки ребятишкамъ—впередъ!—И они всѣ разомъ, съ невообразимымъ визгомъ и крикомъ, бросались обирать елку. Черезъ пять минутъ бѣдное деревцо принимало такой жалкій, такой отрепанный видъ... Это выбросить, а на его мѣсто приготовить другое, приказывалъ папа Матвѣю. И Матвѣй, съ помощью двухъ своихъ помощниковъ, куда то уносилъ жалкій остовъ того, что еще полчаса тому назадъ было чудною сказкою...

На минуту ей пришло въ голову сравненіе своей судьбы съ судьбою святочной елки. Но она отогнала сейчасъ же эту мысль. Стоитъ ли?

Она смотритъ на свою жалкую мебель, на убогую постель, на деревяныя, некрашенныя скамьи, на столъ, бѣлыя доски котораго женская рука прикрыла не безъ

Digitized by Google

изящества сборками пестраго кретона, съ маленькимъ зеркаломъ въ орѣховой рамѣ, съ флакончичиками изъ-подъ цвѣточнаго одеколона. А передъ ея глазами проносится цѣлая вереница людей, съ которыми ей приходилось сталкиваться въ жизни. Блестящіе офицеры, свѣтская молодежь, лицеисты, правовѣды въ высокихъ воротникахъ, коротко остриженные, утонченно-нахальные, выхоленные... Старикъ въ разноцвѣтныхъ лентахъ, украшенный блестящими звѣздами... Потомъ какая то пропасть, глубокая, темная пропасть, и по ту сторону ея выплываютъ, какъ бы въ туманѣ, совсѣмъ другія лица, слышатся совсѣмъ иныя рѣчи... Желчные, анемичные, всегда раздраженные, всегда измученные и злые на весь міръ педагоги, батюшка съ огромною бородою и вѣчно испытующимъ взглядомъ, школьный попечитель изъ разбогатѣвшихъ лавочниковъ. И затѣмъ мужики, обыкновенные рядовые мужики, цѣлая нескончаемая толпа мужиковъ, обросшихъ волосами, нечесанныхъ, грязныхъ, пропитанныхъ запахомъ водки, овчины и махорки. По ту сторону пропасти—первый періодъ жизни, по эту—второй. Тамъ она была своя, но одинъ ударъ слѣпой судьбы, и вотъ она здѣсь, всѣмъ чужая, всѣмъ непонятная и всѣхъ непонимающая. Всѣ, и школьный инспекторъ, и батюшка, и попечитель, и мужики, всѣ вмѣстѣ ищутъ въ ней чего то такого, чего у нея вовсе нѣтъ и всѣ непремѣнно хотятъ что то внушить ей. Что именно, ужъ не вѣру-ли въ ея дѣло? Да и можно-ли вѣрить въ него дѣйствительно?

И ей припоминается недавній случай, какъ одна старая баба пришла къ ней съ воплями и

Digitized by Google

проклятіями по адресу и ученія и учащихъ: ея внукъ, выучившійся въ школѣ читать и писать, нанялся работать въ экономію и тамъ, желая похвастать своимъ граматѣйствомъ, выписалъ углемъ на дверяхъ амбара всѣ деревенскія ругательства, за что и былъ прогнанъ управляющимъ.

Что бъ васъ, со всею вашею наукою трясця задавила! Будь вы прокляты!—кричала баба, заливаясь горькими слезами у самаго порога школы, подъ ободрительный смѣхъ и циничныя прибаутки собравшихся отъ бездѣлья на шумъ мужиковъ.

... Туманъ, повсюду туманъ, какой густой туманъ! Все въ немъ тонетъ и, если изрѣдка прорвется слабый лунный лучъ съ неба, то съ еще большею силою хлынутъ сейчасъ же со всѣхъ сторонъ новыя волны чернаго, всепожирающаго тумана.

И снова все исчезаетъ въ его непроницаемой, густой, скользкой массѣ...

„Тикъ-такъ, тикъ-такъ..“

Внутри часовъ что то зашумѣло, заскрипѣло, дверца отворилась и кукушка, безстрастно прокуковавши одиннадцать разъ, спряталась въ свою каморку. Ждать еще цѣлый часъ. И чего, въ сущности, ждать? Тоска и одиночество, полное, безнадежное одиночество!.. Бѣдная, маленькая Женя погибла на вѣки, а ея мѣсто заняла эта высокая, блѣдная дѣвушка, въ глазахъ которой навсегда потухла радость и на губахъ—умерла молодая, счастливая улыбка.

Она рѣшается все-таки дождаться наступленія торжественной минуты и, чтобы отогнать неотступно преслѣдующіе ее образы, снова берется за книгу.

Digitized by Google

„Тикъ-такъ, тикъ-такъ...“

Понемногу отяжелѣвшая голова склоняется все ниже и ниже, книга тихо выскальзываетъ на глиняный полъ. Дѣвушка засыпаетъ...

И такъ дни, мѣсяцы, годы... Безъ проблеска счастья, безъ надежды, безъ радости, безъ любви, безъ ласки... Дни, мѣсяцы, годы...

V.

Старый, сѣдой какъ лунь, Хаджи-Ибраимъ, съ утра неподвижно сидитъ сегодня, передъ открытымъ очагомъ, на красныхъ кирпичахъ котораго слабо догораютъ тлѣющіе угли. Словно статуя, застылъ онъ возлѣ перебѣгающихъ по уголькамъ синеватыхъ огоньковъ, которые не могутъ уже согрѣть его старческое, изможденное годами, сгорбленное трудами тѣло. Иногда, когда ему казалось, что подъ дрожавшимъ на уголькахъ, отъ врывавшагося въ прямую трубу очага порыва вѣтра, сѣрымъ налетомъ золы, слабый жаръ готовъ былъ угаснуть, старикъ, кряхтя, тяжело поднимался съ кошмы бѣлаго войлока и ковырялъ въ очагѣ длинными, желѣзными щипцами. Потомъ онъ неизмѣнно доставалъ изъ кармана широкихъ, синихъ шароваръ ситцевый кисетъ и своими, давно уже утратившими способность сгибаться, одервенѣвшими пальцами, набивалъ темнымъ табакомъ глиняную трубку, насаженую на длинный черешневый чубукъ. И снова надолго замиралъ въ своей неподвижной позѣ, не сводя глазъ съ перебѣгавшихъ по углямъ синеватыхъ огоньковъ Точно между этими, еле мерцавшими огоньками и этою, еле теплившеюся жизнью, существовала какая

Digitized by Google

то таинственная, близкая связь: догоритъ послѣдній уголь, вспыхнетъ длиннымъ языкомъ вверхъ въ послѣдній разъ голубое пламя—и улетитъ душа изъ этого стараго тѣла...

За тонкою, глиняною, раздѣлявшею низкую саклю на двѣ части стѣною, на женской половинѣ, слышался плачъ ребенка, мычалъ внесенный туда, не во время родившійся теленокъ. Иногда повышали голоса сидѣвшія тамъ за своею незатѣйливою пряжею женщины, но тотчасъ же, вспомнивши, что рядомъ Хаджи-Ибраимъ грѣется у очага, почтительно умолкали.

Уже нѣсколько ралъ маленькая, съ быстрыми, черными, какъ у звѣрька, глазками Лейла, правнучка и любимица Ибраима, слегка пріотворяла потемнѣвшую дверь и поглядывала въ щелку на старика, ожидая, что онъ, какъ всегда, поманитъ ее къ себѣ и начнетъ перебирать своими жесткими костлявыми пальцами ея волоса, заплетенные въ цѣлую сотню тоненькихъ, блестящихъ косичекъ. Но старикъ продолжалъ сидѣть неподвижно, не поворачивая даже головы, когда дверь начинала скрипѣть на своихъ проржавѣвшихъ петляхъ. И веселые, черные глазки маленькой Лейлы затуманились печалью, и крупныя слезы покатились по ея изрытымъ жестокою оспою щекамъ... Она бѣжала къ матери и, уткнувшись лицомъ въ ея колѣни, тихо плакала. А мать ласково гладила ее по головѣ и утѣшала:

— Не плачь, дитя, скоро вернется отецъ, онъ привезетъ все, что нужно и я тебѣ спеку катламу, такую горячую, такую жирную, какой ты никогда еще не ѣла. Не плачь, дитя...

Digitized by Google

— О чемъ думалъ такъ долго старый Хаджи-Ибраимъ? Но развѣ кто нибудь, кромѣ Аллаха, можетъ проникнуть въ мысли мудреца? Въ мысли мудреца, прожившаго два вѣка и каждый день бесѣдующаго съ великимъ источникомъ вдохновенія и откровенія, съ книгою, написанною самимъ пророкомъ?

Если у кого нибудь случалось горе, если кому нибудь становилось не въ моготу терпѣть обиды и эту вѣчную, гнетущую душу, какъ свинцовая, тяжелая плита, бѣдность, тотъ шелъ не къ мулламъ, этимъ жаднымъ, лукавымъ лицемѣрамъ, подъ личиною наружнаго благочестія думавшимъ только о своихъ толстыхъ утробахъ и мечтавшимъ объ одномъ, какъ можно ближе пристроиться къ вакуфамъ, имуществамъ, оставленнымъ благочестивыми мусульманами въ пользу своихъ бѣдныхъ соотечественниковъ, но служащимъ только на пользу тучнымъ чиновникамъ и хитрымъ мулламъ. Нѣтъ, тотъ шелъ за словомъ утѣшенія и ободренія къ Хаджи-Ибраиму. Старикъ умѣлъ слушать безъ скуки чужое горе и сразу находилъ въ великой книгѣ пророка, предусмотрѣвшаго все, то мѣсто, которое одно могло залѣчить рану человѣческой души. Часто онъ, только открывши коранъ и на мгновеніе заглянувъ туда черезъ свои большіе, круглые серебряные очки, тотчасъ-же осторожно закрывалъ святую книгу и говорилъ на память оттуда цѣлыя страницы. Аллахъ великъ и милостивъ, устами пророка своего онъ обѣщалъ воздать, всѣмъ вѣрнымъ сынамъ своимъ въ свое время. Кротость и смиреніе, смиреніе и кротость!...

Digitized by Google

Хаджи-Ибраимъ всю жизнь видѣлъ, какъ, вѣрный этому завѣту смиренія и покорности, обезземеленный и обобранный, быстро таялъ и вымиралъ на его глазахъ его народъ. Онъ не помнитъ самъ того времени, когда впервые прочно обосновались тутъ, хитростью и лукавствомъ пробравшіеся во всѣ щели Крыма гяуры. Но онъ много слышалъ объ этомъ еще мальчикомъ отъ своего отца и дѣда, которые, съ саблею въ рукѣ и лукомъ за спиною, не разъ подстерегали невѣрныхъ въ высокой травѣ ногайскихъ степей и отправляли ихъ нечестивыя души прямо въ черныя лапы шайтану. О, шайтанъ можетъ быть доволенъ ихъ работою, они были не изъ трусовъ и акуратно выходили на свою ночную, во славу Аллаха, работу, еще долго послѣ того, какъ вездѣ уже по крымскимъ дорогамъ стояли сторожевыя казачьи заставы и въ Карасубазарѣ сидѣлъ главный русскій генералъ.

Но не долго пришлось гулять въ широкихъ степяхъ послѣднимъ джигитамъ Крыма, въ ночномъ мракѣ отсѣкавшимъ тѣ самыя головы, склоняться передъ которыми ихъ заставляли днемъ; одинъ за другимъ сложили они въ степи свои буйныя кости. И нѣкому стало передать дѣтямъ и внукамъ о былой славѣ Гиреевъ, бравшихъ дань и съ Москвы, и съ Варшавы, и пригонявшихъ въ Крымъ изъ Польши и Украйны по черному шляху цѣлыя вереницы нанизанныхъ на длинныя цѣпи невольниковъ и невольницъ. Машалла! Не одинъ вѣкъ продолжалось это счастливое время...

Хаджи-Ибраимъ помнитъ, какъ однажды, почти еще ребенкомъ, онъ ѣхалъ съ отцомъ на скрипучей

Digitized by Google

арбѣ, нагруженной сѣномъ, изъ своего аула въ Перекопъ. По дорогѣ на встрѣчу имъ попался казачій разъѣздъ. Казаки обшарили всю арбу, перещупали своими длинными пиками насквозь все сѣно, отобрали у отца деньги, кисетъ съ табакомъ и, ударивши его нѣсколько разъ нагайками, поскакали дальше...

Много, много лѣтъ прошло съ той поры... Кто ихъ считалъ? Кто считалъ годы самого Хаджи-Ибраима? Давнымъ давно уже поумирали его послѣдніе сверстники, съ которыми онъ игралъ мальчикомъ въ ашики,—костяшки изъ бараньихъ суставовъ. Сколько было прожито, пережито и позабыто!.. Но это воспоминаніе самаго ранняго дѣтства такъ сильно, такъ рельефно врѣзалось въ его памяти, что иногда, когда Хаджи-Ибраимъ особенно долго смотритъ на голубоватые огоньки тлѣющихъ углей очага, передъ нимъ, какъ, живое, встаетъ мертвенно блѣдное, перекосившееся отъ безсильной ярости и униженія лицо отца, съ горящими отъ гнѣва глазами и покорно сложенными на груди руками. И уши его точно еще слышатъ послѣднія, страшныя проклятія, которыя вырывались изъ покрытыхъ пѣною устъ отца, во слѣдъ удалявшемуся облаку пыли. Тѣ были уже далеко и хорошо, что они не слышали, или не понимали того, что неслось имъ въ догонку. Иначе они вернулись бы и разорвали бы ихъ обоихъ на части.

Маленькій мальчикъ весь дрожалъ, зарывшись съ головою въ сѣно. Онъ не могъ дать себѣ яснаго отчета во всемъ происшедшемъ, но чувствовалъ, что случилось что то ужасное, что должно закончиться

Digitized by Google

еще ужаснѣе... Но вотъ понемногу угрозы отца затихли. Мальчикъ робко поднялъ голову и посмотрѣлъ назадъ,—облако пыли было уже еле видно.

Увидѣвъ трясущагося отъ страха ребенка, отецъ воскликнулъ:

О Ибраимъ, помни до самой смерти то, что ты сейчасъ видѣлъ и не забывай проклятыхъ гяуровъ. Они отняли у насъ уже свободу и половину того, что мы имѣемъ, скоро отнимутъ и другую. Никогда не вѣрь нечестивымъ и нашимъ мурзамъ, которые отвернулись отъ своего народа и готовы продать имъ и насъ, и самого пророка. Подлые пришельцы, ограбивши насъ, уже смѣютъ поднимать на насъ свою руку. И мы можемъ, отъ сознанія своего безсилія, только грызть зубами землю, въ которой лежатъ наши дѣды и которая не принадлежитъ уже намъ. Мы гости, теперь всѣ мы гости въ своемъ собственномъ домѣ. А они—наши хозяева! Они, которыхъ Тугай-бей пригонялъ цѣлыми стадами, точно барановъ, на гезлевскій рынокъ!.. Помни всегда Ибраимъ, что у дѣда твоего дѣда пасли овецъ и купали лошадей невольники изъ породы этихъ проклятыхъ, которые издѣваются теперь надъ нами, и надъ самимъ пророкомъ. И, если ему казалось, что они не очень проворно, или не очень усердно исполняютъ его желанія, то онъ приказывалъ подать себѣ длинный бичъ изъ ремня, вырѣзаннаго со спины буйловой кожи и училъ ихъ имъ до тѣхъ поръ, пока этого хотѣла его душа. А у бабки твоей бабки ткала полотна цѣлая сотня невольницъ изъ казачьихъ женъ и дочерей. И, когда пріѣзжалъ въ гости хорошій другъ, или почетный человѣкъ—слуга хана, то каждый получалъ въ подарокъ молодую казачку.

Digitized by Google

Не забывай, Ибраимъ, никогда, что было время, славное, невозвратное время, когда самый бѣдный во всемъ Крыму татаринъ, имѣвшій изъ мѣдной посуды всего только одинъ кофейникъ, если хотѣлъ, могъ вымѣнять этотъ кофейникъ на пару молодыхъ рабынь съ Украйны. За хорошаго верблюда ихъ давали цѣлый десятокъ. Аллахъ великъ! И, если онъ захочетъ порадовать сердца вѣрныхъ за счетъ нечестивыхъ, то нѣтъ предѣловъ и границъ его щедрости. Но щедрость Аллаха можетъ истинно оцѣнить только тотъ, кто видѣлъ черныя времена. Ибо милость, проливаемая на человѣка непрерывно и незаслуженно, разучаетъ его принимать ее съ благодарностью. Настали, Ибраимъ, черныя времена. Но вѣрные могутъ быть покойны. Аллахъ отвернулъ отъ нихъ пока свое разгнѣванное лицо, но не отступился отъ нихъ совершенно. И, когда милость его вернется,—то вернется...

Потомъ отецъ началъ разсказывать про старину, про времена Саидъ-Гирея, Менгли-Гирея, когда кривая татарская сабля и лукъ со стрѣлами, посланные въ Варшаву и въ Москву, приводили въ трепетъ самыхъ свирѣпыхъ царей, и самыхъ гордыхъ королей. И заставляли ихъ поспѣшно собирать и отсылать въ грозный Бахчисарай богатую дань золотомъ, серебромъ, самоцвѣтными каменьями и дорогими мѣхами. Потомъ, успокоившись и даже немного развеселившись подъ вліяніемъ воспоминаній этого сильнаго, блестящаго прошлаго, про которое онъ разсказывалъ съ такимъ увлеченіемъ, точно самъ переживалъ его, отецъ запѣлъ заунывную, длинную, какъ эта дорога, безконечную какъ эта

Digitized by Google

степь, пѣсню, пѣсню любимой старины, пѣсню подвиговъ и лихихъ набѣговъ предковъ...

Кто ихъ знаетъ, кто поетъ ихъ, кто ихъ слушаетъ теперь въ Крыму? Въ этихъ, на половину вросшихъ въ землю убогихъ деревушкахъ, въ этихъ полуосыпавшихся, жалкихъ, сѣрыхъ сакляхъ, молчаливыхъ, тусклыхъ, точно трупъ покойника лавровымъ вѣнкомъ былого могущества и славы, окруженныхъ сплошнымъ кольцомъ ярко зеленаго, даже въ самую ужасную засуху, когда кругомъ уже все сгорѣло, юзъ-эрлыка?.

Одинъ Хаджи-Ибраимъ могъ бы передать молодымъ поколѣніямъ легенды о былой славѣ дѣдовъ. Но развѣ поймутъ эту славу предковъ забитые нуждою и невѣжествомъ, вымирающіе отъ болѣзней и голода потомки когда то сильныхъ, свободныхъ, безпечныхъ хозяевъ всей этой необозримой степи? Диктовавшихъ свои указы и хитрой Москвѣ, и надменной Варшавѣ? Что скажутъ ихъ сердцу теперь эти пустые звуки? Хаджи-Ибраимъ и не пробуетъ. Но самъ вспоминаетъ и часто, сидя передъ очагомъ, съ забившеюся подъ полу его теплой бараньей шубы Лейлою, бормочетъ слова тѣхъ пѣсень, которыя онъ послѣдній въ Крыму слышалъ и послѣдній знаетъ. Умретъ онъ,—умрутъ съ нимъ и послѣдніе обрывки воспоминаній бѣднаго народа о своемъ богатомъ событіями и могуществомъ прошломъ.

И, какъ живые проходятъ тогда передъ мысленными очами древняго старика всѣ тѣ образы и картины, которые рисовали ему отецъ и дѣдъ, во времена его дѣтства. Видитъ онъ, какъ горитъ со всѣхъ

Digitized by Google

сторонъ Москва, зажженная татарскими наѣздниками и какъ поспѣшно бѣжитъ изъ своей столицы, спасая свою жизнь отъ татарскихъ сабель и стрѣлъ, грозный русскій царь Иванъ. Видитъ онъ, какъ словно море расплавленнаго серебра, точно первая буря юной весны, шелестя и звеня своими крыльями, вихремъ несутся на крымскую рать гусарскія фаланги блестящихъ польскихъ рыцарей...

И тонутъ, тонутъ безслѣдно, въ ея широкихъ, черныхъ объятіяхъ...

Га, не мало и этихъ длинноусыхъ храбрецовъ видѣли на своихъ невольничьихъ рынкахъ въ свое время Каффа и Гезлевъ. Да, да, все это было и быльемъ поросло...

Давно ли еще,—Хаджи-Ибраимъ помнитъ очень хорошо это,—давно ли татарская молодежь обоего пола, нарядившись въ свои лучшія одежды, собиралась въ праздничные дни возлѣ деревни, раздѣлялась на двѣ партіи и обѣ стороны состязались въ острословіи, ведя разговоръ цвѣтистыми, слагавшимися тутъ же, стихами?.

— А теперь?.

— Все кругомъ подавлено, согнуто самою жалкою нуждою и постоянною мыслью о завтрашнемъ днѣ, погрязло во тьмѣ невѣжества и убожества... Гдѣ ужъ тутъ думать объ острословіи и о стихахъ?...

Когда, послѣ встрѣчи съ казаками, маленькій Ибраимъ вернулся съ отцомъ изъ Перекопа, гдѣ въ то время, надъ широкимъ и глубокимъ рвомъ, тянувшимся отъ чернаго моря до азовскаго, стояли еще цѣлыми залитыя янычарскою кровью, высокія каменныя башни, въ родную деревню, отецъ немед-

Digitized by Google

ленно созвалъ всѣхъ своихъ родныхъ и друзей. По завѣту старины, собрались на самомъ высокомъ курганѣ, насыпавшемся въ теченіе цѣлыхъ столѣтій изъ кизячной золы, возлѣ мечети, усѣлись на корточкахъ и закурили свои длинныя трубки. О чемъ бесѣдовали тамъ, мальчикъ не зналъ, такъ какъ дѣтей во время такихъ совѣщаній не пускали къ кургану, но судя по тому, что больше всѣхъ говорилъ, широко размахивая руками, отецъ, онъ догадывался, что рѣчь идетъ, вѣроятно, о казачьей расправѣ. Собраніе, куря трубки, молча, угрюмо слушало разсказъ и, когда онъ былъ оконченъ, всѣ также молча, угрюмо, разошлись по своимъ саклямъ. Нужно уходить скорѣе всѣмъ въ Стамбулъ, къ падишаху, слышалъ Ибраимъ отрывочныя фразы расходившихся...

Вечеромъ отецъ, дѣдъ, крѣпкій, весь словно сотканный изъ жилъ старикъ, часто скрывавшійся куда то на цѣлые мѣсяцы и возвращавшійся съ богатою добычею, и еще двое братьевъ матери, молодыхъ борцовъ, собирались куда то въ далекую дорогу и тщательно мочили наконечники своихъ стрѣлъ въ глиняномъ горшкѣ, наполненномъ какою то черною жидкостью. А когда совсѣмъ уже стемнѣло и наступила ночь, они осѣдлали самыхъ сильныхъ, самыхъ быстрыхъ своихъ коней,—развѣ у татаръ тогда такія были лошади, какъ теперешнія жалкія, разбитыя клячи,—и уѣхали.

Съ тѣхъ поръ уже Ибраимъ никого изъ нихъ никогда больше не видѣлъ...

Послѣ, много лѣтъ уже спустя, когда Ибраимъ изъ мальчика выросъ въ сильнаго, смѣлаго юношу,

Digitized by Google

мать однажды разсказала ему судьбу ихъ. Они попали въ сильную казачью засаду и были всѣ изрублены въ куски казачьими саблями. Но рядомъ съ ямою, куда побросали, словно собакъ, ихъ тѣла, казаки закопали и шесть труповъ изъ своихъ. И, передавая съ плачемъ и причитаніями скрежещущему зубами отъ злости сыну эту ужасную исторію, мать даже и не намекала ему объ отомщеніи. Въ это время полки изъ крымскихъ татаръ, подъ предводительствомъ своихъ мурзъ, воевали бокъ о бокъ съ казачьими за русскія знамена, противъ великаго френкскаго царя, шедшаго огнемъ и мечемъ на Россію. И грудью своею защищали ту самую Москву, которую нѣкогда жгли и грабили ихъ предки подъ рукою Гиреевъ, и которая подтоптала ихъ теперь подъ свой тяжелый сапогъ. Гдѣ ужъ тутъ было думать о мести?

Снова скрипнула дверь, на этотъ разъ смѣлѣе и маленькая, черноглазая Лейла, все еще неувѣренно выглянула оттуда.

Иди сюда, дитя, подойди ко мнѣ, ласково позвалъ ее старикъ. И Лейла, какъ птичка, въ одно мгновеніе порхнула на колѣни къ дѣду.

Не вернулся еще твой отецъ, моя черноглазая козочка?

Нѣтъ, дѣдушка, его еще нѣтъ и никто еще не пріѣхалъ изъ тѣхъ, которые поѣхали съ нимъ. На дворѣ, дѣдушка, такой туманъ, стало совсѣмъ темно и такъ холодно... Туманъ бѣжитъ и мерзнетъ, а за нимъ снова бѣжитъ другой и тоже мерзнетъ. Все кругомъ стало блестящее и такъ красиво, только очень скользко, на землѣ всюду сверху лежитъ ледъ.

Digitized by Google

Дѣдушка, пойдемъ немного побѣгаемъ, я тебя буду ловить, или ты меня...

Ахъ ты, глупенькая моя! У дѣда уже ноги отказываются ходить, а ты зовешь его бѣгать съ тобою. Поди лучше скажи матери, пусть сваритъ и принесетъ мнѣ кофе. А я потомъ разскажу тебѣ новую сказку Шахерезады. Любишь ты сказки?

И маленькая Лейла, захлопавши отъ радости въ ладоши, какъ птичка выпорхнула на женскую половину.

Вошла мать Лейлы, преждевременно состарившаяся отъ заботъ и лишеній женщина, съ попорченнымъ оспою лицомъ и глубокими морщинами на лбу. Она смотрѣла внизъ и имѣла видъ сконфуженной, точно провинившейся въ чемъ то.

Кофе нѣтъ ни одного зерна, отецъ. И нѣтъ ни у кого изъ сосѣдей, я обошла всю деревню и, если бы нашла, то уже давно сварила бы и подала тебѣ. И ничего нѣтъ въ домѣ, отецъ, ни муки, ни пшена, ни бараньяго сала. Есть только молоко, но какое и сколько молока можетъ дать корова, которая должна ѣсть одинъ гнилой бурьянъ? Османъ вернется къ вечеру, онъ пять дней возилъ соль, сегодня ему обѣщали уплатить деньги и онъ привезетъ все. Но въ степи такой туманъ, что попасть на настоящую дорогу не такъ то легко. Это ужасный годъ, отецъ, ни хлѣба, ни сѣна, ничего кромѣ бурьяна... И нигдѣ нельзя достать работы. Что съ нами будетъ дальше, вѣдь зима еще только въ началѣ? Тебя всѣ давно знаютъ, какъ мудреца, можетъ быть Аллахъ осѣнитъ тебя и на этотъ разъ спасительною мыслью, и ты успокоишь всѣхъ насъ?

Digitized by Google

— Все отъ него, дочь моя, онъ начало и конецъ всему существующему, если онъ посылаетъ горе, то онъ же одинъ даетъ и утѣшеніе. Было и хуже, давно это было, въ дни моей молодости... Въ крымскихъ степяхъ жили тогда одни татары и всѣ земли принадлежали имъ. Не знали мы еще ни нѣмцевъ, ни русскихъ помѣщиковъ. И два года подъ рядъ солнце выжигало до самаго корня все то, что посѣяно рукою человѣка и то, что ростетъ на свободѣ, посѣянное рукою Аллаха.

Старикъ замолкъ на минуту.

И начали люди умирать голодною смертью. Они ѣли землю и падали мертвыми тутъ же... Сколько тогда погибло вѣрныхъ, извѣстно только одному пророку, ведущему книгу записи ихъ. И нигдѣ ничего нельзя было достать, ни за какія деньги. Потомъ русскіе чиновники написали царю и царь прислалъ изъ Россіи обозы съ хлѣбомъ и пшеномъ. Долго шли эти обозы... А когда пришли, тогда вездѣ поставили большіе котлы и начали варить въ нихъ казенную пищу. И, каждое утро, къ котламъ стекались толпы истощенныхъ, еле дышащихъ полумертвецовъ. Съ чашками и казанками въ рукахъ, смотрѣли жадно они впавшими, тусклыми глазами за тѣмъ, какъ варилась пища, готовые каждый моментъ ринуться къ мѣшкамъ, разодрать ихъ и обжираться сырымъ пшеномъ и мукою. И только солдаты, стоявшіе кругомъ съ палками въ рукахъ, сдерживали напоръ этихъ живыхъ полутѣней. И они, крѣпко стиснувъ зубы, съ нетерпѣніемъ слѣдили за раздачею пищи, рыча на то, что казалось имъ безконечно долгимъ. А потомъ, бросались всѣ

Digitized by Google

разомъ впередъ, какъ стадо барановъ, загнанное бурею на утесъ, бросается въ море.

Ихъ били палкою по головамъ, по рукамъ, по спинамъ, и удары сухихъ палокъ о сухія кости, наполняли далеко воздухъ ужасными звуками, перемѣшанными съ мольбами, воплями, стонами и проклятіями... А потомъ, наполнивъ свои чашки и утоливъ свой голодъ, отяжелѣвшіе, сонные, всѣ расползались по своимъ норамъ до слѣдующаго утра. Всѣ, за исключеніемъ тѣхъ, которые каждый разъ оставались на мѣстѣ, застывшими трупами, уткнувшись лицомъ въ землю, или грозя небу сжатыми кулаками. Ихъ стаскивали цѣлыми кучами, сваливали прямо въ глубокія ямы и засыпали сначала известкою, а сверху землею. И каждое утро повторялось это зрѣлище... И такъ многіе и многіе мѣсяцы подрядъ...

Это было очень давно, дочь моя. Великая разлучительница людей и всего живущаго прошла тогда по всему Крыму и своимъ широкимъ, чернымъ крыломъ такъ чисто вымела татарскія деревни, что въ нѣкоторыхъ, кромѣ жирныхъ собакъ, не осталось ни одного живого существа. Да, собаки были такъ жирны, что даже зимою бѣгали съ высунутыми языками, имъ было жарко.

Ибо они питались трупами своихъ хозяевъ...

Старикъ замолчалъ и задумчиво смотрѣлъ на мерцающее пламя очага, словно вызывая оттуда тѣни былого. Татарка присѣла на корточки возлѣ двери, вся поглощенная одной мыслью, что будетъ ѣсть вся семья сегодня, если не вернется уѣхавшій уже цѣлую недѣлю тому назадъ возить соль отъ

Digitized by Google

озеръ къ желѣзной дорогѣ, ея мужъ. Это былъ единственный способъ заработать что нибудь въ этотъ тяжелый годъ. Она не роптала, пріученная съ ранняго дѣтства къ слѣпой покорности судьбѣ и окружающимъ людямъ, но передъ глазами ея ярко стояла нарисованная старикомъ картина голодныхъ, высохшихъ людей, бросающихся на приготовленную для нихъ ѣду, какъ бросаются волки на добычу. Ей мерещилось, что при каждомъ порывѣ вѣтра черезъ прямую, широкую трубу очага, доносятся откуда то звуки сухихъ палокъ, колотящихъ о сухія кости...

И она вся съежилась и застыла, въ какой-то покорной, неподвижной оцѣпенѣлости...

— Всему на свѣтѣ приходитъ конецъ, медленно заговорилъ старикъ, набивая свою трубку, скоро очевидно придетъ конецъ и моему народу. Аллахъ хранитъ такъ долго искру жизни въ моемъ слабомъ, старомъ тѣлѣ для того, чтобы я былъ свидѣтелемъ постепенной гибели моего народа. Въ самомъ дѣлѣ, для кого и для чего я нуженъ на землѣ? Но, оставивши мнѣ жизнь, онъ, по добротѣ своей, не отнялъ у меня памяти и она сберегла все то, что видѣлъ и что слышалъ я въ теченіи долгаго ряда лѣтъ. Я всегда помнилъ завѣты пророка и пророкъ не оставлялъ меня. Многіе ли вернулись изъ тѣхъ, которые, подобно мнѣ, трижды предпринимали далекое путешествіе къ священному источнику Земъ-Земъ и удостоились счастья трижды облобызать святой, черный камень Каабы? Когда султанъ, позвавши на помощь френковъ и другихъ своихъ друзей, задумалъ отнять обратно у русскаго царя Крымъ,

Digitized by Google

и все черное море закипѣло подъ несчетными кораблями, съ несмѣтными войсками и такими большими пушками, что, когда изъ нихъ стрѣляли въ Ахтіарѣ, то въ Бахчисараѣ осыпались каменныя горы и вздрагивали памятники на ханскихъ могилахъ, заботливая рука пророка не разъ спасала меня отъ вѣрной смерти. Пока солдаты царя сражались съ солдатами султана и безо всякой пользы, сами не зная за что, убивали другъ друга цѣлыми тысячами, русскіе чиновники и начальники, чтобы лучше обобрать напуганныхъ татаръ, выдумали, что татары бунтуютъ и помогаютъ падишаху. И разразилась гроза надъ степными татáрскими деревнями... Ихъ грабили начисто среди бѣлагó дня, у нихъ забирали все, лошадей, овецъ, коровъ, мѣдную посуду и, если кто пробовалъ защищаться, того растрѣливали или вѣшали...

Старикъ снова замолчалъ, подавленный тяжестью всплывшихъ передъ нимъ воспоминаній. Татарка продолжала неподвижно сидѣть возлѣ двери, опершись на обѣ руки своимъ увядшимъ, желтымъ лицомъ.

— А между тѣмъ, дочь моя, продолжалъ Хаджи-Ибраимъ, мы были мирные, совсѣмъ мирные, и никто изъ насъ не думалъ ни о падишахѣ, ни о его друзьяхъ, каждый думалъ только о своей семьѣ и о кускѣ хлѣба для нея. Едва началась война, какъ прошелъ слухъ, что идутъ изъ Россіи въ Ахтіаръ на помощь безчисленныя войска царя. Всѣ солдаты изъ Россіи шли тогда черезъ Перекопъ, а наша деревня, гдѣ я жилъ тогда и отъ которой теперь не осталось никакихъ слѣдовъ, кромѣ высокаго

Digitized by Google

золяного кургана, насыпаннаго еще во времена походовъ Гиреевъ, была ближайшею къ Перекопу, возлѣ самой большой дороги. Старики наши хорошо знали, что такое казаки, шедшіе впереди войскъ и рѣшили устроить имъ почетную встрѣчу, на половинѣ дороги отъ деревни къ Перекопу. Выбрали десять самыхъ почтенныхъ акъ-сакаловъ и я, сравнительно молодой, попалъ въ число ихъ, какъ удостоившійся уже побывать въ Меккѣ и Мединѣ. Въ этомъ видѣли единственный способъ спасти наши семьи и наше имущество. Всѣ мы сѣли верхомъ на лошадей и, взявши въ руки священныя книги, поѣхали по направленію къ Перекопу, какъ только оттуда дали намъ знать, что казаки тронулись уже въ путь. За нами гнали нѣсколько десятковъ самыхъ жирныхъ барановъ и пару быковъ, въ подарокъ гостямъ.

И вотъ, въ густыхъ облакахъ соленой сивашской пыли, мы увидѣли двигающійся на насъ цѣлый лѣсъ пикъ... Всѣ мы подняли священныя книги на головы и запѣли всѣ вмѣстѣ изъ алъ-корана... И вдругъ оттуда, вмѣсто отвѣта на привѣтъ, раздался залпъ, другой, третій...

Моя лошадь лежала убитая, но я одинъ стоялъ живымъ и невредимымъ, кругомъ меня валялись въ пыли одни трупы, съ окрасившимися кровью бѣлыми бородами и чалмами... А сзади блеяли и метались во всѣ стороны перепуганныя овцы и мычали быки. Меня схватили и привели къ начальнику отряда. Этотъ толстый человѣкъ, не смотря на то, что солнце еще только поднялось, былъ уже пьянъ и только угрюмо рычалъ, когда стоявшій возлѣ него

Digitized by Google

русскій чиновникъ упрекалъ его, зачѣмъ онъ стрѣлялъ въ мирныхъ татаръ, которые вышли къ нему на встрѣчу съ подарками и съ пожеланіями счастья и удачи. Вѣдь васъ объ этомъ предупреждали, повторялъ онъ, вамъ это было извѣстно...

Но начальникъ разразился самыми грубыми ругательствами и закричалъ, чтобы меня тотчасъ же повѣсили.—Если вышла маленькая ошибка, кричалъ онъ чиновнику, то теперь нужно устроить такъ, чтобы не оставалось ни одного свидѣтеля ея. Хотя я не боюсь никакихъ жалобъ, но пусть лучше они всѣ вмѣстѣ, цѣлою компаніею, идутъ жаловаться своему Магомету, нежели этотъ одинъ пойдетъ жаловаться моему генералу.

Но, на мое счастье, на пятьдесятъ верстъ кругомъ не росло ни одного дерева, а разбѣжавшіеся по степи бараны, которыхъ помчались ловить казаки, смягчили немного сердце этого суроваго человѣка и убѣдили его, что встрѣчавшіе были дѣйствительно не бунтовщики. И это спасло мнѣ жизнь. Давно это было...

Старикъ снова взялъ въ ротъ трубку и, свѣсивши голову на грудь, казалось, весь погрузился въ свои воспоминанія.

Татарка продолжала все такъ же тоскливо и неподвижно, уткнувшись лицомъ въ ладони рукъ, сидѣть у порога. Безъ прошлаго, безъ всякихъ надеждъ и желаній въ будущемъ, она жила только настоящимъ. До пятнадцати лѣтъ, безъ выхода прожила она у родителей въ своей деревнѣ, а послѣ пятнадцати ее перевезли въ домъ мужа, за десять верстъ въ другую деревню. И этими двумя дерев-

Digitized by Google

нями и ихъ жизнью, ограничивался весь кругозоръ ея міросозерцанія. Что дѣлалось тамъ, дальше, какъ жили тамъ люди и какіе люди, для нея все это являлось совершенно невѣдомымъ и даже необъяснимымъ. Когда бывалъ хорошій урожай, а это случалось не часто, въ три или четыре года разъ, она, съ другими женщинами, такими же жалкими, какъ она, совершала поѣздку за покупками для домашняго хозяйства въ ближайшій городишко, хмурый, обтрепанный, тонущій въ грязи, съ развалившимися на половину домами. Но, послѣ земляныхъ сакль и золяныхъ кучъ родной деревни, бѣднымъ женщинамъ казалось, что онѣ попали въ какой то сказочный міръ богатства и роскоши. Онѣ низко кланялись каждому встрѣчному съ кокардой на фуражкѣ, издалека уступали всѣмъ дорогу и, забравшись въ лавку, нѣмѣли отъ восторга передъ пачками разложеннаго на полкахъ яркаго ситца и бумазеи. Чмокая губами, пораженныя до глубины души всѣмъ этимъ неописуемымъ великолѣпіемъ, дрожащими руками отбирали онѣ нужныя имъ матеріи. Когда все было кончено, мужья, до этого времени молча сидѣвшіе возлѣ лавки и курившіе трубки, вынимали свои кисеты и платили деньги. Эти удачные годы были періодами сытаго, обутаго и одѣтаго довольства. Пеклись пропитанныя насквозь саломъ лепешки, варилась самая жирная баранина съ рисомъ, цѣлыми днями кипѣлъ на угляхъ кофейникъ и большими кувшинами подавался острый катыкъ. Вся деревня щеголяла въ новыхъ, пестрыхъ нарядахъ, мужчины въ крѣпкихъ сапогахъ, женщины въ желтыхъ и красныхъ сафьяновыхъ туфляхъ. Они

Digitized by Google

составляли своего рода эру, и по нимъ велась устная лѣтопись мѣстныхъ событій. А потомъ, три-четыре года, опять ничего, кромѣ степи, неба и, смотря по погодѣ и цвѣту неба, ярко синей, или блѣдно зеленой полоски Сиваша на горизонтѣ. И такъ всю жизнь, изо дня въ день, изъ года въ годъ, отъ рожденія до самой смерти...

Иногда старый Хаджи-Ибраимъ пробовалъ скрашивать это сѣрое, унылое, монотонное существованіе, безъ просвѣта, безъ радости, безъ надежды, всегда въ страхѣ и трепетѣ за завтрашній день, за то, что хозяинъ земли, которая раньше принадлежала татарамъ, а потомъ какимъ то незамѣтнымъ и непонятнымъ образомъ стала собственностью мурзака, выгонитъ вонъ, или продастъ свое имѣніе нѣмцамъ, которые первымъ дѣломъ выселяютъ всѣхъ татаръ съ купленныхъ земель. Въ сокровищницѣ старика, зеленомъ кипарисовомъ ящикѣ, съ прихотливыми перламутровыми украшеніями на крышкѣ, вывезенномъ имъ изъ перваго путешествія къ гробу пророка, рядомъ съ великою книгою книгъ, написанною пророкомъ, лежали сказки Шахерезады. Давно пріобрѣлъ онъ эту чудную книгу, когда былъ въ молодости въ Багдадѣ. Длинными зимними вечерами, старикъ собиралъ всю семью къ очагу, и тогда весь, такой печальный и безутѣшный дѣйствительный міръ, вдругъ наполнялся сверкающими грудами золота, переливающими яркимъ блескомъ самоцвѣтными каменьями огромной величины, серебряными дворцами, населенными джинами и джиніями необычайной силы и красоты, мудрыми кали-

Digitized by Google

фами, прекрасными принцессами и пылкими, благородными юношами...

Разступались стѣны тѣсной сакли и за ними выплывали, среди раскаленныхъ песковъ горячей пустыни, караваны одногорбыхъ верблюдовъ, нагруженныхъ шелками и слоновою костью, свѣтила вдали волшебная лампа Аладина и боролся съ высокими волнами бурнаго моря безстрашный Синбадъ. И длинными рядами, въ длинныхъ до самой земли, бѣлыхъ, какъ первый снѣгъ, одѣяніяхъ, шли отовсюду таинственные могарбиты... И мчались на огненныхъ коняхъ, въ жестокую сѣчу, храбрые воины...

Хвала Аллаху, даровавшему человѣку возможность создать этотъ сказочный перлъ фантазіи, въ утѣшеніе людямъ, тихо и безропотно вымирающимъ отъ голода и холода...

Когда къ старому Хаджи-Ибраиму пріѣзжали люди изъ другихъ мѣстъ излить свое горе и накипѣвшее въ этой постоянной борьбѣ съ несправедливостью и произволомъ безсильное отчаяніе, что онъ могъ-бы сказать имъ, если-бы подъ рукою у него не были всегда великіе завѣты пророка? Всѣ награды за долготерпѣніе и страданіе тамъ...

Все тамъ и ничего здѣсь!..

Цѣлые десятки, цѣлыя сотни татарскихъ деревень, когда то богатыхъ и цвѣтущихъ, исчезли совершенно безо всякихъ слѣдовъ съ лица земли и только многочисленныя, разсыпанныя всюду въ степяхъ, усѣянныя вросшими въ землю бѣлыми и желтыми могильными камнями, кладбища, молчаливо и безошибочно укажутъ путнику тѣ мѣста, гдѣ онѣ когда то существовали. Мурзы, свои же

Digitized by Google

единовѣрные и единокровные мурзы, заграбили татарскія земли и пропили ихъ, проиграли въ карты. Пришли на мѣсто мурзъ русскіе, нѣмцы и точно вѣтромъ начало сметать деревушки татаръ, на своей родной землѣ превратившихся въ безземельныхъ и въ бездомныхъ. Сколько жило прежде въ Крыму татаръ и сколько осталось ихъ теперь?

Горсть, одна небольшая горсть...

Хаджи-Ибраимъ помнитъ то время, когда вся земля, сколько видно ее съ самой высокой золяной кучи, безъ остатка принадлежала шести сосѣднимъ татарскимъ деревнямъ. Теперь изъ шести деревень осталась всего только одна, въ которой живетъ Хаджи-Ибраимъ, и въ ней даже земля подъ татарскими саклями оказалась принадлежащею совсѣмъ другимъ людямъ, которымъ нужно платить за каждую борозду, проведенную плугомъ, за каждую выпущенную возлѣ хаты на траву овцу. И все это случилось такъ быстро, такъ непонятно просто и такъ невѣроятно просто...

...Забывшійся старческою дремотою, Хаджи-Ибраимъ проснулся отъ оживленнаго разговора, доносившагося изъ за стѣны, гдѣ сидѣли за своею обычною работою женщины. Онъ ударилъ нѣсколько разъ своею кизилевою палкою по стоявшему возлѣ очага тазукавѣ и позвалъ Лейлу. Но, вмѣсто Лейлы, на этотъ разъ вошелъ самъ Османъ, весь покрытый бѣлымъ инеемъ, съ обвѣтреннымъ, мокрымъ, краснымъ лицомъ.

Отецъ, сказалъ онъ послѣ обычнаго привѣтствія

Digitized by Google

и освѣдомленія о здоровьѣ, Аллахъ послалъ намъ сегодня удачу. Мы сбились съ дороги и долго блуждали въ степи, въ густомъ туманѣ, но конечно не рука шайтана направляла насъ. Когда уже всякая надежда добраться сегодня къ себѣ домой покинула насъ, внезапно, на одно, самое короткое мгновеніе, туманъ, окутывавшій насъ со всѣхъ сторонъ, поднялся и мы увидѣли, въ какой нибудь верстѣ отъ себя, наши сакли. А передъ собою — огромное стадо дрофъ. Наши мальчики гонятъ ихъ теперь сюда палками, какъ овецъ. Выйди, отецъ, взгляни. И мы всѣ раздѣлимъ подарокъ Аллаха такъ, какъ ты укажешь...

Вся деревня, женщины, дѣти, старики, высыпала уже на околицу, привлеченная интереснымъ зрѣлищемъ. Туманъ снова сгустился и безформенные, сѣрые клубы его катились одинъ за другимъ, словно вырванные съ корнемъ и гонимые куда-то шумнымъ, безпокойнымъ вѣтромъ гигантскіе кусты перекати-поля. Цѣлый табунъ дрофъ, штукъ въ двѣсти, медленно двигался по дорогѣ, окруженный мальчишками, весело щелкавшими бичами и подгонявшими ихъ палками. Несчастныя птицы, попавшія подъ изморозь, съ обледенѣвшими крыльями, не могли подняться на воздухъ и покорно шли въ деревню, точно стадо загоняемыхъ на ночлегъ гусей. Напрасно то одна, то другая изъ этихъ большихъ, умирающихъ въ неволѣ отъ тоски по свободѣ птицъ, сбитыхъ теперь въ молчаливую, безпомощную кучу, дѣлала время отъ времени попытку взмахнуть своими широкими, крѣпкими крыльями и попробовать немного взлетѣть вверхъ. Отяжелѣв-

Digitized by Google

шія, скованныя сплошною корою тонкаго льда; онѣ тотчасъ же безсильно опускались внизъ, и мальчишки начинали еще веселѣе гоготать и щелкать кнутами. Впереди медленно выступалъ старый дрофичъ, на длинныхъ, рѣдкихъ усахъ котораго, точно нанизанныя стекляныя бусы, висѣли блестящія сосульки. Онъ весь былъ покрытъ ледяною корою и его обвисшія, опустившіяся подъ тяжестью попокрывавшаго ихъ льда крылья, при каждомъ его шагѣ впередъ, издавали такое характерное тарахтѣнье, какъ будто гдѣ то по близости пересыпали мелкіе орѣхи. Легкій дождь, туманъ и морозъ заковали, точно въ желѣзную броню, сильную, свободную и осторожную птицу и сдѣлали ее игрушкою въ рукахъчеловѣка.

И въ круглыхъ, грустныхъ, сѣрыхъ глазахъ, точно плѣнный полководецъ выступавшаго впереди своего отряда стараго дрофича, которыми онъ обводилъ сбѣжавшихся радоваться легкой добычѣ людей,—свѣтилась та же мысль:

Всему есть начало, всему приходитъ конецъ и все въ волѣ Аллаха. И человѣкъ, и птица, и послѣдняя букашка, и самый могучій царь. Онъ созидаетъ всякую жизнь, онъ же посылаетъ и великую разлучительницу всего живущаго. Нѣтъ бога кромѣ бога и Магометъ пророкъ его...

И когда сѣрые, печальные глаза стараго дрофича встрѣтились съ выцвѣтшими, потухшими глазами стараго Хаджи-Ибраима, Хаджи-Ибраимъ прочиталъ въ нихъ эту мысль такъ же ясно, какъ ясно читалъ онъ ее всегда въ святой книгѣ пророка. Все отъ бога, все отъ него одного и, если

Digitized by Google

онъ посылаетъ несчастье одному, то да не создастъ себѣ на этомъ прочнаго счастья другой.

И рѣшеніе задачи дѣлежа показалось ему такъ просто и такъ несложно.

Хаджи-Ибраимъ приказалъ замолчать и остановиться мальчишкамъ и, не подгоняемыя больше, усталыя птицы, тоже тотчасъ же остановились. Онѣ всѣ разомъ, вдругъ повернулись на востокъ, противъ слегка дувшаго оттуда, обильно насыщеннаго влагою вѣтра и, широко распустивъ свои обмерзшія крылья, тяжело дышали открытыми отъ усталости ртами и жадно вдыхали воздухъ, шевеля своими усами, на которыхъ прыгали и дрожали ихъ застывшія, ледяныя слезы.

Такъ видѣли всѣ татары.

Но Хаджи-Ибраиму, старому мудрецу, было видно иное. Онъ понималъ, что осторожныя, чуткія дрофы, пасущіяся на зеленой травѣ не иначе, какъ выставивъ раньше во всѣ стороны зоркихъ часовыхъ, снимающіяся за версту при одномъ появленіи на горизонтѣ человѣка, окруженныя теперь со всѣхъ сторонъ людьми, обмерзшія, безпомощныя, понимаютъ всю безнадежность своего положенія и ищутъ тамъ, на востокѣ, чуда. И, съ мольбою объ этомъ чудѣ, онѣ обернулись всѣ разомъ туда, гдѣ бьетъ источникъ вѣчной правды и жизни. И, распростерши свои крылья, какъ обращающійся къ богу человѣкъ воздѣваетъ свои руки, шепчутъ своими раскрытыми ртами непонятную людямъ, но хорошо понятную ему, трижды облобызавшему святой черный камень Каабы и познавшему всѣ откровенія пророка—нѣмую молитву.

Digitized by Google

— О Аллахъ! слышалъ Хаджи-Ибраимъ въ тихихъ вздохахъ несчастныхъ птицъ. Ты создалъ насъ сильными, свободными, осторожными и никому не приносящими вреда. По волѣ твоей, мы живемъ сами по себѣ и все остальное живетъ само по себѣ. Ни одна живая тварь, самый ничтожный муравей, робко ползающій незамѣтнымъ у ноги жука, не можетъ принести на насъ жалобу къ престолу твоему. И бдительное око пророка твоего, ни разу не могло отмѣтить гнѣвъ на дрофу, добывающаго въ потѣ лица своего свой кусокъ хлѣба, земледѣльца, у котораго даже безобидный журавль, собираясь въ табуны передъ осеннимъ отлетомъ къ мѣстамъ, гдѣ когда то правили славные калифы, выбиваетъ въ копнахъ изъ поспѣвшаго колоса зерно пшеницы. Никого не трогая, не посягая ни на чей трудъ, ни на чью жизнь, кочуемъ мы круглый годъ по тѣмъ степямъ, по которымъ кочевали наши дѣды и прадѣды. Съ того самаго времени, какъ ты, о великій, создалъ степи и населилъ ихъ такъ, какъ хотѣлъ. И все меньше, все меньше становится насъ...

Но мы не ропщемъ, на все воля твоя... Жизнь и смерть, смерть и жизнь, все въ рукахъ твоихъ. Ты вычеркнулъ изъ книги бытія цѣлые народы, когда то сильные, гордые, могущественные, дерзавшіе надменно бряцать мечомъ къ самому небу твоему. Что значитъ, въ сравненіи со всѣмъ этимъ, жизнь бѣдной птицы, всю свою защиту видящей въ своихъ зоркихъ глазахъ и въ своихъ сильныхъ крыльяхъ? Ты сковалъ наши крылья тяжелыми ледяными оковами, но не ослѣпилъ насъ, чтобы мы могли оплакивать свою горькую судьбу и видѣть

Digitized by Google

свою смерть... О Аллахъ! Мы не ропщемъ. Готовыя покорно принять пріуготованное тобою для насъ, мы тихо и смиренно молимъ тебя: дохни на насъ съ юга своимъ горячимъ дыханіемъ. Въ одинъ мигъ разобьетъ оно на крыльяхъ нашихъ эти ужасныя, тяжелыя, ледяныя оковы. И, снова свободныя, радостныя, поднимемся мы вверхъ, къ твоему небу, словословить великую милость твою, оставивши ни съ чѣмъ этихъ жадныхъ людей, которые уже мысленно пожираютъ насъ. О, Аллахъ! Прикажи сотворить твоему пророку чудо. Ибо жизнь есть жизнь, а смерть есть смерть. И всякій, кто еще живетъ, хочетъ жить...

И, когда старый дрофичъ, стоявшій теперь сбоку своего стада, которымъ онъ предводительствовалъ и руководилъ, снова посмотрѣлъ своими печальными, круглыми, сѣрыми глазами на Хаджи-Ибраима, въ нихъ было написано:

— О, Хаджи-Ибраимъ! Мы два старика и намъ было бы о чемъ потолковать съ тобою,—вспомнить старыя степи и старое привольное житье. Ничто не спасетъ того, надъ чѣмъ занесена уже рука Аллаха. И мой народъ вымираетъ и исчезаетъ съ лица земли такъ же быстро, какъ вымираетъ и исчезаетъ твой народъ... Какъ умираетъ сама степь... А вѣдь были когда-то времена, Хаджи-Ибраимъ, когда дрофы спокойно ходили въ степномъ просторѣ тысячными стадами. И, рядомъ съ ними, въ достаткѣ и въ весельи, жили сотни свободныхъ татарскихъ и ногайскихъ деревень. Если тебѣ разсказывали объ этомъ твои дѣды, то мнѣ разсказывали мои. Но теперь—и вы, и мы одинаково быстро сходимъ на нѣтъ.

Digitized by Google

Что дѣлать? Нѣтъ бога кромѣ бога и Магометъ пророкъ его. У всякаго есть свой хысметъ и, кто противится ему, противится волѣ всевышняго... Но, Хаджи-Ибраимъ, пророкъ вѣдь повелѣлъ: несчастіе одного да не послужитъ завѣдомо счастьемъ другому...

Не произнесши ни слова, Хаджи-Ибраимъ вернулся къ своему очагу и велѣлъ Осману позвать къ себѣ остальныхъ татаръ.

А когда тѣ пришли, сказалъ имъ:

— Дѣти мои, вы привыкли слушаться меня, ибо я старъ и много видѣлъ и хорошаго и плохого на своемъ долгомъ вѣку. И вотъ теперь, когда ваши жены уже затопили печи, и поставили въ нихъ казаны съ водою, въ которыхъ собираются варить вашу добычу, я, вмѣсто того, чтобы, какъ вы ожидаете, подѣлить ее между вами, скажу вамъ такъ: не убивайте беззащитную, свободную птицу, а отпустите ее снова на волю. Когда охотникъ стрѣляетъ изъ ружья, пусть будетъ такъ. Но это не то. Я знаю, что русскіе нарочно выѣзжаютъ въ такой холодный туманъ въ степь и, нашедши тамъ стадо безпомощныхъ, обмерзшихъ дрофъ, разбиваютъ имъ головы палками. Но не уподобляйтесь имъ. Никогда, ни при отцахъ, ни при дѣдахъ вашихъ, татары не поступали такъ. Они не трогали въ такихъ случаяхъ несчастныхъ дрофъ, даже если онѣ сами шли къ нимъ въ руки. Ихъ судьба—наша судьба: онѣ вымираютъ такъ же, какъ вымираемъ мы. И, кто знаетъ, не ускоряемъ ли мы и свою гибель, ускоряя гибель ихъ? Выпустите ихъ...

Татары нѣкоторое время молчали и наконецъ одинъ изъ нихъ отвѣтилъ:

Digitized by Google

— Мудрецъ всегда говоритъ мудро... Мы потеряли свободу, землю, которую, пользуясь нашею довѣрчивостью, безчестно отобралъ мурзакъ, скоро потеряемъ, можетъ быть, наши сакли и послѣднія крохи достоянія... Что за бѣда, если мы потеряемъ и сегодняшній ужинъ? Да и то не совсѣмъ. Слава Аллаху, онъ далъ намъ возможность хорошо заработать фурою за всю минувшую недѣлю и теперь всѣ пополнили свои запасы до молодого мѣсяца. Если наши отцы и дѣды поступали такъ, то почему же намъ поступать иначе? Не будемъ предателями. Пусть одни говорятъ: Аллахъ, по своей волѣ, послалъ намъ въ руки эту добычу. Но другіе на это могутъ разумно возразить: Аллахъ послалъ ихъ вамъ въ руки не какъ добычу, а для того, чтобы спасти ихъ отъ участи добычи въ рукахъ другихъ, безжалостныхъ. Пусть будетъ такъ! Но, если мы выпустимъ ихъ сейчасъ, въ такомъ видѣ, и онѣ опять уйдутъ въ туманъ, то кто знаетъ, не найдутъ ли ихъ завтра же утромъ мужики, и тогда конечно они размозжатъ имъ головы палками.

— Устами твоими говоритъ сама мудрость, сказалъ Хаджи-Ибраимъ. Но зачѣмъ же ихъ выпускать такъ? То что случилось теперь, случалось и раньше. Загоните ихъ въ кошару, пусть онѣ тамъ оттаиваютъ и обсыхаютъ. И, вѣрьте мнѣ: птица читаетъ мысли человѣка такъ же, какъ пророкъ читаетъ ваши мысли. Она пойметъ, что вы, не убивши ее сразу, желаете ей добра, и не уйдетъ отъ васъ до того времени, пока не оправится совсѣмъ, и пока не уйдетъ этотъ туманъ съ морозомъ. Она пойметъ, что уйти отсюда только для того, чтобы попасть въ

Digitized by Google

другія, болѣе жестокія руки—нѣтъ расчета. Все что случилось—случалось. И я это видѣлъ... Да будетъ благословено имя создавшаго все и вложившаго мысль во все...

И, когда черезъ два дня, за ночь выпалъ снѣгъ, усилившійся морозъ сразу проглотилъ безъ остатка сѣрые клубы вороватаго тумана, а на безоблачномъ небѣ ярко засіяло солнце, вся деревня опять высыпала посмотрѣть, какъ улетали снова сильныя, снова свободныя дрофы...

Сдѣлавши съ разгона нѣсколько крупныхъ прыжковъ по землѣ, онѣ тяжело поднимались вверхъ и потомъ, высоко въ воздухѣ, сверкая въ лучахъ солнца бѣлою атласною подкладкою своего оперенія, одна за другою скрывались на югъ.

Туда, гдѣ теплыя морскія испаренія ревниво отгоняютъ снѣжныя тучи, растворяя ихъ въ потоки плачущаго дождя...

Послѣднимъ поднялся старый дрофичъ—предводитель. Онъ, словно желая принести благодарность отъ всего своего отряда, обвелъ всѣхъ собравшихся татаръ своими круглыми, сѣрыми, гордыми и счастливыми теперь глазами, пошевелилъ жесткими усами и, встрѣтившись взглядомъ своимъ со взглядомъ Хаджи-Ибраима, весело и благодарно улыбнулся ему. И радостно, торжествующе захлопалъ своими снова свободными, могучими крыльями...

А потомъ, быстро расправилъ ихъ и медленно, величественно, свистя въ морозномъ воздухѣ широкими взмахами, поднялся къ солнцу...

И, чуть замѣтною точкою, исчезъ въ ослѣпительномъ сіяніи его...

Digitized by Google

Старуха.

Гдѣ я ее видѣлъ въ первый разъ? Когда? При какой обстановкѣ?

Ахъ, да, да! Вспомнилъ! Наконецъ-то вспомнилъ...

Это было давно, лѣтъ восемь тому назадъ. И не мудрено, что образъ ея за это время почти совершенно изгладился изъ моей памяти... Но ея голосъ, ея голосъ...

Ночью внезапно сорвалась страшная равноденственная буря. Цѣлые потоки густой, желтой воды, волоча за собою громадные камни и вѣковыя деревья, съ бѣшенымъ ревомъ мчались съ далекихъ горъ къ морю, опрокидывая и все снося на своемъ пути...

И, окрасившееся далеко по всему побережью въ яркій цвѣтъ глины далекихъ горъ, расвирѣпѣвшее море, поднявшись на дыбы, съ неумолчною яростью бѣшено бросалось и билось о высокій, скалистый берегъ. Его, всегда свѣтлыя и прозрачныя волны, точно ослѣпленныя теперь этою, далеко и глубоко покрывшею ихъ за ночь мутною, желтою пеленою, съ разгона ударялись о поросшія мхомъ скалы и заполняли собою всѣ пещеры, словно ища въ ихъ

Digitized by Google

мокромъ, холодномъ полумракѣ спрятавшіяся жертвы. И когда штурмующій валъ отпрядывалъ на мгновеніе назадъ, чтобы уступить свое мѣсто выростающему тотчасъ-же надъ нимъ другому, маленькія струйки соленой, горькой воды, застрявшія въ расщелинахъ и въ трещинахъ между сводами пещеръ, весело журча и звеня тысячами невидимыхъ струнъ, быстро сбѣгали и стекали оттуда на мокрые, искрящіеся камни. И, вслѣдъ за ними, поспѣшно передвигая своими сильными, твердыми, точно отполированными клещами, выбѣгали изъ всѣхъ щелей испуганные въ своемъ мрачномъ, аскетическомъ покоѣ, угрюмые отшельники — крабы. Плоскіе, точно приплюснутые, закованные въ желѣзную броню, ворочая своими широко разставленными глазами, они бокомъ карабкались повыше, и снова прятались тамъ въ каменныя щели.

На берегу, съ самаго ранняго утра, въ тихомъ, напряженномъ ожиданіи стояла толпа. Съ вечера, когда все было покойно и ничто не предвѣщало внезапной бури, въ море ушло много баркасовъ рыболововъ и песочниковъ. И вотъ теперь, всѣ, у кого тамъ, въ дали, гдѣ на широкомъ просторѣ разгуливали цѣлыя водяныя горы, бились за жизнь близкіе люди,—стояли и трепетно ждали, шепотомъ перебрасываясь немногими словами. Точно разогнанныя орломъ птицы, неслись со всѣхъ сторонъ сюда къ берегу, съ его тихими бухтами, большіе баркасы. Но фарватеръ былъ узокъ и извилистъ, а вѣтеръ дулъ имъ почти въ лобъ. И, лавируя смѣлыми поворотами, черпая то однимъ, то другимъ бортомъ воду, красиво, дерзко рѣзали они

Digitized by Google

шипѣвшія и вздымавшіяся вокругъ нихъ огромныя волны, то совершенно скрываясь между ними, то вдругъ взлетая до самаго киля, подброшенные какъ щепки, на самую верхушку гребня волны. И въ ихъ острыхъ, крылатыхъ парусахъ, взятыхъ на всѣ рифы, буря гудѣла и свистѣла, изо всѣхъ силъ надувая ихъ и пробуя сорвать прочную парусину съ закрѣплявшихъ ее снастей. Но люди были настороже; они знали, что это борьба на жизнь и на смерть и зорко слѣдили за каждымъ шкертикомъ, не выпуская изъ рукъ шкотовъ.

Но съ однимъ судномъ что-то случилось. Что-то обломалось, что-то оборвалось, и видно было, какъ оно бьется вдали, не въ силахъ управляться, безжалостно швыряемое изъ стороны въ сторону разбѣгавшимися вокругъ него валами, и съ неудержимою быстротою влекомое имъ къ тому мѣсту, гдѣ предательски, еле прикрытые въ тихую погоду синевою обманчивой стихіи, теперь, при каждой отхлынувшей волнѣ высоко выскакивали вверхъ огромные, обросшіе сплошною чешуею черныхъ ракушекъ и блѣдно-зелеными водорослями, подводные камни.

Въ толпѣ пронесся какой-то глухой, тяжелый вздохъ и сразу замеръ. Тутъ все были люди, знавшіе море, которое и кормило и казнило ихъ, и имъ всѣмъ стало сразу ясно, при первомъ-же безпорядочномъ поворотѣ судна, что участь его рѣшена. Эти закаленные люди умѣли владѣть собою и все также молча, съ напряженнымъ вниманіемъ, продолжали слѣдить они, за близкой уже къ финалу морскою трагедіею.

Digitized by Google

И, въ эту самую минуту, чей-то тонкій, пронзительный старческій голосъ вдругъ затянулъ за спиною:

— Пчелка златая, что ты жужишь?...

Всѣ вздрогнули и всѣ, какъ одинъ человѣкъ, обернулись назадъ. Тамъ, взобравшись выше всѣхъ, стоя на камнѣ, медленно раскачивалась изъ стороны въ сторону маленькая, сгорбившаяся, вся изъѣденная морщинами, старуха. На сѣдой, трясущейся головѣ ея прыгалъ бѣлый чепчикъ, съ плоенными концами. Она,—вся вниманіе,—нагнулась впередъ и своими круглыми, ястребиными глазами, безъ рѣсницъ и бровей, зорко глядѣла туда, гдѣ билось, въ послѣдней агоніи борьбы со стихіею, изувѣченное судно. Старуха безвучно смѣялась своимъ скрюченнымъ, беззубымъ ртомъ, точно видѣла передъ собою что-то очень веселое, забавное и размахивала надъ головою зеленою вѣткою буксуса. А когда этотъ смѣхъ начиналъ душить ее, она кружилась на мѣстѣ и снова затягивала свою монотонную пѣсенку:

Пчелка златая, что ты жужишь?..

И потомъ, вдругъ сразу останавливалась, какъ вкопанная и, протянувъ обѣ руки въ ту сторону, гдѣ темные подводные камни выскакивали вверхъ съ такою яростью, словно, въ нетерпѣніи дольше ожидать влекомую къ нимъ волнами, при адскомъ смѣхѣ и завываніи бури, добычу, готовы были сами сорваться съ мѣста и броситься ей на встрѣчу, еще тоньше, еще пронзительнѣе, затягивала.

Мой сыночекъ, мой дорогой голубочекъ...

Стоявшій возлѣ меня и молча перебиравшій на-

Digitized by Google

низанныя четки старый грекъ, вполголоса произнесъ:

— Проклятая старуха! Теперь ужъ ничто не спасетъ ихъ...

Я попробовалъ разспросить его, но онъ отвѣчалъ неохотно, односложно и поспѣшилъ отойти въ сторону... Сумашедшая, потерявшая разсудокъ послѣ того, какъ ея единственный сынъ погибъ въ морѣ. Ее никто, никогда не видитъ, она живетъ гдѣ-то въ слободкѣ, тихая, безобидная. Но стоитъ только случиться какому-нибудь несчастію, какъ старуха, точно гіена, чующая поживу, уже тутъ, какъ тутъ. И, когда она появляется, выростая какъ изъ земли, несчастіе неотразимо... Всегда въ бѣломъ чепцѣ, всегда съ зеленою вѣткою буксуса въ рукѣ и съ этою пѣсенкою: Пчелка златая что ты жужишь? Она поетъ, кружится, прыгаетъ, все время слѣдя за тѣмъ, что ей нужно, а потомъ падаетъ на землю и, съ пѣнящимся ртомъ, царапаетъ ее своими кривыми пальцами.

И исчезаетъ... До новаго несчастія...

Грекъ ушелъ. Толпа, все также замершая въ неподвижномъ оцѣпѣненіи, ударами своихъ сердецъ отсчитывала тѣ мгновенія, которыя отдѣляли гибнущее судно отъ каменной гряды. Вотъ послѣдній валъ высоко подбросилъ его вверхъ, и ударилъ килемъ объ острый зубецъ подводной скалы...

Глухіе крики раздались въ толпѣ и ихъ тотчасъ же унесъ порывъ урагана.

...Волны, съ торжествующимъ ревомъ, бросали и разносили во всѣ стороны обломки погибшаго

Digitized by Google

судна и пѣсня старухи, пронзительная, нестерпимо звонкая, неслась имъ на встрѣчу...

II.

Проклятая старуха! Вотъ уже восемь дней, какъ ни днемъ ни ночью я нигдѣ не могу найти себѣ покоя. Стоитъ мнѣ, хотя-бы на одну минуту, забыться и закрыть глаза, какъ тотчасъ-же, изъ какого-то сѣраго облака, беззвучно выплываетъ ея рѣзкій, острый профиль, обтянутый морщинистою кожею желтаго пергамента. Маленькіе, выцвѣтшіе глаза, безъ бровей, безъ рѣсницъ, слезятся и ядовито смѣются, и ея трясущаяся голова нервно подергивается на сухой, тонкой шеѣ, при каждомъ взрывѣ этого молчаливаго адскаго смѣха, которымъ клокочетъ и заливается все это несчастное, сгорбившее существо. Ея бѣлый чепчикъ, съ плоенными краями, склоняется то направо, то налѣво, въ то время, какъ ея черный, беззубый ротъ изрыгаетъ самыя ужасныя, богохульственныя проклятія. И тотчасъ-же я ясно, отчетливо вижу, какъ сѣрое облако постепенно все бѣлѣетъ и бѣлѣетъ, и его клубящіяся и извивающіяся во всѣ стороны очертанія, вдругъ сразу застываютъ въ твердыхъ и неподвижныхъ формахъ.

И предо мною—гора труповъ!..

Обнаженные, упитанные и худые, желтые и синіе, они навалены чьею-то рукою въ громадную, безформенную кучу. Ихъ ноги, ихъ руки, ихъ головы переплелись между собою, и изъ покрывающихъ ихъ ранъ падаетъ густыми каплями побурѣвшая кровь и сочится желтый человѣческій жиръ. Застывшіе въ самыхъ неестественныхъ позахъ, со

Digitized by Google

сжатыми кулаками, съ крѣпко стиснутыми зубами, съ тусклыми глазами, въ зрачкахъ которыхъ смерть отразила послѣднюю мысль послѣдняго момента жизни—безнадежный ужасъ и жажду мести,—они и теперь еще, сваленные чьею-то безжалостною рукою въ общую кучу, точно грозятъ кому то и служатъ нѣмымъ укоромъ чьей то совѣсти. И вверху, на самой вершинѣ этой страшной пирамиды—она, старуха!.. Ея черный, открытый, точно ждущая мертвеца могила, ротъ, подергиваетъ смѣшливая судорога, и она весело, радостно размахиваетъ зеленою вѣткою буксуса надъ тѣмъ, что служитъ ей ужаснымъ пьедесталомъ.

Уберите ее, скорѣе, скорѣе!.. Нѣтъ, я не могу, не могу...

Вотъ уже шесть дней, какъ я сижу одинъ одинешенекъ на своемъ глухомъ степномъ хуторѣ. Я бѣжалъ сюда отъ этихъ кровавыхъ сценъ, гдѣ, дошедшіе въ своемъ взаимномъ озлобленіи до безумства братья, дѣти одной родины, въ упоръ разстрѣливали другъ друга изъ пушекъ и изъ ружей. Въ моихъ ушахъ звучитъ еще холодная, безпощадная, неумолчная дробь пулеметовъ, прерываемая громовыми залпами чудовищныхъ крѣпостныхъ орудій. И зарево пожара ярко освѣщаетъ тихія, синія, ласкающіяся къ берегамъ морскія волны, окрасившіяся въ пурпурный цвѣтъ отъ отблеска пламени горящаго крейсера, и отъ смѣшавшейся съ ними красной крови. И до меня доносятся нечеловѣческіе вопли заживо сгорающихъ на крейсерѣ людей, съ перебитыми руками, ногами, съ вывалившимися внутренностями. Они, широко раскрытыми глазами,

Digitized by Google

точно зачарованные этими яркими огненными языками, слѣдятъ, какъ пламя, весело треща и сверкая отдѣльными огоньками, быстро перепрыгивая съ предмета на предметъ и, словно играя, постепенно приближается къ нимъ. Они чувствуютъ, какъ по мѣрѣ приближенія его, все горячѣе и горячѣе становится желѣзная палуба, гдѣ лежатъ они, изувѣченные, съ переломанными костями, на которыхъ клочьями повисло оборванное тѣло и куски одежды, безпомощные и неподвижные.

И живые!.. Съ полнымъ сознаніемъ и безъ всякой надежды на помощь, безъ всякой мысли о возможности спасенія...

А кругомъ все такъ тихо, все такъ красиво. Южная ноябрьская ночь вся полна задумчивой прелести и поэзіи, на темномъ небѣ ярко горятъ большія звѣзды. Море чистое, прозрачное, любовно лобзаетъ стальной корпусъ огромнаго крейсера, на верху котораго огонь быстро и безпощадно творитъ свою разрушительную работу. И, надъ его высокими, стройными мачтами, въ поднимающемся къ небу столбѣ краснаго пламени и удушливаго чернаго дыма, съ жалобными криками кружатся потревоженные въ своемъ покоѣ бѣлыя чайки и сизые голуби. На всѣхъ берегахъ великолѣпной, заснувшей въ своемъ царственномъ величіи бухты, окутанный глубокимъ мракомъ, разбросался городъ. Онъ не спитъ, нѣтъ, хотя на темныхъ улицахъ его глубокая тишина и не видно ни одного живого человѣка. Онъ только притаился... Люди попрятались въ подвалы, заперлись въ самыя отдаленныя комнаты своихъ домовъ и чутко прислушиваются.

Digitized by Google

Они творятъ молитву, или шлютъ въ окружающую тьму проклятія, когда время отъ времени доносится до нихъ вдругъ поднимающаяся гдѣ то вдали лихорадочная ружейная трескотня. И тотчасъ же отзывается на нее монотонная, безпощадная дробь пулеметовъ

Но это тамъ, вдали... Здѣсь, на крейсерѣ, драма уже окончена...

И, зажженный братскою рукою, онъ ярко пылаетъ, какъ исполинскій факелъ, бросая въ свои послѣднія минуты, съ дерзкимъ вызовомъ во славу свободы, цѣлый столбъ блестящихъ искръ къ самому небу.

Но бездушна и ясна бездонная синева небесъ. Холодныя звѣзды, съ холоднымъ любопытствомъ смотрятъ оттуда, съ недосягаемой высоты, какъ вѣрно и методично доканчиваетъ огонь свою работу, разрушая все то, чего не успѣли уничтожить пушечные залпы. И имъ недоступны, ихъ не трогаютъ доносящіеся снизу стоны наваленныхъ въ кучу искалѣченныхъ людей, которые осуждены на медленное сожженіе, на этомъ гигантскомъ адскомъ кострѣ...

Шесть дней я сижу одинъ одинешенекъ на своемъ глухомъ степномъ хуторѣ и ни на минуту не могу забыться, не могу никуда уйти отъ этихъ ужасныхъ впечатлѣній. Здѣсь—какъ въ угрюмой пустынѣ. Событія внѣшней жизни докатываются сюда не скоро и все то, что не касается непосредственныхъ интересовъ окружающаго узкаго міра, встрѣчается безразлично, или равнодушно. Кругомъ царитъ тупая, мертвящая тишина и обычная осен-

Digitized by Google

ная деревенская спячка. Впрочемъ, это тамъ, дальше, за границею моихъ владѣній. Возлѣ меня же, кромѣ кучера, старика татарина, нѣтъ ни души. Днемъ онъ копается возлѣ лошадей, обрѣзываетъ деревья въ саду, свиститъ что то очень несуразное и нелѣпое на длинной дудкѣ, состряпанной имъ самимъ изъ стараго ружейнаго ствола. А вечеромъ, когда раннія, густыя ноябрьскія сумерки, въ которыхъ такъ любятъ купаться стаи крикливыхъ, черно-сизыхъ галокъ, сгустятся до полной тьмы, запираетъ на прочные засовы конюшню, спускаетъ съ цѣпи пару хриплыхъ, злыхъ овчарокъ и приходитъ ко мнѣ.

Мой внезапный, неожиданный и ничѣмъ не объяснимый для него пріѣздъ въ такое неурочное время, до сихъ поръ очень удивляетъ его. Онъ привыкъ къ опредѣлившемуся вообще раньше порядку, по которому, съ октября до апрѣля, я уѣзжалъ на всю зиму и домъ наглухо запирался. И вотъ теперь, его несложная, добрая, немного мечтательная натура тщетно пробуетъ разобраться въ причинахъ моего необычнаго возращенія на хуторъ въ осеннюю слякоть, когда вся эта глухая, засыпающая уже зимнимъ сномъ равнина, не представляетъ собою ничего привлекательнаго.

Степь побурѣла, деревья въ саду стоятъ оголенныя и, когда по вечерамъ заунывный вѣтеръ, со стономъ начинаетъ, точно струнами, перебирать ихъ гибкими, обнаженными вѣтвями, и въ окна настойчиво грустно и безнадежно тоскливо колотятъ капли сыпящагося безъ конца, откуда-то изъ безпросвѣтнаго, сѣраго мрака дождя, среди этой пустыни и

Digitized by Google

зловѣщей тишины и неробкому человѣку становится жутко.

Старикъ Мамбетъ приходитъ всегда въ одно и то же время, молча варитъ мнѣ на угляхъ камина крѣпкій турецкій кофе, приготовляетъ наргилэ изъ душистаго басрскаго табаку и цѣлыми часами неподвижно просиживаетъ противъ горящей печи, шевеля кочергою долго перегорающія, сучковатыя полѣнья. Врожденное татарамъ чувство деликатности не позволяетъ ему первому нарушить молчаніе и задать мнѣ тѣ нескромные вопросы, которые, очевидно, не выходятъ у него изъ головы. Но наконецъ онъ не выдержалъ, собрался съ духомъ и, начавъ съ пустяковъ, сказалъ по татарски:

— Ты боленъ ага, посмотри на себя, на что ты сталъ похожъ. Машалла, видитъ богъ, я не знаю, что дѣлается въ твоей душѣ, но вижу, что тамъ что-то не хорошо. Завтра я запрягу жеребцовъ, они уже застоялись и имъ нужна хорошая пробѣжка. Не привезти-ли, кстати, тебѣ доктора?.

— Не все ли мнѣ было равно?,

На слѣдующее утро пріѣхалъ докторъ, худенькій, маленькій, неряшливый, апатичный. Онъ выглядѣлъ очень жалкимъ, мало внушалъ довѣрія къ своимъ познаніямъ и отнесся ко мнѣ такъ же равнодушно, какъ и я къ нему. Мнѣ хотѣлось сначала излить передъ нимъ всю свою душу, перегорѣвшую въ этихъ молчаливыхъ страданіяхъ, но достаточно было одного взгляда на апатичное ко всему выраженіе его лица, чтобы, быстро вспыхнувшій порывъ, такъ же быстро угасъ и желаніе осталось однимъ желаніемъ.

Digitized by Google

Это было воплощеніе полнаго безразличія ко всему человѣка, котораго круглый годъ таскаютъ по пыли и по грязи, по жарѣ и по холоду, по кочкамъ и ухабамъ проселочныхъ дорогъ, во всѣ концы его участка. Часто по пустякамъ, не стоющимъ никакого вниманія, часто по такимъ сложнымъ болѣзнямъ, гдѣ его помощь, при существующей жизненной обстановкѣ, все равно совершенно безсильна. Докторъ выпилъ графинъ водки, пальцами выбралъ изъ плохо откупоренной коробки всѣ сардины, жадно вымакалъ все масло мякишемъ хлѣба и, лѣниво поговоривши на тему о многочисленности теперь всяческихъ нервныхъ заболѣваній, попросилъ поскорѣе отвезти его обратно. Памятью его визита остался какой то рецептъ, который въ тотъ же вечеръ я бросилъ въ печь.

Когда Мамбетъ подалъ для него къ крыльцу рессорную бричку, и онъ, накинувъ на плечо какую-то сѣрую бурку, уже поудобнѣе умащивался въ ней, я открылъ окно и бросилъ ему вопросъ.

— Скажите, пожалуста, докторъ, не произвожу ли я на васъ впечатлѣніе человѣка, который уже стоитъ на полдорогѣ къ сумашествію?.

На минуту его глаза оживились, точно ему удалось наконецъ поймать какую то мысль, которая долго не давала ему покоя и сущность которой все время ускользала отъ него, не смотря на всѣ его усилія.

— Да, да, да, воскликнулъ онъ, вотъ именно это, именно это самое... Стоящаго на полдорогѣ къ сумасшествію... Стоитъ повернуть еще одинъ маленькій винтикъ—и готово! Вотъ-вотъ!..

Digitized by Google

И онъ засмѣялся какимъ то глупымъ смѣхомъ, безо всякой причины чему то обрадовавшагося человѣка. И махнулъ рукою.

Впрочемъ, теперь такая масса людей сходятъ съ ума. Ужъ на что наше мужичье, народъ прочный, а и тѣ стали трогаться частенько. Старайтесь сохранять душевное равновѣсіе. Это главное... Душевное равновѣсіе... Душевное равновѣсіе...

И онъ нѣсколько разъ, точно попугай, повторялъ эту послѣднюю фразу, пока бричка не повернула за уголъ дома.

Сохранять душевное равновѣсіе?!... Теперь! Послѣ всего пережитаго! Какъ это легко совѣтовать...

Вечеромъ Мамбетъ, снимая съ горячихъ углей мѣдный кофейникъ, таинственно произнесъ:

Не хорошо становится, ага, жить въ нашемъ тихомъ краю. Сегодня, когда я ждалъ у больницы доктора, туда привезли двухъ убитыхъ. Говорятъ, что въ городѣ какіе то люди выпустили изъ тюрьмы арестантовъ, и вмѣстѣ съ другими ушелъ Шайтанъ-Оглу, который два года грабилъ по всему Крыму. Теперь онъ собралъ шайку въ двадцать человѣкъ и каждую ночь они нападаютъ на экономіи и хутора, а гдѣ имъ не отворяютъ сразу двери, или пробуютъ отбиваться, или бѣжать, тамъ они убиваютъ всѣхъ, кого попадутъ. Помѣщики, нѣмцы, мурзы, богатые мужики, всѣ запуганы, всѣ бѣгутъ въ городъ. Я видѣлъ муллу изъ Ортакоя. Онъ плачетъ, что всѣ начальники растерялись, ни откуда нѣтъ помощи. Можетъ быть, тебѣ лучше уѣхать отсюда, ага? Что мы съ тобою сдѣлаемъ, если явится ночью сюда Шайтанъ-Оглу, со своими

Digitized by Google

товарищами? Въ такомъ глухомъ мѣстѣ не скоро и узнаютъ, что насъ зарѣзали. А если я останусь одинъ, то никому не придетъ охота напасть на бѣднаго старика. Что у него взять? Лошади? Га... Такіе молодцы за лошадьми не охотятся, они идутъ только туда, гдѣ чуютъ хорошую поживу. Подумай хорошенько, ага, зачѣмъ напрасно рисковать своею головою?

И здѣсь убиваютъ... И тамъ убиваютъ... Вездѣ трупы, вездѣ кровь... Уйти, бѣжать... Но куда бѣжать отъ своего кошмара, который чернымъ, ужаснымъ призракомъ, неотступно гонится всюду по пятамъ?

III.

Ахъ, какое это было утро... Нарядное, тихое, привѣтливое утро южной осени...

Солнце, ласковое, не обжигающее уже всю природу своими горячими лѣтними поцѣлуями, лѣниво, какъ бы нехотя, встало послѣ ночного покоя и слабая, осенняя травка, поникшая за длинную, прохладную ночь, сразу жадно потянулась вверхъ, къ его лучамъ. А дрожавшія на ея верхушкахъ зябкими каплями росинки, засверкали и загорѣлись, точно оброненные кѣмъ то въ травѣ алмазы. За крутыми, бѣлыми скатами Инкерманской бухты, море еще спало въ тѣни береговыхъ утесовъ и чуть замѣтный прибой, какъ шаловливый, проснувшійся раньше другихъ ребенокъ, жемчужными узорами, журча и заглядывая въ расщелины низкихъ скалъ, разсыпался по прибрежному песку. Въ городѣ и въ бухтахъ уже просыпалась обыденная трудовая жизнь. Забѣгали вагоны электрическаго трам-

Digitized by Google

вая, потянулись по всѣмъ улицамъ къ базару женщины съ корзинами въ рукахъ, любители рыболовы спѣшили на шлюпкахъ выбраться со своими удочками скорѣе ко взморью.

Но на большомъ рейдѣ застыла какая то тревожная, зловѣщая тишина. Огромные, мрачные, черные корабли стояли неподвижно, на верхнихъ палубахъ ихъ уныло, нерѣшительно бродили рѣдкія, одинокія фигуры. И только на одномъ крейсерѣ, стройномъ, блещущемъ щегольствомъ недавно получившаго морское крещеніе судна, стоявшемъ особнякомъ отъ другихъ, ближе къ выходу въ море, царило оживленіе и какая-то необычайная суета. Вдругъ громовые крики „ура“ рѣзко прервали тишину ноябрьскаго утра и на мачтѣ молодого, только что сдѣлавшаго свои первые самостоятельные шаги въ морѣ крейсера, чуть трепеща отъ утренняго бриза, взвился красный флагъ. „Ура“, подъ звуки оркестра музыки лилось и переливалось безконечнымъ эхомъ по тихимъ бухтамъ, по бѣлымъ окрестнымъ горамъ и темнымъ еще долинамъ, по соннымъ улицамъ города, доносясь раскатами до двухъ прославленныхъ твердынь его—Малоховаго кургана и Историческаго бульвара, гдѣ, за кустами темнозеленыхъ туй и за бурыми каменными оградами, притаились пулеметы и пушки, окруженные неподвижно стоящими, угрюмыми, невыспавшимися людьми въ сѣрыхъ шинеляхъ. И на встрѣчу ему, черезъ всю южную бухту, неслось другое „ура“, со стороны морскихъ казармъ, на широкомъ плацу передъ которыми собралась, подъ красными знаменами, громадная толпа людей, въ черныхъ мунди-

Digitized by Google

рахъ и синихъ курткахъ, лихорадочно-возбужденно слѣдившая за тѣмъ, что происходило на большомъ рейдѣ. И, если крики, раздававшіеся на крейсерѣ звучали рѣшимостью и радостною надеждою на успѣхъ, то далеко не такъ увѣренно отвѣчали имъ со стороны казармъ, откуда еще яснѣе, чѣмъ знамя свободы на мачтѣ крейсера, были видны направленные сюда со всѣхъ ближайшихъ возвышенностей пушки и пулеметы.

Чувствовалось, что все вниманіе, всѣ желанія этихъ тысячъ ликующихъ людей, въ этотъ моментъ объединились въ одномъ взглядѣ, на одной мысли: на этихъ, мрачныхъ, черныхъ корабляхъ, неподвижно-загадочно стоявшихъ на большомъ рейдѣ. Всѣ взоры сосредоточились на ютахъ и бакахъ огромныхъ морскихъ чудовищъ.

Но тамъ, по прежнему все было тихо и спокойно. На бакахъ собирались и о чемъ то тихо бесѣдовали небольшія кучки команды, матросы сходились и расходились, казалось, такъ равнодушно, спокойно, точно жизнь, бурнымъ порывомъ вдругъ прорвавшаяся и закипѣвшая вокругъ нихъ, носила, какъ и всегда, свой обыденный, ежедневный, сѣрый характеръ. И только нервно шагавшіе по ютамъ, тщетно старавшіеся подавить, ярко сказывавшееся на ихъ блѣдныхъ лицахъ и въ растерянныхъ взглядахъ, волненіе офицеры, очевидно отдавали себѣ полный отчетъ во всемъ значеніи того рубежа, лицомъ къ лицу съ которымъ имъ приходилось стоять въ этотъ моментъ. Постепенно толпа подъ красными знаменами на плацу, у казармъ, точно замерла въ нѣмомъ отчаяніи. Напрасно на казарменой сигналь-

Digitized by Google

ной мачтѣ взвивался одинъ подборъ яркихъ флаговъ за другимъ, напрасно съ лихорадочною быстротою семафорили отсюда своими цвѣтными флюгарками сигнальщики, пробуя вызвать на верхъ сочувствующихъ имъ на эскадрѣ и вступить съ ними въ переговоры.

„Товарищи, гдѣ вы? Опомнитесь, пока не поздно! Соединяйтесь съ нами за великое дѣло свободы...„

Но товарищи молчали...

Молчали тѣ самые корабли, откуда, еще третьяго дня, еще вчера, пріѣзжали нарочные депутаты отъ командъ и, подъ звуки морского оркестра, при бурныхъ оваціяхъ объединившихся въ казармахъ матросовъ, артиллеристовъ и въ полномъ составѣ, съ ружьями и патронными сумками, пришедшихъ сюда саперъ, клялись самыми страшными клятвами, не выдать въ послѣдній моментъ и быть всѣмъ за одно. Міръ долженъ былъ получить еще одинъ лишній примѣръ къ числу безчисленныхъ, видѣнныхъ имъ уже раньше того, что клятвы и обѣщанія еще легче нарушаются, нежели даются. И красное знамя свободы разливалось и играло своими складками, подъ набѣгавшими порывами утренняго вѣтерка на мачтѣ крейсера въ гордомъ, но грустномъ одиночествѣ. А вокругъ него, весело и причудливо колыхалась въ воздухѣ поднятая на фалахъ, цѣлая гирлянда новенькихъ, разноцвѣтныхъ флаговъ, составлявшихъ на морскомъ языкѣ одну и ту же фразу.

Весь флотъ отчетливо видѣлъ и ясно читалъ ее. И, въ видѣ отклика на призывъ, молча, угрюмо готовилъ свои пушки, снимая чехлы съ длинныхъ,

Digitized by Google

коричневыхъ туловищъ орудій. Но, если крики на крейсерѣ въ честь свободы становились все громче, и все больше и больше звучали восторгомъ и вѣрою въ успѣхъ, то все слабѣе, все неувѣреннѣе, звучало отвѣтное „ура", доносившееся со стороны казармъ. Съ крейсера видѣли впереди, передъ собою, открытое море, могучее, свободное, на горизонтѣ которого быстро бѣжала сюда, къ оголеннымъ, желтымъ берегамъ, гонимая шкваломъ темная полоса зыби, опрокидывающая передъ собою кипящія, бѣлоснѣжныя верхушки крутыхъ валовъ. Восторженнымъ фанатикамъ свободы казалось, что само море шлетъ въ союзники имъ свои волны, издали грознымъ, глухимъ рокотомъ вторя той пѣснѣ свободы, которая такъ дерзко, такъ могуче прорвалась и разносилась теперь по тихимъ, покорнымъ, скованнымъ батареями бухтамъ, среди насторожившихся пушекъ и ощетинившихся штыковъ. И имъ слышались, въ этомъ глухомъ рокотѣ, пока еще далекаго шквала, слова участія и поддержки.

Товарищи! шумѣло вдали славное черное море. Держитесь стойко, не падайте духомъ и не шлите напрасныя проклятія вчерашнимъ друзьямъ, которые сегодня отвернулись отъ васъ и продали васъ.

Пусть они поднимутъ на васъ ту руку, которую вчера еще вы жали съ такимъ глубокимъ довѣріемъ и съ такою горячею любовью. Я за васъ, и шлю вамъ на помощь мои передовые отряды. Пусть спятъ и нѣжатся тихія бухты, мои волны разгонятъ ихъ покой, онѣ поднимутся, ужасныя, кипящія злобою и ненавистью, выше самыхъ высокихъ мачтъ измѣнившихъ вамъ черныхъ кораблей. И обрушатся на

Digitized by Google

землю, и поглотятъ въ одинъ мигъ все то, что стоитъ за насиліе и порабощеніе человѣка человѣкомъ. Я одинаково легко смою и ихъ славу, и ихъ позоръ. Вѣрьте мнѣ! Пусть говорятъ, что море измѣнчиво, какъ женщина. Но гордое, могучее, свободное и своевольное, оно никогда и нигдѣ не измѣняло дѣлу свободы. Мои бездонныя, синія волны любовно отразятъ на поверхности своей ваше красное знамя, и, если яснымъ, серебрянымъ гребнямъ ихъ суждено окраситься сегодня вашею пурпурною кровью, то я пошлю сюда моихъ нереидъ. Онѣ бережно соберутъ ее въ перламутровыя раковины и снесутъ ее туда, гдѣ я храню всѣ мои сокровища, отнятыя мною у хищныхъ, жадныхъ людей, такихъ жалкихъ и безпомощныхъ въ минуты моего гнѣва. И спрячутъ ихъ въ ларцахъ, обитыхъ чистымъ золотомъ. А на крышкахъ ларцовъ, я прикажу выложить надпись самоцвѣтными камнями: въ твердынѣ деспотизма, залитой полвѣка тому назадъ рѣками крови, во славу и защиту прихоти самовластья, это—первая кровь, пролитая за великое дѣло свободы и любви къ человѣчеству.

Но съ громаднаго плаца передъ казармами видѣли не то... Отсюда видѣли притаившіеся со всѣхъ сторонъ отряды солдатъ, въ сѣрыхъ шинеляхъ, съ ружьями на готовѣ въ рукахъ. И, между ними, узкими, красными лентами выдѣлялись линіи красныхъ околышковъ братскаго полка, еще недавно, въ ногу съ матросами, шедшаго подъ краснымъ знаменемъ въ городъ, откуда въ паническомъ ужасѣ, съ перекошенными страхомъ лицами, бѣжали въ разныя стороны всѣ тѣ, которые могли расчитывать на ка-

Digitized by Google

кое нибудь сведеніе старыхъ счетовъ со стороны сознавшихъ и возставшихъ. Но теперь солдаты покорно шли и прятались за стѣнами и въ оврагахъ, послушные приказаніямъ тѣхъ самыхъ своихъ генераловъ и офицеровъ, которыхъ еще вчера они обезоружили и выпроводили съ такимъ позорнымъ почетомъ вонъ изъ своихъ казармъ. Глаза солдатъ горѣли недобрыми огнями, сѣрыя лица ихъ были мрачны и они судорожно сжимали въ рукахъ свои винтовки.

И офицеры, въ словахъ команды которыхъ, не смотря на все стараніе придать имъ твердый и увѣренный въ себѣ и въ своихъ солдатахъ характеръ, прорывались тревожныя, отрывистыя нотки, шли сбоку, блѣдные, измученные предшествовавшими событіями, всецѣло поглощенные одною и тою же мыслью, какъ ужасъ, какъ кошмаръ, неотступно стоявшею передъ ихъ глазами:

Не имъ ли самимъ придется пасть жертвами перваго, отданнаго по ихъ же приказанію, залпа своихъ солдатъ?...

Съ плаца передъ казармами видѣли, что за кустами и зелеными туями окрестныхъ „холмовъ славы“, притаились привезенныя туда ночью полевыя пушки, И черныя, смертоносныя жерла ихъ смотрятъ прямо въ окна казармъ, готовыя, по первому сигналу, въ одно мгновеніе. превратить всю эту экзальтированную, полную жизни, желаній и движенія толпу, въ площадь труповъ. И, въ то время, какъ на большихъ корабляхъ все болѣе и болѣе выяснялось наружное равнодушіе и осторожное, боязливое невниманіе ко всѣмъ призывамъ съ крейсера и отъ экипажной эс-

Digitized by Google

планады, уныніе и тоска все сильнѣе и сильнѣе западали въ сердца окруженныхъ желѣзнымъ кольцомъ войскъ и отрѣзанныхъ отъ своихъ товарищей на крейсерѣ широкою полосою моря, защитниковъ казармъ. Ихъ бурные, восторженные въ началѣ крики, доносились теперь все тише и все рѣже. И имъ казалось, что лицо огромной бронзовой статуи стараго адмирала грозныхъ николаевскихъ временъ, украшавшей плацъ и осѣненной теперь красными знаменами, кривится нехорошею, насмѣшливой улыбкою. Словно старикъ силится сказать что то, по своей привычкѣ жестокое, ѣдкое, и выжидаетъ только послѣдняго момента, чтобы открыть свои плотно сжатыя бронзовыя губы стараго слуги стараго режима.

И тѣмъ матросамъ, которые невольно оборачивались назадъ, точно подавленные присутствіемъ за спиною этого бывшаго въ свое время грозою черноморскаго флота, высоко поднявшагося, нѣмого свидѣтеля обуявшей ихъ жажды свободы, казалось, что они ясно читаютъ въ выпуклыхъ глазахъ чернаго, бронзоваго адмирала злорадную насмѣшку.

Что, благодѣтели, дѣло то кажется не выгораетъ?... А ну, навались еще немножечко, всѣхъ свистать на верхъ, общій авралъ... И тѣ самые, которые такъ трусливо, такъ жалко бѣжали и прятались отъ васъ во всѣ эти дни, повѣсятъ васъ, бунтовщиковъ, на этихъ самыхъ мачтахъ, на которыхъ теперь такъ весело вы, съ вашимъ самозваннымъ краснымъ адмираломъ, поднимаете свои бунтовщическіе сигналы...

Digitized by Google

IV.

Еще не все потеряно! воскликнулъ красный адмиралъ, послѣдняя карта въ нашей игрѣ еще не дана... Куда же дѣлись эти вѣрные, эти преданные, клявшіеся откликнуться на первый нашъ призывъ и идти съ нами, безъ оглядки туда, куда поведетъ насъ слѣпая судьба? Неужели же всѣ струсили и измѣнили, или они, можетъ быть, все еще ждутъ перваго рѣшительнаго шага съ нашей стороны, эти колеблющіяся, слабовольныя души? И „Пантюха", славный, сильный, грозный „Пантюха", очагъ первой искры свободы, на немъ тоже все спитъ мертвымъ сномъ! И ни одна смѣлая рука не расцвѣтитъ его красными цвѣтами? Такъ хорошо же, мы сдѣлаемъ этотъ шагъ и начнемъ съ того, что освободимъ тѣхъ, которые томятся и страдаютъ за общее дѣло, въ душныхъ казематахъ проклятаго тюремщика „Прута"...

И онъ сошелъ на миноносецъ...

И миноносецъ медленно, медленно поплылъ, подъ своими яркими мятежными цвѣтами, по всей линіи эскадры. И развивавшіеся на флагъ-штокахъ кораблей громадные андреевскіе флаги, на мгновеніе, казалось, вздрогнули и застыли отъ ужаса и негодованія, видя, какъ дерзко и смѣло, при общемъ гробовомъ молчаніи, проходитъ вдоль всей величественной линіи ихъ, красное, яркое знамя свободы. А потомъ, вдругъ забились и затрепетали, въ порывѣ гнѣва и ярости... Почему молчатъ пушки, мрачно и неподвижно выглядывающія изо всѣхъ башенъ кораблей? Почему не грянутъ онѣ и не разгромятъ однимъ залпомъ въ щепы этого дерзка-

Digitized by Google

го пигмея, такъ открыто бросающаго свою красную перчатку синему кресту?

Но кругомъ, все точно насторожилось и замерло въ гробовой тишинѣ. Молчали пушки. Молчали люди, цѣлыми нѣмыми гирляндами свѣсившіеся и застывшіе по бортамъ кораблей, и, лихорадочно горѣвшими глазами слѣдившіе за медленно-медленно идущимъ вдоль всей линіи эскадры, подъ звуки музыки на шедшемъ рядомъ съ нимъ паровомъ катерѣ, миноносцемъ. Высокая, стройная фигура краснаго адмирала отчетливо обрисовывалась на низкомъ профилѣ миноносца. Въ своемъ форменомъ морскомъ сюртукѣ, онъ стоялъ на палубѣ съ непокрытою головою и каждый разъ, когда миноносецъ проходилъ въ тѣни морского гиганта, его, воспаленные безсонными ночами всѣхъ этихъ дней глаза, жадно впивались въ эти неподвижно замершія, свѣсившіяся по бортамъ нѣмыя гирлянды людей. И его рѣзкій, звонкій голосъ далеко разносился по тихой водѣ:

Товарищи! развѣ вы не съ нами?

Но нѣмыя человѣческія гирлянды оставались неподвижными и ни одинъ возгласъ не отозвался словомъ сочувствія, или привѣта. А когда миноносецъ равнялся съ кормою корабля, то, оттуда на него упорно смотрѣли перекосившіяся отъ злости и тревожнаго ожиданія лица офицеровъ, которые отдавали себѣ ясный отчетъ, что въ этотъ моментъ рѣшается судьба многаго и ихъ собственная судьба...

Искра медленно проходила мимо цѣлой линіи пороховыхъ погребовъ. Достаточно было на одномъ

Digitized by Google

изъ нихъ вспыхнуть взрыву, чтобы тотчасъ же, мгновенно, загорѣлись и всѣ остальные. И въ какомъ жалкомъ, въ какомъ беззащитномъ положеніи очутились бы всѣ эти избалованные жизнью люди, которые въ эти минуты ходили по палубѣ, распоряжались и командовали, ясно чувствуя каждое мгновеніе, что подъ ихъ ногами кипитъ загадочный вулканъ.

Но гроза прошла... Миноносецъ миновалъ послѣдній корабль и тихо подходилъ къ выкрашеному, по чьей то злой ироніи, въ нарядную, бѣлую краску тюремщику „Пруту". Черезъ полчаса, съ освобожденными узниками, онъ также медленно возвращался по всей линіи эскадры обратно. Та же гробовая тишина на корабляхъ провожала его. И только усилившіеся восторженные крики, несшіеся съ крейсера, отъ морскихъ казармъ и съ приморскаго бульвара, куда сбѣжалась къ этому времени привѣтствовать смѣлыхъ борцовъ за свободу половина населенія города, въ то время, какъ другая половина, въ паническомъ страхѣ, пряталась гдѣ могла, или бѣжала прочь по всѣмъ окрестнымъ дорогамъ,—широко и далеко разносились по тихимъ бухтамъ, будя уснувшее эхо въ окрестныхъ горахъ. Изо всѣхъ кораблей, на одномъ лишь „Пантелеймонѣ" послышалось въ отвѣтъ слабое, неувѣренное „ура" и тотчасъ же смолкло.

Красный адмиралъ по прежнему, съ непокрытою головою, держа фуражку въ рукѣ, неподвижно стоялъ на палубѣ миноносца. Глаза его сверкали огнемъ обманутой надежды и его нервное, истомленное лицо подергивалось судорогой. Послѣдняя

Digitized by Google

карта была дана и бита... Онъ ясно сознавалъ въ эту минуту, что вступить въ бой съ крѣпостью, въ помощи которой онъ былъ такъ твердо убѣжденъ и пушки которой были такъ неожиданно предъидущею ночью обращены противъ него, обладая однимъ только легкимъ крейсеромъ, да нѣсколькими миноносцами, безъ участія кораблей,—минутная дѣтская игра. Крѣпостная артиллерія измѣнила въ самый послѣдній моментъ, корабли продолжаютъ хранить загадочное, гробовое молчаніе. Достаточно одного взмаха руки нарочно присланнаго для усмиренія, извѣстнаго своей свирѣпостью генерала, зорко наблюдающаго за всѣмъ происходящимъ съ вышки панорамы Историческаго бульвара, и эти сотни молодыхъ грудей, такъ радостно привѣтствующихъ во всю силу своихъ легкихъ мечтательное утро свободы, будутъ разорваны шрапнелью, пронизаны пулями и найдутъ вѣчное успокоеніе въ холодной морской пучинѣ. А что ждетъ тѣхъ, которые тамъ, на круто возвышающемся плацу, такъ жадно прислушиваются ко всякому отзвуку, доносящемуся со стороны рейда, которые, какъ въ запертой мышеловкѣ, принуждены сидѣть среди казарменныхъ стѣнъ? И тѣхъ, которые подняли красное знамя свободы на разоруженныхъ, безо всякой возможности сдвинуться съ мѣста, крѣпко стоящихъ на якоряхъ въ самомъ углу южной бухты, судахъ?..

Холодный потъ выступаетъ на лбу краснаго адмирала, но онъ быстро овладѣваетъ собою. Онъ чувствуетъ, что взоры всей команды, серьезные и сосредоточенные, обращены на него и, если сердце

Digitized by Google

его готово разорваться на части отъ отчаянья и сознанія полной безнадежности затѣяннаго дѣла, то на лицѣ его до послѣдняго мгновенія не должны отражаться волнующіе его чувства.

Впередъ, смѣлѣе впередъ, все впередъ и впередъ!.. Отступленія все равно не будетъ...

Ахъ! Если бы какой нибудь неожиданный толчекъ, какой нибудь сильный, рѣзкій ударъ, какъ внезапный раскатъ грома среди яснаго дня, разразился бы надъ этою застывшею, растерявшеюся, инертною массой и вызвалъ бы въ ней вдругъ взрывъ той бури, которая стихійно все сметаетъ на своемъ пути... Если бы...

Оба минные апарата на миноносцѣ, заряженые боевыми минами, направлены въ сторону кораблей. Матросы при нихъ застыли въ неподвижныхъ позахъ и внимательно слѣдятъ за каждымъ движеніемъ у орудійныхъ башенъ броненосцевъ, готовые предупредить, при малѣйшемъ подозрительномъ жестѣ тамъ, первый выстрѣлъ.

Какой бы нибудь внезапный, сильный, рѣзкій ударъ!...

Но, чтобы вызвать этотъ ударъ, нужна непоколебимая рѣшимость, нужна желѣзная воля и стальное сердце... Онъ чувствуетъ, что какъ всегда, послѣ необычайнаго подъема духа и энергіи, наступаетъ столь хорошо знакомый его неврастенической натурѣ быстрый упадокъ силъ, переходящій въ полное безволіе и апатію. Чувствуетъ—и весь послѣдній остатокъ силъ употребляетъ на то, чтобы на лицѣ его не отразилась та глубокая тоска отчаянія, на порогѣ которой онъ уже стоитъ, и чтобы не пе-

Digitized by Google

редалась она командѣ миноносца, составленной изъ отборныхъ людей, до фанатизма преданныхъ ему и идеѣ. Его мысль неустанно и лихорадочно работаетъ въ одномъ и томъ же направленіи и онъ отчетливо сознаетъ, что достаточно одной искренней вспышки сочувствія, хотя бы на одномъ изъ кораблей, и его падающія силы вмигъ бы воскресли, и пылкая фантазія вновь заволокла бы горизонты розовыми надеждами...

И, словно испытуя судьбу, сухими, потрескавшимися отъ внутренняго жара губами, онъ шепчетъ одну и ту же фразу:

— Тише ходъ!.. Тиже ходѣ!..

И миноносецъ, еле вздрагивая винтомъ, чуть движется по тихимъ водамъ бухты.

Внутри его стального, узкаго корпуса сидѣли освобожденные съ „Прута“ потемкинцы. Съ обрюзгшими, желтыми лицами, обросшіе волосами, въ бѣлыхъ кителяхъ и лѣтнихъ рубахахъ, грязными свѣтлыми пятнами, рѣзавшими глазъ въ это ноябрьское утро, они равнодушно, тупо смотрѣли вокругъ себя и безпрерывно просили пить. На ихъ застывшихъ лицахъ незамѣтно было ни радости, ни оживленія, точно все происходившее кругомъ совершенно ихъ не касалось и свобода, о которой они все время мечтали, сидя въ своихъ темныхъ, окованныхъ, то раскалявшимся отъ жары, то холоднымъ, какъ ледъ, желѣзомъ казематахъ плавучей тюрьмы, не мелькнула уже передъ ними своимъ свѣтлымъ крыломъ. Молча, сосредоточенно глядѣли они покраснѣвшими, жмурившимися отъ полнаго свѣта глазами въ какую то неопредѣленную точку

Digitized by Google

и изрѣдка, шепотомъ, перебрасывались между собою короткими, односложными фразами. Трое изъ нихъ были въ офицерскихъ кителяхъ. И, на всѣ заботливые, полные участія и сочувствія вопросы, эти трое твердили только одно:

Свезите насъ на берегъ, скорѣе на берегъ!..

А въ открытые иллюминаторы влетали звуки бравурнаго марша съ шедшаго рядомъ катера и доносились крики „ура“ съ берега, съ крейсера и отъ далекихъ экипажей...

Но они точно ничего не слышали и не понимали.

И на корабляхъ все было такъ же тихо и глухо, какъ и тогда, когда миноносецъ шелъ къ „Пруту“. По прежнему люди, точно оцѣпенѣвъ, цѣлыми гирляндами унизывали борты носовыхъ частей, хмурыми взорами, въ какомъ то тяжелюмъ раздумьи, слѣдя за медленнымъ движеніемъ впередъ, весело развивавшагося на короткой мачтѣ миноносца маленькаго, краснаго флага.

И молчали...

А на ютахъ и на верхнихъ мостикахъ, точно какіе то посторонніе зрители, стараясь принять спокойный видъ и нервно куря папиросу за папиросой, также стояли и ходили, съ растерянными лицами, молодые и старые офицеры.

— Тише ходъ! Тише ходъ!..

Одна могильная тишина въ отвѣтъ!...

— Ваше высокоблагородіе, ваше высокоблагородіе...

Возлѣ краснаго адмирала стоялъ матросъ Антоненко. Считавшійся еще недавно своимъ близорукимъ начальствомъ самымъ преданнымъ и самымъ

Digitized by Google

надежнымъ человѣкомъ, онъ теперь вдругъ очутился въ числѣ главныхъ руководителей движенія. Высокій, худощавый, мускулистый, сверкавшими негодованіемъ и презрѣніемъ глазами, впился онъ въ унизанные безмолвными человѣческими гирляндами борта кораблей и еле сдерживалъ себя, чтобы не бросить имъ въ лицо, во всю силу своихъ богатырскихъ легкихъ:

Измѣнники и клятвопреступники!

Онъ, самъ не разъ ѣздившій къ нимъ для переговоровъ, принимавшій отъ нихъ депутатовъ и слышавшій всѣ ихъ торжественныя обѣщанія и клятвы, не могъ теперь придти въ себя отъ изумленія и гнѣва. Когда миноносецъ шелъ къ „Пруту", ему казалось, что матросы на корабляхъ сосредотачиваются и громовыми криками восторга встрѣтятъ возвращеніе обратно, съ освобожденными такъ тихо и такъ смѣло узниками-потемкинцами. Но вотъ миноносецъ обошелъ уже первый корабль, второй... Ни одного возгласа сочувствія, ни одна матроская фуражка, съ длинными, черно-желтыми лентами, не взвилась вверхъ... Съ лѣвой стороны обрисовывался гордый, благородный профиль старика „Меркурія", котораго, со снятымъ винтомъ, какъ особенно вѣрнаго слугу, притащили наканунѣ изъ дока на буксирѣ и поставили противъ госпиталя, во вторую линію судовъ. Во флотѣ говорили, что команда, „Меркурія", отказавшись войти въ какіе либо переговоры съ возставшими, сама напросилась вывести старика на рейдъ. Когда у нея, какъ и на нѣкоторыхъ другихъ судахъ, хотѣли отобрать оружіе, она категорически отказалась выдать его, подчер-

Digitized by Google

кивая свою преданность и говоря, что не допустить себя до величайшаго позора, остаться въ такія минуты невооруженною на суднѣ. Ей не особенно можетъ быть вѣрили, но среди общаго переполоха и растерянности, нужно было надѣть личину довѣрія. Въ экипажахъ тотчасъ же стало извѣстно настроеніе „Меркурія“, оттуда передали на крейсеръ, и глухое озлобленіе вспыхнуло сразу противъ этого общаго любимца, рѣзко выдѣлявшагося своими красивыми формами н наряднымъ, стройнымъ рангоутомъ среди безобразныхъ, неуклюжихъ, обшитыхъ тяжелою бронею гигантскихъ утюговъ.

Ишь ты какой молодчикъ, со злостью говорили матросы, самъ подслужиться захотѣлъ, хоть никто и не звалъ... Только тонкокожій ты очень братъ, деревяная шкура на тебѣ. Стотри, чтобы не влетѣло...

Первая мысль Антоненко остановилась на „Меркуріѣ“. Но онъ тотчасъ же отогналъ ее отъ себя. Не стоитъ, старикъ не можетъ принести много вреда... Глаза его перебѣжали на стоящій противъ броненосецъ „Ростиславъ“, на мачтѣ котораго развивался отороченный снизу красною каймою флагъ командира эскадры и въ нихъ загорѣлся недобрый огонь.

Ваше высокоблагородіе, страстно, быстрымъ шопотомъ заговорилъ онъ... Такъ дальше нельзя, они заберутъ насъ голыми руками... Измѣнники, христопродавцы... Можетъ не всѣ, но тѣ, которые за насъ, вѣрно испугались и ждутъ... Ваше высокоблагородіе, прикажите выпустить разомъ обѣ мины въ „Ростиславъ“, когда мы съ нимъ сравняемся. На

Digitized by Google

немъ адмиралъ и штабъ, а команда подобрана одинъ къ одному такая, что право ни одного не жаль. Пусть онъ одинъ идетъ за всѣхъ ко дну и тогда всѣ остальные сейчасъ-же станутъ за нами. Все равно, грѣхъ на душу придется брать. Такъ лучше меньше грѣха-то... Прикажите, ваше высокоблагородіе...

Словно яркая молнія блеснула въ мозгу краснаго адмирала и прорѣзала послѣднія попытки воли овладѣть собой. Да, да, вотъ это именно и есть тотъ самый внезапный, страшный ударъ, который, однимъ поворотомъ клапана минной пушки, можетъ повернуть все дѣло въ другую сторону. И совсѣмъ иначе будетъ записана страница этого дня въ исторіи. Приказать... Всего только два слова!.. И эти два слова могутъ сразу принести побѣду, двинувъ на соединеніе всѣхъ остальныхъ, колеблющихся и сомнѣвающихся...

Громадный, черный контуръ „Ростислава", съ его двумя ярко-желтыми трубами и свѣсившимся на верхушкѣ мачты адмиральскимъ флагомъ, медленно выплываетъ своимъ тупымъ носомъ передъ миноносцемъ. И на немъ тоже цѣлыя гирлянды склонившихся у бортовъ людей. На верхней командной площадкѣ особенное оживленіе и суета. Тамъ адмиралъ и весь его штабъ...

И всѣ они впились биноклями въ палубу миноносца.

Только два слова—и всего этого не существуетъ... Два слова— и всѣ эти милліоны пудовъ стали, съ колосальными механизмами, съ чудовищными пушками, съ людьми и со всѣмъ тѣмъ, что ихъ окру-

Digitized by Google

жаетъ, все это вдругъ, въ одимъ мигъ, высоко взлетитъ вверхъ... И черезъ мгновеніе—опустится на вѣчный покой, въ морскую пучину...

Красный адмиралъ хорошо знаетъ, что „Ростиславъ“ первый начнетъ разстрѣливать его сегодня же, можетъ быть черезъ часъ, черезъ два... На секунду мысль о сладкой мести врагу, который уже насторожился уничтожить тебя безъ всякаго сожалѣнія и котораго можно предупредить въ его желаніяхъ и заставить раньше испытать гибель самому, беретъ какъ будто верхъ.

Но онъ вдругъ вспоминаетъ ту фразу, которая красною нитью проходила всѣ эти дни черезъ всѣ его рѣчи, такъ воодушевлявшія толпу и матросовъ: не надо крови, не надо ничьей крови, не проливайте ее! Ибо, всѣ люди братья и, когда эта истинна станетъ всѣмъ ясна и понятна, никто не подниметъ своей руки на ближняго своего. Ради бога, не надо крови!..

Миноносецъ проходитъ мимо средней части броненосца. Здѣсь самая удобная цѣль, машинное отдѣленіе, пороховые погреба. Чехлы съ пушекъ на „Ростиславѣ“ сняты, и онѣ, такія чистенькія, такія кокетливыя, неподвижно глядятъ куда то въ пространство, точно залюбовавшись отдаленными горными пейзажами. У минныхъ апаратовъ на миноносцѣ люди замерли. Ихъ лица дышатъ рѣшимостью и нетерпѣніемъ... Они ждутъ... Они ждутъ сигнала оттуда, гдѣ, съ подергивающимся отъ внутренней боли, поблѣднѣвшимъ лицомъ, неподвижно стоитъ красный адмиралъ и машинально, чуть слышно, шепчетъ своими сухими губами:

Digitized by Google

— Не надо крови, не надо ничьей крови...

Мелькнула тупая, разукрашенная золотою арматурою корма корабля. „Ростиславъ“ остался сзади... Матросы у минныхъ аппаратовъ зашевелились и какой то глухой, неясный общій вздохъ, не то сожалѣнія, не то облегченія, пронесся по палубѣ миноносца. А застывшій въ своей неподвижной позѣ красный адмиралъ продолжалъ шептать все ту-же фразу:

— Не надо крови, не надо ничьей крови...

Впереди сверкало блескомъ и синевою открытое море и на фонѣ его вырисовывался всею своею черною, гигантскою фигурою загадочно дружественный „Пантелеймонъ“. А еще дальше, за нимъ, весь унизанный радостно кричащими и ликующими людьми родной крейсеръ.

Но, въ воспаленныхъ глазахъ краснаго адмирала, синее море играло багровыми цвѣтами, и эти багровыя волны жадно, со всѣхъ сторонъ лизали стальные бока крейсера, словно чуя, что оттуда польются скоро туда, къ нимъ, цѣлыя рѣки человѣческой крови, съ нетерпѣніемъ спѣша слиться съ ними, въ страстномъ, неразрывномъ поцѣлуѣ. Онъ видѣлъ уже эти льющіеся потоками внизъ съ палубы, съ мостика, бьющіе ручьями изъ иллюминаторовъ кровавые фонтаны, падающіе въ море, и съ дикимъ ревомъ восторга, принимаемые моремъ въ свои объятья. Ему слышалось въ тихихъ всплескиваніяхъ жемчужныхъ гребешковъ, весело игравшихъ, догонявшихъ другъ друга и разсыпавшихся между холмистою зыбью, жгучее ожиданіе и яростные призывы къ уничтоженію и истребленію.

Digitized by Google

Пятьдесятъ лѣтъ уже не пили мы въ этихъ тихихъ бухтахъ подлой человѣческой крови, настойчиво и упрямо, но такъ мелодично и нѣжно журчали жемчужные гребешки... Цѣлыхъ пятьдесятъ лѣтъ прошло съ того времени, какъ насъ, почти цѣлый годъ безъ перерыва, поили ею здѣсь, по прихоти нѣсколькихъ честолюбцевъ. Но сегодня — снова нашъ праздникъ. Мы чуемъ его, мы жаждемъ его и мы не уйдемъ отсюда!.. Хвала людямъ, честь и хвала этимъ гнустнымъ тварямъ, такъ просто и съ такою легкою душею уничтожающимъ другъ друга. Хвала и честь!...

V.

Два паровыхъ катера одновременно отвалили отъ борта крейсера. Одинъ маленькій, тупоносый, быстро подошелъ къ графской пристани и съ него сошла часть освобожденныхъ изъ казематовъ „Прута“ потемкинцевъ. Тщетно уговаривали возставшіе этихъ измученныхъ, сломленныхъ людей остаться на крейсерѣ до конца и раздѣлить съ ними славу, или смерть.

Немногочисленная кучка зѣвакъ, собравшихся на площади передъ старымъ екатериненскимъ дворцомъ, съ жаднымъ любопытствомъ провожала взорами этихъ людей, одѣтыхъ въ рѣжущіе глазъ, въ ноябрьскій день, лѣтніе костюмы, обутыхъ въ желтые сапоги, съ желтыми, одутловатыми лицами. Свѣжій воздухъ опьянилъ ихъ и широко раскрытые глаза ихъ походили на глаза людей, мысль которыхъ безнадежно застыла на какомъ то одномъ тяжеломъ и непосильномъ вопросѣ. Быстрыми ша-

Digitized by Google

гами, щурясь отъ косыхъ солнечныхъ лучей, только что вышедшіе изъ долгой тюрьмы прошли всѣ вмѣстѣ черезъ площадь, прямо въ зданіе морского штаба, за приказаніями, въ какую тюрьму имъ велятъ отправиться теперь. Худой, черный, гибкій, какъ бамбуковая палка, морской офицеръ, съ адьютантскими эксельбантами, равнодушно выслушавъ докладъ дежурнаго о добровольной явкѣ только что освобожденныхъ краснымъ адмираломъ арестантовъ, вышелъ къ нимъ въ переднюю, съ молчаливымъ презрѣніемъ оглядѣлъ всю группу этихъ жалко выглядѣвшихъ, конченныхъ людей и, перегоривъ съ кѣмъ то по телефону, лаконически объявилъ имъ:

Можете пока идти, куда угодно, впредь до распоряженія.

Другой катеръ, большой и неуклюжій, съ боевою ротою въ полномъ вооруженіи, присталъ къ трапу „Пантелеймона". Его послали, чтобы дать послѣдній толчекъ колебаніямъ команды недавно перекрещеннаго „Потемкина". Быстро, неслышно взбѣжали вверхъ по трапу матросы и черезъ минуту весь офицерскій составъ корабля былъ объявленъ арестованнымъ. Ни слова протеста, ни малѣйшаго намека на самооборону не встрѣтило грубое солдатское приказаніе, ни среди старыхъ капитановъ, ни среди молодыхъ мичмановъ. Ахъ, за послѣдніе мѣсяцы они такъ привыкли, что ихъ, то ссаживала съ судовъ въ шлюбки своя же команда, то снова водворяло на эти же суда ближайшее начальство... Многіе изъ нихъ уже даже не могли разобраться въ вопросѣ, имѣло ли какое нибудь

Digitized by Google

значеніе для чести ихъ офицерскаго мундира, или для ихъ личной чести, когда матросъ тяжелою, мозолистою рукою бралъ ихъ за плечо и подталкивалъ къ шлюпкѣ. Покорные судьбѣ, покорно направлялись они и теперь къ трапу, стараясь выглядѣть бодро и ступать увѣреннѣе, въ то время, какъ дрожащія ноги ихъ, при каждомъ глухомъ звукѣ сзади, въ которомъ почему-то чудился имъ звукъ поднимаемаго приклада, невольно ускоряли шагъ. Какъ загнанные въ мертвую петлю зайцы, безропотно спускались они послушною, длинною вереницею по крутому трапу внизъ, торопливо, чтобы не задерживать другихъ, прыгая въ катеръ, который шумя и пыхтя поджидалъ у самаго борта корабля, чтобы отвезти ихъ на крейсеръ. Густою, безпорядочною кучею, робко сбились они на кормѣ катера, окруженные ставшими сплошною стѣною вокругъ нихъ матросами, съ винтовками въ рукахъ.

И было смѣшно, и обидно смотрѣть съ близкаго берега, что среди цѣлой толпы украшенныхъ золотыми погонами и всякими отличіями офицеровъ, которые еще такъ недавно, преисполненные гордостью и чванствомъ такъ незаслуженно присвоенныхъ имъ эпитетовъ непобѣдимыхъ и побѣдоносныхъ, не давали никому дороги и разсыпали щедрою рукою всѣмъ окружающимъ только одни оскорбленія, искренно считая себя людьми какой то особенной, избранной касты,—теперь не нашлось ни одной самолюбивой души, у которой не дрогнула-бы рука пустить себѣ пулю въ лобъ, при одной мысли о поднятомъ за спиною, въ рукахъ сурово подгоняющаго сзади матроса, ружейномъ прикладѣ.

Digitized by Google

На „Пантелеймонѣ“ взвился красный флагъ. Сначала, по ошибкѣ, его подняли на гафилѣ,—боевой сигналъ,—но сейчасъ же спустили отсюда и перемѣстили на верхушку мачты. Громкое „ура“ раздалось въ отвѣтъ съ крейсера и отъ далекихъ экипажей. Сѣдой, сухопарый генералъ, о жестокости и безсердечіи котораго давно уже ходили цѣлыя легенды, молча, нахмуривъ свои густыя, сѣрыя брови и кусая коротко остриженные усы, наблюдалъ всю эту картину въ сильный бинокль съ вышки панорамы Историческаго бульвара. Отъ одного его слова зависѣло, принести или не принести сегодня обильную и безцѣльную кровавую гекатомбу на алтарь свободы, изъ адептовъ и приверженцевъ ея. Красные цвѣта, поднятые на судахъ, стоявшихъ разоруженными на якоряхъ возлѣ экипажей, давно уже раздражали его и онъ до этого момента черезъ силу еле сдерживалъ себя отъ желанія, немедленно окатить ихъ палубы изъ пулеметовъ. Взвившійся теперь яркій флагъ на „Пантелеймонѣ“ заставилъ его крѣпко выругаться и поблѣднѣть: силою своего вооруженія „Пантелеймонъ“ одинъ могъ потягаться съ половиною всего флота. Онъ уже протянулъ руку къ кнопкѣ сигнала, по которому долженъ былъ немедленно грянуть первый залпъ по возмутившимся судамъ... Но вдругъ что то вспомнилъ и хмурая улыбка заиграла надъ его коротко остриженными, обкусанными усами.

На „Пантелеймонѣ“ не было ни снарядовъ, ни ударниковъ у орудій. И громадный, несокрушимый гигантъ, въ такомъ положеніи былъ безвреднѣе ребенка...

Digitized by Google

VI.

Около полудня, усыпавшіе собою весь приморскій бульваръ зрители, у которыхъ теперь чувство любопытства превозмогло утреннее чуство трусости и растерянности, увидѣли начавшееся вдругъ, на молчаливыхъ до сихъ поръ корабляхъ, оживленіе. На крышахъ пушечныхъ башенъ ближайшаго „Ростислава“, на кормѣ „Меркурія“, на „Святителяхъ“, на „Апостолахъ“, всюду было ясно видно, какъ кучки матросовъ энергично возятся надъ чѣмъ то краснымъ. Что именно тамъ происходитъ, понять пока было невозможно, отчетливо и рѣзко бросались только въ глаза громадныя, красныя полотнища, возлѣ которыхъ оживленно жестикулировали и суетились группы команды.

— Ура! кричали какіе то люди, шнырявшіе подъ береговыми уступами,—эскадра наша, всѣ перешли за насъ! Смотрите, смотрите, они отдѣляютъ красные цвѣта на сигнальныхъ флагахъ отъ другихъ, чтобы поднять ихъ вверхъ... Смотрите, смотрите!..

А на противоположной сторонѣ бухты, такъ же громко кричали „ура“ и размахивали фуражками вскочившіе на брустверъ стараго николаевскаго укрѣпленія, въ заросшихъ травою амбразурахъ котораго были спрятаны наканунѣ ночью ихъ пушки, солдаты и офицеры полевой артиллеріи. Ихъ скрытые окопы были ближе къ эскадрѣ и имъ было яснѣе и понятнѣе видно то, что происходило на сразу ожившихъ, до того сонныхъ и инертныхъ корабляхъ.

Матросы бѣшено топтали ногами, рвали и выбрасывали за бортъ, умышленно высоко поднимая

Digitized by Google

надъ головами руки, обрывки красной матеріи. И, падая на поверхность воды, они не тонули, а медленно, длинными полосами и пятнами, ярко переливаясь своимъ огненнымъ цвѣтомъ на бирюзовомъ фонѣ прозрачной морской глуби, плыли, уносимые теченіемъ въ ту сторону, гдѣ стоялъ на выходѣ у взморья крейсеръ. Плыли отъ „Ростислава", отъ „Меркурія", отъ далекихъ „Святителей"... И одновременно на всѣхъ мачтахъ кораблей взвились темно-синіе кресты андреевскаго флага такъ, какъ взвиваются они обыкновенно въ высокоторжественные дни. И музыка заиграла гимнъ...

Приближался послѣдній актъ драмы...

VII.

Черезъ часъ были взяты первые плѣнные съ крейсера. Съ утра шлюбки и катера отъ него ходили совершенно свободно ко всѣмъ пристанямъ, высаживая и принимая людей, передавая письма. Ихъ никто не трогалъ, какъ не трогали въ городѣ другъ друга маршировавшіе рядомъ патрули отъ краснаго адмирала и отъ крутого командира черноморскаго флота. Но съ момента, когда настроеніе остальной части эскадры совершенно опредѣленно выразилось, въ поднятыхъ на всѣхъ мачтахъ андреевскихъ флагахъ, весь сильно перетрусившій, растерявшійся и выжидавшій дальнѣйшихъ событій административный механизмъ усмирителей, сразу пришелъ въ движеніе.

Солдаты какого то чужого, запаснаго полка, экстренно прибывшаго ночью съ пушками и обозами изъ далекой Бессарабіи, бородатые, съ мор-

Digitized by Google

щинистыми лицами удрученныхъ невзгодами и борьбою съ суровою природою хлѣбопашцевъ, которыхъ, на склонѣ лѣтъ, по чьей то прихоти, словно для потѣхи перерядили въ старые, черные, выцвѣтшіе мундиры и куцыя фуражки съ грязными, засаленными, бѣлыми околышами, молча окружили четырехъ матросовъ, приставшихъ на шлюбкѣ съ крейсера въ артиллерійской бухтѣ и, сомкнувшись вокругъ нихъ тѣснымъ кольцомъ, повели ихъ куда то вверхъ, по приморской улицѣ.

Матросы не сопротивлялись. Они шли своею обычною, легкою походкою и тяжелые, неуклюжіе шаги солдатъ, съ трудомъ поспѣвавшихъ за ними, какъ то особенно рѣзко и глухо стучали по гранитнымъ кубикамъ мостовой.

Двѣ смѣлыя женщины, сдерживая слезы, готовыя хлынуть изъ ихъ глазъ, сосредоточенно наблюдали всю эту сцену съ балкона своего дома и сердца ихъ сжимались нѣмою тоскою и участіемъ.

— Какія у нихъ хорошія, открытыя лица! воскликнула одна, когда схваченные и ихъ стража поровнялись съ балкономъ.

Слова были услышаны...

И четыре пары глазъ, всѣ разомъ, поднялись вверхъ.

Что отражалось въ нихъ? Нѣмая благодарность за участіе? Или досада о принесенной безсильной и безцѣльной жертвы? Но только не страхъ возмездія... Одинъ изъ схваченныхъ, съ бѣлыми нашивками унтеръ-офицера на погонахъ, хотѣлъ что то сказать и сдѣлалъ неопредѣленный жестъ рукою. Но конвоиръ ефрейторъ, небритый, весь черный, со

Digitized by Google

злымъ лицомъ недоспавшаго и недоѣвшаго человѣка, котораго, послѣ утомительнаго долгаго пути, прямо съ парохода поставили въ безсмѣнный караулъ, грубо и хрипло выругавшись, толкнулъ его въ спину.

И они пошли дальше...

А за ними, гудя и волнуясь, на почтительномъ отъ заряженныхъ солдатскихъ ружей разстояніи, клубилась и разливалась по улицѣ шумная толпа простого, сѣраго народа. И глухія слова сочувствія однимъ и звонкія проклятія другимъ, неслись по прямой, какъ стрѣла, улицѣ, вслѣдъ быстро удалявшейся группѣ, сверкавшей на солнцѣ штыками своихъ ружей. Одни солдаты со злобою, словно травимые волки, оглядывались назадъ и грозили кулаками, ругаясь на непонятномъ языкѣ. Но другіе, напротивъ, смотрѣли такъ, что казалось—еще мгновеніе и они повернутся, чтобы присоединиться къ этимъ далекимъ по родинѣ, но близкимъ по чувствамъ людямъ.

И только частые, хриплые окрики небритаго чернаго ефрейтора, ставили ихъ въ неразрывное кольцо желѣзной дисциплины. И ихъ тяжелые шаги, поднимаясь въ гору, все глуше и глуше звучали по гранитной мостовой.

VIII.

— Какъ это началось?

Но началось ровно въ половинѣ четвертаго часа. Я это отлично помню, потому что при первомъ-же выстрѣлѣ изъ митральезы съ конанерки, сухомъ, отрывистомъ, смыслъ котораго многіе даже не по-

Digitized by Google

няли въ первый мигъ и сочли за звукъ упавшей гдѣ то доски, я посмотрѣлъ на часы: стрѣлка стояла ровно на половинѣ четвертаго.

Дальше—уже сплошной кошмаръ и хаосъ...

Но до этого момента я вполнѣ сохранялъ все свое самообладаніе, какъ сохраняли его ходившіе и стоявшіе возлѣ меня люди, съ нетерпѣливымъ жуткимъ любопытствомъ ожидавшіе наступленія бойни, а пока переругивавшіеся, пересмѣивавшіеся между собою и наполнявшіе воздухъ цѣлыми ворохами различныхъ басенъ.

Разбираясь теперь, здѣсь, въ этомъ глухомъ углу, темною ночью, подъ шумъ свирѣпствующей бури, во впечатлѣніяхъ моего больного, точно перерѣзаннаго пополамъ красною нитью мозга, я ясно возстанавливаю въ памяти моей шагъ за шагомъ всѣ детали этой ужасной картины.

И снова, и снова безъ конца переживаю ихъ...

Судьба, какою то незримою рукою, сама направляла меня во всѣ моменты точно нарочно въ самый фокусъ разыгрывавшихся событій. Эта незримая рука привела меня во время къ таможенной горкѣ, у противоположнаго берега которой стояли на якоряхъ разоруженныя суда, подъ красными флагами.

И я попалъ на начало конца.

У таможенной пристани, ошвартовавшись кормою къ берегу и уставившись своимъ тупымъ, украшеннымъ длиннымъ бугшпритомъ, носомъ прямо противъ экипажей, стоялъ „Терецъ“. Сверху, съ горки, было ясно видно, что его мѣдныя, пяти-ствольныя митральезы совершенно изготовлены къ бою и подвѣшенныя возлѣ нихъ, сплетенныя изъ толста-

Digitized by Google

го шпагата сѣтки, были полны патроновъ, блестящихъ, сверкавшихъ при отблескѣ угасавшаго дня своими свѣтлыми, желтыми гильзами. Прямо къ „Терцу“, медленно, тихо, подвигался отъ противоположнаго берега минный транспортъ „Бугъ“, сверху до низу начиненный пироксилиновыми минами. „Бугъ“, все утро стоявшій подъ краснымъ флагомъ, теперь, вышедши на середину южной бухты, поднялъ на обѣихъ своихъ сильно скошенныхъ мачтахъ синіе андреевскіе кресты. На палубѣ его всюду сновали и суетились матросы и офицеры, а на бакѣ, вздернутая на веревкѣ, висѣла заготовленная для ужина командѣ огромная, покрытая запекшеюся кровью бычачья нога. Другая такая же нога висѣла на бакѣ „Терца“ и, чѣмъ больше сближались оба судна, тѣмъ рѣзче выступали и бросались въ глаза эти два окровавленные, безформенные куска мяса. И, казалось, что они, раскачиваясь, весело киваютъ другъ друга, глядя на творящуюся во кругъ нихъ бѣготню и суетню.

Большой, черный портовый катеръ, безо всякихъ флаговъ, между тѣмъ догонялъ „Бугъ“. Вотъ онъ уже поравнялся съ нимъ и мнѣ отчетливо видна стоящая на открытой палубѣ его группа матросовъ и солдатъ, съ ружьями въ рукахъ. Катеръ уменьшилъ ходъ, онъ идетъ уже рядомъ съ медленно подвигающимся къ берегу „Бугомъ“, и съ него несется на палубу послѣдняго звонкая, отрывистая, точно чеканенная рѣчь.

„Бугъ“ совсѣмъ уже возлѣ „Терца“, и возлѣ насъ. Молодой матросъ, блѣдный какъ полотно, съ безумными, горящими глазами изступленнаго фана-

Digitized by Google

тика, пробуетъ послѣднія слова убѣжденія. Товарищи! доносится громко, отчетливо съ катера. За что же вы измѣняете намъ, товарищи? За что же вы бросаете и предаете насъ, въ эту послѣднюю минуту? Неужели за ту бычачью ногу, которая виситъ у васъ на бакѣ? Стыдно вамъ! Стыдъ и позоръ! Вернитесь, пока не поздно!... Спустите съ мачтъ синіе кресты и поднимите опять на нихъ то знамя свободы, которое украшало васъ сегодня съ утра. Вернитесь и не бойтесь! Въ васъ они не будутъ стрѣлять, такъ какъ хорошо знаютъ, что съ вами вмѣстѣ взлетятъ на воздухъ и они сами, и весь городъ со всѣми тѣми, которые пылаютъ желаніемъ стереть насъ съ лица земли. Опомнитесь товарищи! Снимите съ себя, пока еще есть время, пятно предательства... Не вѣрьте имъ! Они обманутъ и теперь васъ такъ-же, какъ обманывали раньше...

На „Бугѣ“ продолжалась та-же лихорадочная возня и суета. Но движенія нѣкоторыхъ матросовъ становились все медленнѣе и нерѣшительнѣе, они какъ бы прислушивались къ несшимся съ катера и бившимъ имъ прямо въ сердце горячимъ словамъ блѣднаго матроса. Сверху, съ берега, казалось, что они о чемъ-то раздумываютъ, можетъ быть начинаютъ колебаться... Невысокій, плотный офицеръ, стоя у самаго борта на „Бугѣ“, растерянно махалъ рукою и кричалъ по направленію къ катеру: Уходите, ради бога уходите!...

Но они не уходили. Рѣчи ихъ звучали все громче, все страстнѣе, все убѣдительнѣе. И, сбившаяся на горкѣ толпа, вся замершая въ нѣмомъ вниманіи, жадно ловила эти новыя, смѣлыя рѣчи, полныя

Digitized by Google

фанатическаго экстаза и глубокой вѣры въ себя и, въ свое дѣло.

А на „Терцѣ“, испытанномъ, вѣрномъ „Терцѣ“, всѣ уже стояли по своимъ мѣстамъ и спокойно ждали.

У на славу вычищенныхъ мѣдныхъ митральезъ, у веревочныхъ сѣтокъ съ блестящими патронами, дежурили люди въ такихъ же синихъ рубахахъ, въ такихъ же черныхъ фуражкахъ, въ какихъ были люди, посылавшіе сюда, на верхъ, горячія рѣчи съ палубы, катера. Они стояли, безстрастные и неподвижные съ такимъ безразличнымъ видомъ, точно уши ихъ были залѣплены воскомъ и все ихъ вниманіе было устремлено на игру фіолетовыхъ облаковъ, спускающихся передъ вечеромъ на ночлегъ, надъ дальними горами.

Офицеръ, бѣлобрысый, рыхлый, съ налившеюся толстою, багровою шеею и съ большимъ животомъ, слѣдилъ въ бинокль съ мостика за движеніями транспорта и катера, хотя они были уже совершенно близко. Его прыщеватое лицо, окаймленное русою бородою, не выражало ничего, кромѣ скуки хорошаго служаки, который вполнѣ увѣренъ въ своихъ людяхъ, все предусмотрительно приготовилъ и который теперь недоумѣваетъ, почему до сихъ поръ нѣтъ приказанія приступить къ дѣлу?

Бугшпритъ „Буга“ уже почти касался бугшприта „Терца“ и обѣ, покрытыя запекшеюся кровью бычачьи ноги на обоихъ судахъ, мѣрно раскачиваясь на поддерживавшихъ ихъ канатахъ, какъ бы привѣтствовали одна другую, встрѣтившись послѣ

Digitized by Google

выхода въ разныя стороны изъ бойни, снова при такой странной обстановкѣ.

Послѣднія слова, полныя отчаянной мольбы и безнадежности, прозвучали съ палубы катера,— дальше идти было некуда, надъ головами депутатовъ выросталъ уже черный бортъ „Терца",—и катеръ медленно далъ задній ходъ. Глаза стоявшихъ на немъ людей, устремленные всецѣло до этой минуты на транспортъ, вдругъ, при поворотѣ, внезапно встрѣтились съ глазами тѣхъ, которые, въ напряженномъ ожиданіи окружали ярко вычищенныя митральезы на „Терцѣ"... Глухой, короткій вопль не то досады, не то ярости, пронесся по катеру и потонулъ въ водѣ. Молодой матросъ, съ лицомъ изступленнаго фанатика, такъ пылко убѣждавшій вернуться команду „Буга", изо всей силы рванулъ обѣими руками свою куртку, и его обнажившаяся грудь, бѣлымъ пятномъ сверкнула на фонѣ черныхъ матроскихъ мундировъ и сѣрыхъ солдатскихъ шинелей.

Стрѣляйте меня, убейте меня, братья мои! душу раздирающимъ, нечеловѣческимъ голосомъ, закричалъ онъ... Если для вашего счастья это нужно, вотъ вамъ...

И онъ, въ какомъ то бѣшеномъ изступленіи рвалъ и кромсалъ свою одежду, бросая лоскутья ея за бортъ.

И, въ отвѣтъ на его слова, съ „Терца" тотчасъ же какою то безконечною лентою ударовъ, посыпались сухіе, рѣзкіе выстрѣлы митральезы, разстрѣливавшей въ упоръ катеръ и сбившихся теперь на его кормѣ въ безпорядочную кучу, ищущихъ

Digitized by Google

спасенія отъ острыхъ, все пробивающихъ стальныхъ снарядовъ, за легкими деревяными кожухами и тонкою желѣзною трубою, людей.

Съ другой стороны, нѣсколько озвѣрѣлыхъ матросовъ на „Бугѣ“ бѣжали съ винтовками въ рукахъ на носовую часть транспорта, и, чуть слышные оттуда ружейные выстрѣлы, выбивали свою частую, слабую дробь, заглушаемые сухими, отрывочными ударами митральезы...

Безуміе и ужасъ!...

Ни одна винтовка не поднялась въ рукахъ стоявшихъ на катерѣ, ни одна пуля не понеслась оттуда въ сторону тѣхъ, кто разилъ ихъ такъ холодно спокойно и такъ безопасно мѣтко...

Клянусь вамъ, я видѣлъ это своими собственными глазами!..

И въ то время, какъ одни, пораженные, лежали и корчились въ предсмертныхъ мукахъ, еще живые, другіе, вмѣсто того, чтобы защищаться, или спасаться, въ какомъ то странномъ, восторженномъ экстазѣ, поднимали вверхъ свои черныя шапки и кричали:

— Спасибо товарищи, спасибо вамъ, братья!..

Дикіе крики страха и изступленной злобы, истерическіе возгласы и рыданія женщинъ, раздались среди онѣмѣвшей въ первый моментъ, отъ неожиданности и жестокости этой расправы, собравшейся на горкѣ толпы народа. Внизу, стоя у запертыхъ наглухо воротъ таможни, неистово колотилъ въ нихъ кулаками, и посылалъ страшныя ругательства по адресу „Терца“ какой то высокій матросъ, въ темной шинели. Въ порывѣ безсильнаго гнѣва, онъ

Digitized by Google

выхватилъ изъ кармана револьверъ и пуля за пулею щелкали о желѣзные листы канонерки, не обращая на себя даже ничьего вниманія на ней.

Но вдругъ оцѣпенѣвшая толпа, съ воплями и плачемъ, опрометью бросилась бѣжать въ ближайшія улицы. Кому то показалось, что „Пантелеймонъ" двинулся съ мѣста и кто-то не своимъ голосомъ закричалъ:

— Берегись! „Потемкинъ" идетъ на расправу съ „Терцемъ!

И люди, сбивая и давя другъ друга, закрывая глаза и уши, какъ стадо напуганныхъ ословъ, въ паническомъ ужасѣ, со всѣхъ ногъ помчались прочь.

И все кругомъ сразу стало вдругъ пусто и какъ то зловѣще тихо. Стрѣльба прекратилась... Поддавшись общему настроенію и присѣвши за какую то стѣну, я боялся открыть глаза, боялся посмотрѣть внизъ и вздрагивалъ при одной мысли, о возможности увидѣть этотъ разстрѣляный въ упоръ изъ пушки катеръ... Я сидѣлъ въ какомъ то полузабытьѣ и чего то ожидалъ...

— Но вотъ чей то тоненькій, тоненькій, давно давно гдѣ то слышанный, но не забытый старческій голосъ, точно острымъ буравчикомъ вошелъ въ мои уши и волосы на головѣ моей зашевелились отъ непонятнаго ужаса. Не будучи больше въ силахъ удерживаться, я поднялся и заглянулъ внизъ.

Предчувствіе не обмануло меня...

По голому, каменистому склону обрыва, оттуда, снизу, словно изъ какой-то преисподней, быстро

Digitized by Google

карабкалась вверхъ проклятая старуха. Весело размахивая зеленою вѣткою буксуса, проворно прыгала она съ камня на камень, какъ кошка цѣпляясь руками за каждый выступъ твердой, желтой глины, за каждый кустъ сухого, колючаго бурьяна.

И ея бѣлый чепецъ, съ плоенными краями, съ длинными развѣвающимися концами лентъ, какъ и тогда прыгалъ во всѣ стороны, въ тактъ съ раскачиваньемъ ея дрожащей головы.

Старуха опоздала на этотъ разъ на пиршество смерти и теперь очень торопилась.

Вотъ она поднялась до половины горы, откуда ей уже была видна бухта, со всею ея жизнью. Жаднымъ взоромъ, широко раскрывши свои острые, круглые безъ рѣсницъ глаза, окинула она все вокругъ и, сѣвши на уступъ, затянула своимъ тонкимъ, дребезжащимъ голосомъ свою обычную пѣсенку:

Пчелка златая, что ты жужишь?

Она мѣрно покачивалась своимъ тощимъ, хилымъ тѣломъ во всѣ стороны и ни въ голосѣ ея, ни въ жестахъ не было замѣтно и тѣни усталости. И зеленая вѣтка буксуса, пасхальная эмблема мира и всепрощенія, мѣрно колыхалась надъ головою старухи, въ тактъ словамъ ея пѣсенки.

Изрѣшетенный снарядами катеръ, весь покрытый бѣлымъ облакомъ пара, съ пронзительнымъ свистомъ вылетавшимъ изъ пробитаго котла, покинутый уцѣлѣвшими людьми, медленно относился теченіемъ въ сторону адмиралтейства, никѣмъ не управляемый и теперь не привлекая уже на себя ничьего вниманія. Нѣсколько тѣлъ безформенною

Digitized by Google

массою распластались на палубѣ его. Толпа разбѣжалась и горка была совершенно пуста. Одна только старуха зорко слѣдила за нимъ своими круглыми ястребиными глазами и, затягивая снова и снова свою безконечную пѣсню, иногда начинала хлопать въ ладоши и приговаривала:

Ай голубчикъ, ай огурчикъ! Молоденькій, зелененькій!..

Вотъ онъ, мой сынъ, мой сыночекъ, мой родимый голубочекъ!.. вдругъ завизжала она, вскочивши съ мѣста и протягивая обѣ руки въ сторону катера. Все ея высохшее, крошечное тѣло вытянулось и казалось—она сейчасъ ринется внизъ, прямо въ воду.

Тамъ, на катерѣ, напрягая нечеловѣческія усилія, корчась и извиваясь отъ боли, протискивалось среди бѣлаго облака изъ машиннаго отдѣленія на палубу что то ужасное, непонятное... Очевидно это былъ кочегаръ. Обваренный паромъ, хлынувшимъ изъ разбитыхъ трубокъ, замершій въ первыя минуты отъ невыразимыхъ страданій, онъ только теперь пришелъ въ себя. И его горящій мозгъ наполняла теперь только одна мысль, одно неудержимое желаніе: броситься скорѣе съ головою, навсегда въ эту холодную воду, которая плещетъ вотъ тутъ за бортомъ, въ то самое время, какъ его обваренное тѣло горитъ и пылаетъ, какъ въ огнѣ...

Онъ судорожно уцѣпился руками за перила лѣстнички и кожа его ладоней клочьями оставалась на тѣхъ мѣстахъ, за которыя хватали его руки. Но, глухо рыча и извиваясь отъ боли, онъ лѣзъ и лѣзъ, все впередъ и впередъ... Были ли у него глаза, видѣлъ

Digitized by Google

ли онъ что нибудь? Что то сплошное, багрово красное, вздувшееся на мѣстѣ лица... Наконецъ онъ добрался до низкаго борта и грузно, точно набитый углемъ куль, съ дикимъ воплемъ, скатился прямо въ воду.

А старуха, протягивая руки впередъ, прыгала, кружилась и плясала со своими причитаніями: мой сыночекъ, мой родимый голубочекъ!... Глядя, какъ понемногу показывается вверхъ изъ воды голова этого заживо свареннаго человѣка, она радостно хихикала, звала и манила его къ себѣ, своею пальмовою вѣтвью:

Сюда, сюда!...

Ея фантазіи сумасшедшей казалось, что это выплываетъ ея давно потонувшій сынъ и что онъ спѣшитъ къ ней, усталый, счастливый...

И она все нетерпѣливѣе и нетерпѣливѣе кричала:

Скорѣй, скорѣй ко мнѣ, мой сыночекъ, мой дорогой голубочекъ...

Но вотъ, голова его появилась въ послѣдній разъ и скрылась навсегда въ холодной водѣ. И на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ упалъ, дрожа и догоняя другъ друга, побѣжали, все шире и шире расходясь, большіе, правильные, точно обведенные циркулемъ, круги. На минуту старуха замерла въ недоумѣніи и вдругъ воздухъ огласился ея пронзительными, ужасными проклятіями.

Будьте прокляты вы всѣ, кричала она звонкимъ, дребезжащимъ голосомъ, всѣ вы, убійцы, воры, гады... Я васъ знаю, всѣхъ давно знаю. Осиное гнѣздо, шмели проклятые! Понастроили себѣ камен-

Digitized by Google

ныя палаты на чужомъ потѣ и обросли жиромъ до самыхъ пятокъ, въ теплѣ и холѣ... Что-бъ вамъ не видать ни одного свѣтлаго дня въ своей жизни! Чтобъ вамъ заживо лопнуть и пусть васъ живьемъ съѣдятъ черви... Пусть вашихъ дѣтей скрючитъ въ три погибели, такъ, что бы они не могли пошевелить пальцами. И пусть подохнутъ съ голода, передъ столами уставленными пищею... За что опять убили моего сыночка, моего дорогого голубочка? А-а-а... Кровопійцы, изверги... Воры, гады проклятые! Казнокрады прирожденные...

Тонкія губы ея покрылись желтою пѣною, она качалась и билась на землѣ, впиваясь въ нее своими скрюченными пальцами. А проклятія сыпались не переставая, одно за другимъ, далеко разносясь по бухтѣ и по берегамъ ея.

— Это было ужасно!..

Люди кругомъ давно всѣ разбѣжались и наверху, кромѣ меня и старухи, нигдѣ не видно было ни одной живой души. Внизу, съ „Терца“ разстрѣливали вышедшій къ павловскому мыску миноносецъ, тотъ самый, который утромъ, съ краснымъ адмираломъ на мостикѣ, такъ увѣренно и, вызывающе смѣло дважды проходилъ по линіи всей эскадры. И острые снаряды митральезъ, визжа и свистя, рикошетомъ бороздили длинными лентами водяныхъ брызгъ поверхность тихой бухты.

Теперь уже со всѣхъ сторонъ неслись громовые пушечные залпы.

Бойня началась...

Первый залпъ грянулъ съ „Ростислава“. Но высоко наведенныя пушки дали перелетъ и снаряды

Digitized by Google

съ корабля, съ шипящимъ гуломъ, нагнетая воздухъ и минуя цѣль, пронеслись надъ самымъ брустверомъ большой батарреи, устроенной возлѣ стараго константиновскаго укрѣпленія. Тогда командиръ батарреи, которому уже три раза сигнализировали приказаніе начинать и который все еще чего то ждалъ, и на что то надѣялся, съ бѣгающими по сторонамъ отъ волненія и ужаса глазами, перекрестился и махнулъ платкомъ. Онъ не видѣлъ „Ростислава" и ему показалось, что снаряды летятъ на его батаррею прямо со стоящаго противъ, мятежнаго крейсера.—На начинающаго богъ!—подумалъ онъ, и, разъ они начинаютъ, то да свершится воля его...

Прапорщикъ запаса, командовавшій тремя гигантскими лѣво-фланговыми орудіями, обыкновенно смотрящими въ море, а теперь повернутыми въ бухту, коротко, хриплымъ голосомъ, глотая отъ волненія на половину слова команды, прокричалъ что то стоящимъ у пушекъ солдатамъ. И три тяжелыхъ семнадцати-пудовыхъ ядра, заглушая своимъ адскимъ ревомъ шумъ пальбы, и заставляя сгибаться къ самой землѣ все, что еще не бѣжало и не успѣло попрятаться, низко пронеслись надъ стоящимъ въ какихъ нибудь двухъ стахъ саженяхъ крейсеромъ и, пробивши, точно картонныя перегородки, толстыя каменныя стѣны, два изъ нихъ влетѣли въ морской госпиталь, а третье, поднявши цѣлый столбъ земли, глубоко зарылось въ оконечности павловскаго мыска.

Одинадцати-дюймовыя крѣпостныя орудія, „Меркурій", „Ростиславъ", „Капитанъ Сакенъ", и дале-

Digitized by Google

кая мортирная батаррея, безпрерывнымъ перекрестнымъ огнемъ разстрѣливали мятежный крейсеръ. Гранаты полевой артиллеріи, спрятанной за кустами Историческаго бульвара, ярко вспыхивая огнемъ при каждомъ ударѣ, разбивались о крѣпкія стѣны морскихъ казармъ, падали на крыши ихъ, влетали въ окна. Какія то, незамѣтно откуда то привезенныя пушки, вспыхивали одиночными выстрѣлами со стороны братскаго кладбища и бѣлые дымки, при каждомъ разрывѣ высоко въ воздухѣ посылаемой ими шрапнели, легкими, игривыми облачками расплывались во всѣ стороны.

И, среди этого грома орудійныхъ залповъ, глухого гула громадныхъ ядеръ и пронзительнаго, заунывнаго визга мелкихъ снарядовъ, одинъ только крейсеръ молчалъ...

„Не нужно крови, ни капли крови!...“

На самой серединѣ южной бухты, среди сгущающихся сумерекъ, медленно тонулъ, открывши свои кингстоны, плавучій складъ минъ—„Бугъ“ Сначала скрылась его корма, потомъ опустился бугшпритъ. И, послѣ всего, весело раскачиваясь въ воздухѣ отъ неравномѣрныхъ толчковъ тонущаго судна, точно смѣясь надъ всей этой кровавою трагедію, исчезла въ водѣ высоко подвѣшанная на бакѣ, покрытая запекшеюся кровью бычачья нога.

И, среди этого сплошного кошмара смерти и разрушенія, старуха продолжала неистовствовать и разсыпать свои страшныя проклятія, кружась на одномъ мѣстѣ и грозя въ темнѣющее пространство своими костлявыми кулаками. Но крики и ругатель-

Digitized by Google

ства ея, тонули теперь безслѣдно въ сплошномъ громѣ бѣшеной канонады.

А крейсеръ все молчалъ...

Съ двухъ сторонъ его пронизывали насквозь перекрестнымъ огнемъ коническіе снаряды съ батарей и съ судовъ эскадры, надъ палубой его рвались бомбы крѣпостныхъ мортиръ и шрапнель полевыхъ пушекъ, скрывая временами весь стройный корпусъ его въ облакахъ густого дыма и сметая своими осколками все живое вокругъ...

А онъ все молчалъ...

Его новенькія, щегольскія, блестящія коричневыя пушки, освобожденныя еще утромъ отъ покрывавшихъ ихъ парусиновыхъ чехловъ, безмолвно выглядывали изо всѣхъ башенъ и башенокъ судна.

И постепенно, передъ разбитымъ, уничтоженнымъ, безотвѣтнымъ врагомъ все кругомъ затихло...

Тогда вдругъ, въ полумракѣ совсѣмъ уже спустившагося вечера, двѣ огненныя молніи прорѣзали тотъ бортъ крейсера, который морское теченіе тихонько повернуло въ сторону южнаго берега, и два шести-дюймовыхъ ядра съ рѣзкимъ, густымъ жужжаніемъ, высоко-высоко пронеслись надъ погруженнымъ во тьму, молчаливымъ, безъ движенія, словно вымершимъ городомъ.

Чья неизвѣстная рука рѣшилась разрядить въ послѣдній моментъ эти двѣ заряженныя пушки? Или это было дѣломъ слѣпого случая?

И все кругомъ снова загремѣло, зарокотало, засверкало красными огнями выстрѣловъ, заволокло клубами ѣдкаго, сѣраго дыма. Канонада вспыхнула съ

Digitized by Google

новою силою. И съ новымъ ожесточеніемъ понеслись отовсюду смертоносные снаряды.

IX.

Небольшая кучка смѣльчаковъ, презирая опасность, рискуя жизнью изъ любви къ ближнему своему, спасала тонущихъ у нижней площадки приморскаго бульвара. На загорѣвшемся крейсерѣ яркимъ столбомъ вырывалось откуда то снизу, изъ подъ палубы, веселое, ясное пламя и теперь, когда задача была такъ просто и быстро разрѣшена, „Ростиславъ“ уже въ одиночку разстрѣливалъ спасавшихся въ шлюбкахъ съ горящаго крейсера уцѣлѣвшихъ мятежниковъ. Большой, бѣлый вельботъ, переполненный матросами, на всѣхъ веслахъ подходилъ уже къ самому берегу, когда, у воздвигнутой въ водѣ, въ память обороны гранитной колонны, украшенной парящимъ бронзовымъ орломъ, настигли его мѣткіе снаряды скорострѣльныхъ пушекъ съ флагманского корабля. Холодная вода точно закипѣла отъ вывалившихся въ нее дымящихся человѣческихъ внутренностей и обагрившей ее крови.

Десятки человѣческихъ тѣлъ, цѣлыхъ и изувѣченныхъ, хватая другъ друга за перебитыя руки и ноги, за плавающія внутренности, за расщепленные черепа, съ криками и воплями копошились и безпомощно барахтались вокругъ этого гранитнаго памятника былой славы, на вершинѣ котораго, распластавши свои бронзовыя крылья и пригнувшись, словно желая лучше разсмотрѣть въ полумракѣ всю эту картину, съ лавровымъ вѣнкомъ и

Digitized by Google

крестомъ въ клювѣ, безстрастно глядѣлъ на нихъ сверху бронзовый орелъ.

А они шли ко дну, захлебываясь, окоченѣвъ въ холодной, соленой водѣ и, съ каждымъ судорожнымъ взмахомъ руки, одною головою на поверхности становилось меньше.

Засучивъ брюки и обдирая руки и ноги объ острые выступы прибрежныхъ камней, нѣсколько смѣчальчаковъ вытаскивали тѣхъ, которые были ближе, ломали и бросали въ воду деревяныя скамьи тѣмъ, которые были дальше... Пѣхотный патруль, опустивъ ружья къ ногѣ, стоялъ тутъ же. Солдаты не добивали, но и не спасали. Они молча окружали тѣхъ, которые, дрожа и стуча зубами отъ холода и пережитыхъ волненій, выходили на берегъ. И уводили ихъ куда то во тьму...

Наступилъ полный мракъ и всюду воцарилась таинственная, мертвая тишина.

Ни одинъ фонарь не вспыхнулъ на безмолвныхъ городскихъ улицахъ. Внизу тихо бился о камни, колыхаемый легкимъ прибоемъ, испещренный картечью, до краевъ залитый кровью и водою бѣлый вельботъ. Издали, отъ экипажей, доносились безпрерывнымъ, сухимъ трескомъ залпы винтовокъ и монотонное, безпощадное выстукиваніе пулеметовъ. Это братскій полкъ бралъ приступомъ морскія казармы и осыпалъ пулями тѣхъ самыхъ людей, съ которыми, всего пять дней тому назадъ, шелъ рука объ руку, безъ оружія, при восторженныхъ общихъ кликахъ въ честь свободы. Разгоравшійся все сильнѣе на крейсерѣ пожаръ, лизалъ отблескомъ своихъ длинныхъ, красныхъ языковъ все дальше и дальше,

Digitized by Google

дремлющія морскія волны. И на его высокой мачтѣ, гдѣ еще утромъ такъ весело и увѣренно взвился красный флагъ, теперь тяжело повисла длинная, бѣлая скатерть, поспѣшно поднятая при первыхъ пушечныхъ выстрѣлахъ свезенными днемъ на крейсеръ съ „Пантелеймона“ офицерами.

...Разбитый, съ тупою, ноющею болью во всѣхъ членахъ тѣла, съ налитою свинцомъ головою, очнулся я на каменной скамьѣ, у самаго моря. Кругомъ не было видно ни одного человѣка и только ярко освѣщенная быстро разгоравшимся пожаромъ, на самомъ крайнемъ уступѣ мыска обрисовывалась одинокая, неподвижная фигура часового.

Все казалось такъ противно и такъ гадко...

Натыкаясь въ темнотѣ на камни и на куски досокъ отъ разбитыхъ шлюпокъ, поплелся я въ ту сторону, гдѣ, сбоку искусственнаго грота, поднималась вверхъ узкая, крутая лѣстница. Какіе то странные звуки, похожіе на мурлыканье довольной кошки, долетали оттуда. Машинально вспомнилъ я, что у меня въ карманѣ всегда лежитъ электрическій фонарь и, весь охваченный чувствомъ вдругъ вспыхнувшаго неотразимаго любопытства, надавилъ кнопку.

Старуха! Проклятая старуха!

Она стояла, вся сгорбившись надъ чѣмъ то и, размахивая своею зеленою вѣткою буксуса, все пѣла и пѣла. Но ни напѣва, ни словъ уже нельзя было разобрать и слышалось только одно какое то хриплое безсмысленное ворчаніе. Это „что то“ надъ чѣмъ качалась и выла старуха, было нагое тѣло убитаго и выброшенаго сюда волною матроса. Открытые, туск-

Digitized by Google

лые глаза мертвеца тупо глядѣли вверхъ, съ такимъ выраженіемъ, точно онъ все еще прислушивался къ какому то послѣднему, недослышанному слову. Въ груди его зіяла огромная дыра, откуда лоскутами висѣли края запекшагося легкаго. И сухія, потрескавшіяся губы старухи, жадно припадая къ самому краю этого страшнаго, багроваго пятна, цѣловали его и шептали:

Мой сыночекъ, мой дорогой голубочекъ!...

Это былъ ужасъ, ужасъ, ужасъ...

XI.

...Двѣ смѣлыя женщины сидѣли на балконѣ и беззвучно рыдали.

Передъ ихъ глазами пылалъ гигантскій костеръ и красное пламя, то вдругъ высоко вздымалось къ темному, южному небу, то словно проваливалось на мгновеніе куда то внизъ, въ морскую глубь, посылая вмѣсто себя къ яркимъ звѣздамъ густое облако чернаго, удушливаго дыма. Пожаръ, начавшись въ носовой части крейсера, по его деревяной обшивкѣ быстро приближался къ высокимъ мосткамъ, на которыхъ цѣлою кучею лежали убитые и раненые, изувѣченные, неподвижные...

Но не всѣхъ ихъ покинуло сознаніе...

И они видѣли, какъ все ближе и ближе подбирается къ нимъ безпощадное пламя, они слышали, какъ шипитъ отстающая отъ нагрѣвающагося желѣза краска, они чувствовали, какъ постепенно накаляется подъ ними желѣзная палуба...

И, черезъ всю ширину тихой бухты, неслись сюда ихъ жалкіе стоны и вопли о спасеніи, воп-

Digitized by Google

ли людей, осужденныхъ живыми сгорѣть на медленномъ огнѣ...

Но помощь была глуха и слѣпа. Она праздновала свою побѣду и желала насладиться кровавымъ зрѣлищемъ до конца.

Чуть замѣтная зыбь, ласково журча и сверкая фосфорическимъ блескомъ, лобзала своими солеными поцѣлуями бока горящаго крейсера. Сверху надъ нимъ равнодушно мерцали звѣзды... Кругомъ все спало, или притаилось...

Двѣ смѣлыя женщины сидѣли на балконѣ и беззвучно рыдали...

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

„Русская Скоропечатня" Спб. Екатеринин. кан. 94.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google